

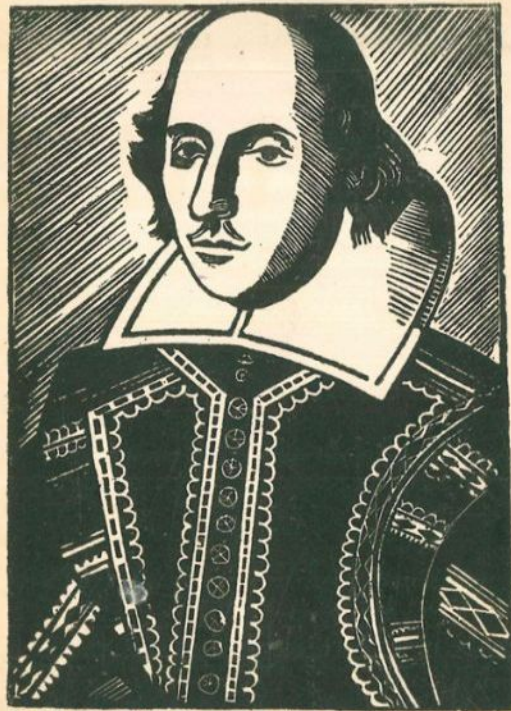
ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

ГАМЛЕТ

ПРИНЦ
ДАТСКИЙ

ПЕРЕВОД
АННЫ РАДЛОВОЙ

„ИСКУССТВО“
1937

SHAKESPEARE

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР
ГАМЛЕТ

ПРИНЦ
ДАТСКИЙ

ПЕРЕВОД
АННЫ РАДЛОВОЙ

ИСКУССТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1937

Оформление книги —
обложка и гравюры
на дереве —

В. И. Козлинского

„ГАМЛЕТ“

«Трагическая история Гамлета, принца датского. Сочинение Вильяма Шекспира. В том виде, в каком она была несколько раз представлена актерами его величества в Лондоне, а также в университетах Кембриджском и в других местах» — под таким заглавием трагедия Шекспира вышла в свет первым изданием в 1603 г. Годом позже она была переиздана с дополнительным указанием на титульном листе: «вновь напечатанная и увеличенная почти вдвое против прежнего по подлинной и полной рукописи». Сценическая история трагедии началась несколько раньше. Первый текстовый вариант ее шел на сцене театра «Куртина» между 1596 и 1598 гг. После 1599 г. она фигурирует в репертуаре вновь построенного театра «Глобус», с владельцами и труппой которого Вильям Шекспир связал себя многолетним и тесным сотрудничеством.

И сценическая, и текстовая история «Гамлета» имеют, однако, свою предисторию. Сюжетные корни трагедии питаются древнейшими драматургическими мотивами.

Тема семейно-родовой мести лежит уже в основе величественной трилогии Эсхила «Орестейя», в которой насильственная смерть царя Агамемнона находит свое возмездие в убийстве вероломной супруги-матери Клитемнестры и ее соучастника в кровавой борьбе за престол Эгиста юным и благородным мстителем Орестом.

Живучесть этого мотива-ситуации в веках литературной истории человечества подтверждается многочисленными памятниками. Скандинавские и, в частности, датские сказания об Амлете-Амлоде, законном наследнике престола, убивающем узурпатора трона, который взшел на его ступени через труп короля-отца, — рядом посредствующих звеньев ведут нас к шекспировской трагедии, как бы вобравшей в себя всю пред-историю своего сюжета.

В XII веке датский летописец Саксон Грамматик фиксирует сказание об Амлете в своей пространной исторической хронике. В 1564 г. француз Бельфорэ включает обработку датской версии Амлета в свои «Histoires tragiques». Они вскоре же переводятся на английский язык. «The History of Hamlet» становится известной английским драматургам, охотно черпающим свои сюжеты из повествовательной литературы. В «Испанской трагедии» Томаса Кида, первое печатное издание которой появилось в 1592 г., мы находим уже ряд предвосхищений сценических ситуаций «Гамлета». Еще больше этих предвосхищений содержала в себе следующая по времени пьеса того же автора — «Месть Гамлета», текст которой до нас не дошел, но которая была представлена на лондонских сценах в 1589 и 1594 гг.

Шекспировский «Гамлет» подвел итог странствованию мотива-ситуации сыновнего мщения, возвел его

в степень огромной философско-психологической проблемы и оставил в наследие векам рядом со своей предшественницей «Орестейей», выросшей в свою очередь из философско-криминальных мифов древней Эллады. «Гамлетом» была дана новая жизнь сюжету семейной мести-возмездия. «Гамлетизм» принял формы литературно-философского течения, породившего немало драматургических и повествовательных произведений. Вековая устойчивость сюжетной ситуации и поднимаемых ею этических проблем может быть иллюстрирована романом Поля Бурже «Андре Корнелис» (1886 г.), в котором контуры «трагической истории Гамлета, принца датского» с добросовестной точностью вычерчиваются на фоне светской жизни Парижа 70-х годов.

И повествование Саксона Грамматика, и «Испанская трагедия» Томаса Кида и его же «Месть Гамлета», в той мере, в какой мы можем реконструировать ее предполагаемый сюжет, воспринимаются нами как типичные для своего времени оригинальные повествования в хроникальной и драматической форме, этико-философское содержание которых не приобретает характера и значения эпохальной проблемы. Шекспир велик в «Гамлете» тем, что поднял старый криминальный сюжет до уровня большой этической проблематики и создал совершеннейший образец той «философской трагедии», высоты которой как драматического жанра не достигались никем из позднейших драматургов, исключая, быть может, только Кальдерона и Генрика Ибсена.

В процессе своей работы над «Дон-Кихотом» Сервантес от задачи создать литературную пародию на традиционный рыцарский роман эволюционировал к большому социально-сатирическому повествователь-

ному полотну, на фоне которого образ его героя насытился глубоким философско-этическим содержанием. Созданный гением Сервантеса образ ламанчского рыцаря в его трехвековой интерпретации критикой стал неким воплощенным обобщением того трагического и трагикомического разлада, который испытывает идеалистическое сознание в своем столкновении с реальной действительностью. Образ Гамлета создал понятие «гамлетизма», отмеченного, прежде всего, той скептической рефлексией, которая характеризует болезнь воли и источником своим имеет беспредельное сомнение в действительности и целесообразности своего действия, приводящее к отречению от активности жизни и к абсолютному, самоуничтожающему пессимизму. В своей знаменитой речи о Гамлете и Дон-Кихоте, проникнутой духом либерального гуманизма, И. С. Тургенев противопоставил эти два мировых литературных образа как два полюса человеческого сознания. Модернизируя психологические черты героев Сервантеса и Шекспира, он увидел в Гамлете предвосхищение пессимистической философии и этической рефлексии, характерное для настроений известных общественных групп конца XIX в. Гамлетизм канонизировался им как болезнь русской дворянско-буржуазной интеллигенции, нашедшая свое выражение в той галерее «лишних людей», которые были столь типичны для русской литературы этой эпохи. Несколько позднее, в ряде своих повествовательных и драматургических образов заставил по-новому звучать тему гамлетизма А. П. Чехов. Из всех пьес Шекспира «Гамлет» имел, пожалуй, наибольшее хождение на русской сцене и наибольшее количество переводов, что свидетельствовало о своеобразном процессе ассимилирования его

идейно-философского содержания в условиях развития русского общественного сознания на рубежах XIX — XX вв.

История европейского гамлетизма является историей восприятия шекспировского идейно-философского наследия в процессе того «размывания» дворянской, а впоследствии и буржуазной психики, которым были отмечены крупнейшие переходные этапы европейской социально-политической жизни. Так идейно-философское содержание шекспировского «Гамлета» находило свои новые воплощения вплоть до пессимистической философии Шпенгера и философской проблематики русского литературного символизма.

Вслед за этим наблюдается и обратный процесс — привнесение в «Гамлета» рожденного им гамлетизма, восприятие и использование шекспировского подлинника сквозь призму бытующего в общественном сознании «гамлетизма». Образ датского принца становится воплощением той «мировой скорби», которая питается общественной рефлексией и социальным пессимизмом. Облик скорбного Гамлета становится обликом, современным гамлетизирующей дворянско-буржуазной интеллигенции предвоенной поры, вбирая в себя ее рефлексию, ее пессимизм, ее болезнь воли и сознания.

Обогащался ли тем самым образ, который триста лет тому назад был создан Шекспиром? Получал ли этот образ то истолкование, которое насыщало его новым, прогрессивным содержанием? Иначе говоря, являлся ли «Гамлет» эпохи расцвета общественного гамлетизма, в своих уже внешекспировских переживаниях и истолкованиях, более обогащенным полнотой человеческого сознания, чем это имело место на границах XVI—XVII вв.?

Несомненно, что «Гамлет» был создан в эпоху роста драматургического, творческого сознания его автора. Им открывается ряд больших шекспировских трагедий, которые отмечены предельной глубиной философской мысли и постановкой больших, кардинальных для своего времени этических проблем. «Гамлет» стоит на пороге XVII века, и в новое столетие Шекспир входит следующими одна за другой монументальными трагедиями «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Антоний и Клеопатра», «Корюлан» и «Тимон Афинский». Во всех этих трагедиях им поднимается одна и та же проблема — проблема индивидуальности в ее соотношении с внешним и внутренним миром, в ее борьбе, в ее личном утверждении. Шекспир как бы восстанавливает во всеоружии драматургической техники и в огромных масштабах своего аналитического гения ту традицию «трагедии личности», зачинателем которой явился безвременно погибший Кристоф Марло, «бурный гений» своей бурной и необычайной эпохи. Марло предшествовал Шекспиру в мощной и динамической пластичности созданных им трагических характеров, в умении обосновывать напряженность действия столкновением человеческих страстей, страстей неукротимых и бьющих через край человеческой личности. Его герои обладали резкими в своих индивидуальных очертаниях характерами. Их души представляли собою странную картину ужасающих противоречий. Их пороки преувеличены, их страсти напряжены до крайних пределов. Они говорят необыкновенно сильным, энергичным и лаконичным языком, в котором много дикой, почти что варварской экспрессии и который насыщен все той же напряженностью страстей и воли. Сюжеты трагедий Марло основаны на великих зло-

деяниях, на отчаянной борьбе человеческого честолюбия, изворотливости и хищной смелости со всем, что мешает свободному, доходящему до пределов дна пизма развитию личности, на потрясающих возмездиях. Они ledenят душу зрителя и, вместе с тем, потрясают ее взрывами своих бешеных, стремительных страстей.

Концепция трагической страсти, наиболее полно развитая Шекспиром в послегамлетовский период его творчества и нашедшая свое предельное выражение, пожалуй, в «Макбете», — выросла у великого британского драматурга на базе восприятия им ренессансной философии в ее активной борьбе с последним схоластическим, абстрактно-символическим мировоззрением. В силу специфических условий развития английской общественности гуманистическая философия Ренессанса конкретизировалась на английской почве и, в частности, у Шекспира в своих наиболее активных, наиболее ярко выраженных устремлениях. Творческая борьба Шекспира с схоластическим мировоззрением разворачивалась в крайне активных и напряженных формах, взрывавших внутри основные схоластические понятия о человеческой личности и о нормах человеческого поведения. Гуманистическое сознание Шекспира находило для себя весьма острые творческие концепции и искало тех острых внутренних коллизий, в которых борьба человеческой личности с препятствиями, стоящими на ее пути, приобретала ритм крайней трагической напряженности.

В трагедиях Марло эта борьба носила прямолинейный характер. Страсть для Марло была движущей силой событий. Своей страстной воле герой подчинял обстоятельства и людей. Он торжествовал над окру-

жающим благодаря силе своей страсти и своего волевого утверждения.

Для Шекспира в его больших трагедиях страсть является той силой, которая овладевает человеческим сознанием. Гипноз страсти ослепляет трагического героя. Страсть становится тем самым браконовским «идолом», в ниспровержении которого отец европейской позитивной философии видел одну из высших этико-философских задач современности. Предвосхищая силу и рядом своей драматургической практикой браконовскую этику, Шекспир в ряде своих произведений делает страсть тем «косматым чудовищем», которое незаметно, но стремительно растет в человеческом сознании, подчиняя его себе и устремляя его к трагическим поступкам.

В этом отношении «Гамлет» не стоит особняком в ряду иных больших трагедий Шекспира. Тема борьбы гуманистического индивидуализма с феодальной схоластикой мыслей, чувств и правов звучит в нем с наибольшей полнотой и законченностью. Гуманистическую и ренессансную сущность своего героя Шекспир подчеркивает отдельными моментами его биографии и, в частности, пребыванием в Виттенбергском университете — одном из центров гуманистического образования и гуманистической философии. Шекспир характеризует образ своего героя чертами ренессансной полноты человеческой личности. Тем сильнее осложняет он последующий трагический конфликт, корни которого таятся в столкновении ренессансной, гуманистической личности с «идеалами» феодальной морали, феодального права и феодальной этики. Мертвые повелевают. Призрак отца внушает Гамлету ту страсть, которая должна стать его трагической виной, — страсть

мщения. Власть мертвых, оковы родовых обязательств и родовой морали Гамлет пытается порвать путем своих размышлений о смерти и посмертной судьбе человеческого существа, питающего своим телом червей и распадающегося в безликой массе земли. Однако сила мертвой, призрачной, внушенной страсти движет поступками трагического героя. В тщетной и неравной борьбе с нею Гамлет совершает цепь своих преступлений. Наиболее острым рефлексом этой борьбы является его знаменитый монолог «Быть или не быть», выдвигающий проблему самоубийства как последнего и решительного шага в борьбе с «идолом» чуждой и непобедимой страсти.

Гуманистическое сознание Шекспира, сознание прогрессивного и передового человека своей эпохи, стремилось к утверждению через творчество гармоничной и полноценной человеческой личности. Шекспировский реализм и его реалистический, жизненный оптимизм питались восприятием той гармонии человеческих чувств и мыслей, той гармонией человеческого существа, которую рождало ренессансное мировоззрение в лице своих наиболее передовых общеполитических и этических систем. Спорный вопрос о том, являлся ли Шекспир оптимистом или пессимистом, не может быть разрешен до тех пор, пока данные термины будут применяться к определению творчества автора «Гамлета» в их более позднем этико-философском смысле. И оптимизм и пессимизм в творческом сознании Шекспира являлись выражением его реалистического восприятия жизни и ее реалистического творческого познания через свою драматургию. Шекспир не знал ни оптимизма, ни пессимизма в современном значении этих слов. Он брал материал жизни в ее противоречиях и находил этим противоречиям тот

исход, который подсказывался ему его прогрессивным гуманистическим мировоззрением. С позиций этого мировоззрения он не мог не наделять мрачными, «пессимистическими» красками те коллизии и те конфликты, которые являлись объективным выражением краха и распада феодального сознания и схоластической морали. В образе Гамлета, как и во всей трагедии в целом, дана мощная картина борьбы двух мировоззрений, одно из которых воплощено в гуманистической, ренессансной полноте человеческой личности, другое — в той страсти, которая овладевает ею и диктует ей свои трагические пути.

Европейский и, в частности, русский гамлетизм позднейшей формации искусственно сублимировал отдельные пессимистические элементы трагедии. Он возвел их в обобщенный философско-этический принцип и придал им универсальное философское значение. Шекспировская трагедия лишилась своей исторической конкретности и богатства своего внутреннего содержания. Ренессансный, гуманистический Гамлет уступил место невзрачному интеллигенту конца XIX — начала XX вв. Тем самым крайне сужалась идейно-философская база трагедии. Не меньшему суживанию подвергалась она при попытках вульгарно-социологического толкования как образа самого принца датского, так и всей трагедии в целом. Сведение всего огромного философского содержания «Гамлета» к субъективным переживаниям деклассирующегося аристократа вряд ли могло способствовать правильной оценке величайшего творения Шекспира. В свою эпоху «Гамлет» обобщал тот глубочайший кризис сознания, который питался социально-политическими и идейно-философскими сдвигами действительности. Вплоть до наших

дней шекспировская трагедия сохраняет именно эту эпохальную значимость. Вплоть до наших дней она остается одним из величайших памятников драматургии и образцом той «философской трагедии», трагедии больших этических проблем и больших философских концепций, дать окончательное разрешение которых может только наша эпоха. В перспективе столетий трагедия о Гамлете, принце датском, терлет для нашего взора свои местные и временные, исторически проходящие частности. Тем самым особую значительность приобретает ее идейно-философская основа, нашедшая свое многообразное раскрытие в отдельных мотивах и в отдельных темах ее внутренне-сложной целостности. Советское шекспироведение, несомненно, найдет то объективно-правильное толкование и раскрытие «Гамлета» в ряду иных произведений его великого автора, которое окончательно ликвидирует созданную вокруг трагедий Шекспира легенду о «гамлетизме», чуждую в своем существе мощному и патетическому гению великого английского драматурга и широчайшим идейно-философским горизонтам его творчества.

К. Дерясов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клавдий, король Дании.
Гамлет, сын предшествовавшего и племянник цар-
ствующего короля.
Полоний, камергер, придворный.
Горацио, друг Гамлета.
Лаэрт, сын Полония.
Вольтиманд }
Корнелий }
Розенкранц } придворные.
Гильденстерн }
Осрик }
Придворный }
Священник }
Марцелл } офицеры.
Бернардо }
Франциско, солдат.
Рейнальдо, слуга Полония.
Актеры.
Два шута, могильщики.
Фортиnbrас, принц Норвежский.
Капитан.
Английские послы.

Гертруда, королева Дании, мать Гамлета.
Офелия, дочь Полония.
Господа, дамы, офицеры, солдаты, матро-
сы, вестники, священники, свита.

Призрак отца Гамлета.

Место действия: Эльсинор.

А К Т

I

СЦЕНА 1-я

Эльсинор. Площадка перед замком. Франциско
на часах. Входит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франциско

Сам отвечай! Стой! И открой, кто ты.

Бернардо

Да здравствует король!

Франциско

Бернардо?

Бернардо

Да.

Франциско

В свой час весьма исправно ты явился.

Бернардо

Уж полночь бьет. Иди, ложись, Франциско.

Франциско

Спасибо, что сменил меня. Замерз я,
И сердце не на месте.

Бернардо

Пока стоял ты на часах, все было
Здесь тихо?

Франциско

Даже мышь не шевельнулась.

Бернардо

Покойной ночи. Если
Увидишь ты Марцелла и Горацио,
Товарищей моих, поторопи их.

Франциско

Я, будто, слышу их. Эй, стой! Кто там?

Входят Горацио и Марцелл.

Горацио

Друзья страны.

Марцелл

И подданные короля датчан.

Франциско

Покойной ночи.

Марцелл

Честный друг, прощай.

Кто тут тебя сменил?

Франциско

Бернардо здесь.

Покойной ночи вам! *(Выходит)*

Марцелл

Эй, эй, Бернардо!

Бернардо

Скажи, Горацио здесь?

Горацио

Лишь часть его.

Бернардо

Добро пожаловать, Марцелл, Горацио!

Марцелл

Что, это снова появлялось?

Бернардо

Я ничего не видел.

Марцелл

Горацио говорит, что это — наше
Воображение, и не хочет верить
В то страшное, что дважды нам являлось.

Поэтому его я пригласил
Посторожить здесь с нами нынче ночью,
И, если снова явится виденье,
Он убедится в этом сам и может
Заговорить с ним.

Горацио

Тьфу, тьфу, не явится.

Бернардо

Присядем здесь,
И снова мы пойдем на приступ ваших
Столь укрепленных против нас ушей,
И снова вам расскажем, что видали
Две ночи мы.

Горацио

Ну, хорошо, присядем,
Послушаем, что скажет нам Бернардо.

Бернардо

Прошедшей ночью,
Когда от полюса вон та звезда
Склонялась к западу и освещала
Ту часть небес, где и сейчас горит,
И пробил час, Марцелл и я...

Входит Призрак.

Марцелл

Шш... шш... молчи, гляди, вот снова он!

Бернардо

Совсем как будто наш король покойный.

Марцелл (к Горацио)

Ученый ты — заговори с ним, друг.

Бернардо

Похож на короля? Заметь, Горацио.

Горацио

Да, очень. Поражен я. Страшно мне.

Бернардо

Он будто ждет, чтоб с ним заговорили.

Марцелл

Горацио, обратись с нему с вопросом.

Горацио

Кто ты, похитивший и час ночной,
И образ тот воинственный и славный,
Который некогда принадлежал
Покойному властителю датчан,
Я небом заклинаю, отвечай!

Марцелл

Он оскорблен!

Бернардо

Смотрите, он уходит.

Горацио

Стой, стой! Я заклинаю, отвечай!

Призрак выходит.

Марцелл

Ушел, не захотел он нам ответить.

Бернардо

Ну, что, Горадио, вы бледны? Дрожите?
Что ж, это больше, чем воображенье?
Как думаете вы?

Горадио

Клянусь я богом, я бы не поверил,
Когда б не подтвердили это прямо
Мои глаза.

Марцелл

На короля похож он?

Горадио

Как ты на самого себя.
В таких же он доспехах был, когда
С норвежским дерзким королем он дрался,
И так же брови он тогда нахмурил,
Когда, переговоры оборвав,
На лед он вышвырнул поляков. Странно!

Марцелл

И дважды он в такой же мертвый час
Воинственным прошел пред нами шагом.

Горадио

Что значит это точно, я не знаю,
Но полагаю, что большие беды
Все это знаменует для страны.

Марцелл

Ну, ладно. Пусть расскажет тот, кто знает,
Зачем всею ночью, строгой, зоркой стражей
Здесь стали изнурять датчан? Зачем
Весь день льют медь на пушки? И зачем
В чужих краях скупают боевые
Припасы? И зачем стоняют толпы
Судостроителей, чей горький труд
Не прекращается и в воскресенье?
Что кроется за этою горячкой,
Когда труд дня делить уж стала ночь?
Кто может объяснить мне?

Горадио

Я могу,
Поскольку ходит слух такой. Король наш
Покойный, что нам только что явился,
От Фортиnbrаса, короля норвежцев,
Пришпоренного гордостью ревнивой,
Как вам известно, вызов получил
На поединок. Наш отважный Гамлет—
Весь мир известный знал его отвагу—
Убил противника. По договору,
Скрепленному законом и печатью,
Убитый вместе с жизнью отдавал
Все победителю свои владенья;
И равное количество земли
В заклад поставил наш король. И если б
Был победитель — Фортиnbrас, он их бы
И унаследовал, как по тому же
Условью Гамлету его земля
Досталась. Ныне ж юный Фортиnbrас,

Горячий, неотесанный и пылкий,
В Норвегии — и там, и здесь — набра.л
Не знающих закона смельчаков,
Готовых ради корма на любые
Дела, была б для живота пожива.
Не что иное это, — так считает
Правительство, — как жажда взять обратно
Вооруженною рукой те земли,
Что потерял его отец когда-то.
Вот в этом, полагаю я, причина
Приготовлений наших, строгой стражи
И этой спешки, шума в государстве.

Бернардо

Я тоже думаю, что это так.
И, может быть, воинственный тот образ,
Столь схожий с королем, прошел средь нас
Как этих войн зачинщик и причина.
Пылника эта может омрачить
Глаз разума. В высоком славном Риме,
Пред тем как пал могущественный Юлий,
Могила стала пустовать, вставляли
И в саванах бродили мертвецы,
По римским улицам визжали, выли;
И звезды с огненным хвостом явились,
Кровавая роса, на солнце пятна;
И влажная звезда, что управляет
Владеньями Нептуна, заболела
Затмением, как в день Страшного суда.
Такие ж знаменья событий грозных,
Как скороходы рока и прологи,
Что предвещают будущее, нынче

На небе и земле здесь показались
Родной нам Дании и всем датчанам.

Входит Призрак.

Но тише, тише... вот он снова входит,
Я путь ему загорожу, хотя бы
Меня испортил он. Стой, наваждение!
И, если у тебя есть звук, или голос,
Ответь мне!
И, если я добро могу свершить
Тебе на помощь, а себе во благо,
Ответь мне!
И, если родины ты знаешь рок,
Который знаньем можно отворотить,
Ответь мне!
И, если ты был принужден при жизни
Награбленное в землю закопать, —
За что, как говорят, вы часто, духи,
Осуждены бродить и после смерти, —
Ответь! Стой и ответь!

Поет петух.

Держи, Марцелл!

Марцелл

Что? Мне его ударить бердышом?

Горадио

Да, если двинется.

Бернардо

Он здесь!

Горадио

Он здесь!

Призрак выходит.

Марцелл

Ушел он!
Мы величавому созданию зря
Подобием насилия угрожали.
Он невредим, как воздух, а удары
Здесь наши тщетны, лишь обидный глум.

Бернардо

Он бы ответил, да петух запел.

Горадио

Как что-то виноватое, он вздрогнул
При оклике ужасном. Я слышал—
Петух, что служит утренней трубой,
Своей пронзительной и звонкой глоткой
Дневного бога будит. И при этом
Предупрежденьи, — будь в огне, иль море,
В земле иль воздухе, — спешит домой
Блуждающий и сумасбродный дух.
Вот доказательство, что это правда.

Марцелл

Да, он исчез, когда петух запел.
Вот говорят, что перед теми днями,
Когда мы Рождество Христа справляем,
Всю ночь поет та утренняя птица.
В такую ночь уж дух не шевельнется,
И благотворны ночи, и планеты
Не убивают никого, и феи
И ведьмы колдовать уже не могут—
Так милостиво, свято это время.

Горадио

Отчасти верю в это я. Взгляните,
Вот в алой мантии ступает утро
Там по росе восточных гор высоких.
Прервать мы можем стражу. Мой совет —
Все молодому Гамлету открыть,
Что видели мы ночью. Я клянусь,
Что дух, немой для нас, ему ответит.
Согласны ль вы все рассказывать ему,
Как нам велит и долг наш и любовь?

Марцелл

Прошу вас так и сделать. Знаю я,
Где утром нам скорей его найти.

Выходят.

СЦЕНА 2-я

Парадная зала в замке. Трубы. Входят Король,
Королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт, Кор-
нелий, Вольтиманд, придворные и свита.

Король

Хоть в нашей памяти еще свежа
Смерть Гамлета, возлюбленного брата,
И подобает нам нести печаль

В сердцах, и чтобы королевство наше
Одним лицом нахмуренным казалось,
Но все же ум природу победил—
И с мудрой болью думаем о брате,
Одновременно помня о себе.
Поэтому мы с радостью нежной—
В одном глазу слеза, в другом улыбка—
Смешав со свадьбой похоронный плач
И погребенье с свадебным весельем,
Уравновесив счастье и печаль,—
Мы взяли в жены королеву нашу,
Что некогда сестрою нам была,
Наследницу воинственной страны.
И в этом поступили мы согласно
Советам вашим мудрым, что свободно
Вы дали нам. За все благодарим.
Теперь к другому с вами перейдем:
Как вам известно, юный Фортинбрас,
Нас низко оцени, или считая,
Что смерть нам дорогого брата ввергла
В расстройство и упадок королевство,
О превосходстве возмечтал своим
И стал посланьями нам докучать
И требовать возврата тех земель,
Что от его отца наш храбрый брат
По праву взял. Вот все о нем. Теперь
О нас и о собраньи нашем скажем.
Вот дело в чем; письмо вот это пишем
Мы дяде Фортинбраса, королю
Норвежскому, больному старику,
Который вряд ли знает о делах
И замыслах племянника. Мы просим
Конец затеям этим положить—

Ведь и вербовка и снабжение войск
Средь подданных его же происходит.
Поэтому, Корнелий, Вольтиманд,
Мы посылаем вас с письмом любезным
К норвежцу-старiku. При этом мы
Вам полномочий больших не даем
В переговорах с королем, чем это
Указано в посланьи. Ну, прощайте.
Поспешностью усердьe докажите.

Корнелий и Вольтиманд
Как и во всем, усердьe здесь докажем.

Король
Не сомневаюсь в этом я. Прощайте.

Корнелий и Вольтиманд выходят.
Что нового нам скажете, Лаэрт?
У вас есть просьба к нам. О чем, скажите?
И если просьба ваша к королю
Разумна,— не напрасна будет речь.
Чего бы вы, Лаэрт, ни пожелали,
Без просьбы я готов вам предложить.
Не боле сердце голове сродни,
Устам не более рука послушна,
Чем датский трон наш вашему отцу.
Чего хотите вы, Лаэрт?

Лаэрт
Милорд,
Позвольте мне во Францию вернуться,
Откуда добровольно я приехал
По долгу на коронованье ваше.

Теперь, что долг исполнен, сознаюсь,
Мысль и желанье к Франции стремятся
И ждут, склоняясь, прощенья и согласия.

Король

Отец согласен ваш? Ну как, Полоний?

Полоний

Милорд, так долго он мне докучал
Прилежными мольбами, что согласие
Против желанья дал я наконец.
Молю вас разрешить ему уехать.

Король

Ну, в добрый час, Лаэрт. Свободен ты
Собой и временем распорядиться.
Ну, Гамлет, кровный родственник и сын!

Гамлет *(в сторону)*.

Побольше кровный и поменьше сын.

Король

Как, тучи все вас окружают?

Гамлет

Нет,

Под слишком ярким солнцем я, милорд.

Королева

О, милый Гамлет, сбрось ночной твой цвет,
На короля датчан взгляни, как друг.
Не вечно ж, веки опустив, в пыли
Искать отца достойного. Ты знаешь,

Таков удел всеобщий: все умрет,
И через жизнь все в вечность перейдет.

Гамлет

Да, госпожа, таков удел всеобщий.

Королева

Но если всем судьба та суждена,
Чем кажется особой здесь она?

Гамлет

Как кажется? Нет, есть! Нет ничего здесь,
Что кажется. Ни плащ мой, как чернило,
Ни установленный и мрачный траур,
Ни тяжкий вздох подавленной груди,
Ни реки слез, текущие из глаз,
Ни горестное жалкое лицо
Со всеми знаками и видом горя
Не могут истинно открыть меня.
Все это «кажущимся» может быть.
То, что внутри, изобразишь едва ли,
А это — лишь убор моей печали.

Король

Как трогательно и похвально, Гамлет,
Что скорбный долг отцу вы воздаете.
Но ведь отец ваш потерял отца,
И тот отец отца лишился. Каждый,
Кто пережил отца, сыновний долг
Обязан исполнять, скорбя над ним,
Но лишь определенный срок; а если
Упорствовать в упрямом горе станем —
В нечестье можем впасть. Не по-мужски

Так горевать. Ведь это свойство воли,
Бунтующей против небес, и сердца
Носильного, души нетерпеливой,
Простого неученого ума:
Ведь то, что неизменно и обычно,
Как самая обыденная вещь,
Мы не должны с унынием угрюмым
Так к сердцу принимать. Фу, это грех
Против небес, и грех против умерших,
И грех против природы, — он противен
Закону Разума, что смерть отцов
Признал и утвердил от первой смерти
До человека, что сегодня умер:
«Так быть должно». Мы просим вас, стряхните
Напрасную печаль и нас считайте
Отцом, чтоб вся вселенная узнала,
Что к трону нашему вы ближе всех,
И так же щедро, как дарит любовью
Родного сына любящий отец,
Я вас дарю. А ваше пожеланье
Вернуться для ученья в Виттенберг
Желанием противоречит нашим,
И очень вас мы просим здесь остаться
На утешение и радость нам,
Как первый дворянин, племянник, сын наш.

Королева

Мой Гамлет, мать не заставляй напрасно
Просить. Останься! В Виттенберг не ездь!

Гамлет

Я постараюсь быть послушным вам.

Король

Какой ответ любезный и приличный!
Останьтесь с нами в Дании. *(К королеве)* Идемте.
Согласием невынужденным, милым
Нам Гамлет сердце радует, и мы
Хотим, чтоб каждый кубок, что сегодня
Король осушит в честь его, был знаком,
Чтоб пушки загремели в небеса
И гром небесный стал бы отголоском
Земных громов заздравных. Ну, идемте!

Трубы. Все выходят, кроме Гамлета.

Гамлет

О, если б слишком крепкое могло бы
Растаять тело и росой излиться!
О, если бы предвечный нам законом
Не запретил самоубийства! Боже!
Как жалки, плоски и бесплодны все,
Мне кажется, дела на этом свете.
Тьфу на него! Ведь это дикий сад,
Заросший сорняком. Все, что в природе
Дурного есть и грубого в нем зреет,
Владеет им. До этого дошло!
Два месяца, как умер он, да нет
Двух месяцев! Такой король прекрасный!
Сравнишь ли их — Гиперион с сатиром!
Так мать мою любил, что ветру резко
Коснуться б он не дал ее лица.
О, небо и земля! Зачем я должен
Все вспоминать? Она на нем висела,
Как будто голод рос в ней от того же,
Чем насыщался. Все же через месяц...

не думать бы об этом... Слабость — имя
Твое, о, женщина! Не износила
И башмаков, в которых шла она
За гробом бедного отца, в слезах,
Как Ниобей... И она! Она!
О, боже, боже! Неразумный зверь —
И тот бы дольше тосковал! Пошла
За дядю, брата моего отца,
Который на него похож не больше,
Чем я на Геркулеса! Через месяц!
Еще заплаканы, красны глаза
От лживых слез. И замужем она!
Прить мерзкая! Так кинуться поспешно
В постель кровосмешенья!
Добра здесь нет, и здесь не быть добру.
Но, сердце, разорвись! молчи, язык!

Входят Горадио, Марцелл и Бернардо.

Горадио

Привет, милорд, вам.

Гамлет

Очень рад вас видеть.
Горадио, если не ошибся я?

Горадио

Милорд, он самый, ваш слуга покорный.

Гамлет

Нет — друг мой, и меня зовите другом.
Но что вас привело из Виттенберга?
Марцелл!

Марцелл
Милорд любезный?

Гамлет

Я рад вас видеть. (К Бернардо) Добрый вечер,
сэр.
Но что ж вас привело из Виттенберга?

Горадио

Наклонность к лени, дорогой милорд.

Гамлет

Я б не позволил вашему врагу
Так говорить. И вы не принуждайте
Мой слух принять такие показанья
Против Горадио. Не лентий вы, знаю.
Что делаете в Эльсиноре вы?
До вашего отъезда мы научим
Вас лихо пить.

Горадио

Милорд, куда я ехал
На погребенье вашего отца.

Гамлет

Не смейся надо мной, студент-товарищ, —
Скорей на свадьбу матери моей.

Горадио

Ну да, милорд, уж больно быстро свадьба
Последовала здесь за погребеньем.

Гамлет

Расчет, расчет, Горадио, с похорон
Хватило блюд остывших и на свадьбу.
Уж лучше бы в раю с врагом заклятым
Я встретился, чем пережить тот день!
Отец мой... кажется, отца я вижу...

Горадио

О, где, милорд?

Гамлет

Глазами мысли, друг.

Горадио

Его я видел раз. Он был король.

Гамлет

Он человек был подлинный. Ни в чем
Я равного ему уж не увижу.

Горадио

Милорд, мне кажется, что нынче ночью
Он мне явился.

Гамлет

Как? Явился? Кто?

Горадио

Король, отец ваш.

Гамлет

Мой отец, король?

Горадио

Пока не изумляйтесь, со вниманьем
Меня послушайте, чтобы я мог,
С порукою вот этих двух дворян,
Открыть вам это чудо.

Гамлет

Ради бога

Дай мне услышать.

Горадио

Эти господа,

Бернардо и Марцелл, две ночи сряду,
Здесь стоя на часах, в пустыне мертвой
Полуночи, вот что видали: кто-то,
Подобный вашему отцу, явился
Вооруженный с головы до ног;
Торжественной походкой величаво
И медленно прошел он перед ними
На расстоянии жезла; три раза
Прошел он. А они, почти расплавясь
От ужаса, стояли молча. Мне
Под страшной клятвой все они сказали.
И третью ночь я с ними стал на страже.
И в том же образе, и в тот же час,
Как бы слова их точно подтверждая,
Виденье снова появилось. Знал
Я вашего отца. Вот эти руки
Не более похожи друг на друга.

Гамлет

Но где все это было?

Марцелл

На той площадке, где стоим на страже.

Гамлет

Вы говорили с ним?

Горадио

Заговорил,

Милорд, но он не отвечал. А все же
Мне показалось вдруг, что будто поднял
Он голову, движение сделал, как бы
Хотел заговорить, но тут горластый
Запел петух. При этом звуке быстро
Он сжался и исчез из глаз.

Гамлет

Как странно...

Горадио

Как то, что я живу, все это правда.
Мы думаем, что долг нам предписал
Вам все открыть.

Гамлет

Конечно, господа. Но я в смятении.
Сегодня вы на страже?

Марцелл и Бернардо

Мы, милорд.

Гамлет

Он был вооружен?

Марцелл и Бернардо

Вооружен,

Милорд.

Гамлет

От головы до пят?

Марцелл и Бернардо

От головы до ног.

Гамлет

Так вы не видели его лица?

Горадио

О, нет, видали —
Забрало было поднято, милорд.

Гамлет

Глядел он мрачно?

Горадио

Скорей печаль была в нем, а не гнев.

Гамлет

Он бледен был, или красен?

Горадио

Очень бледен.

Гамлет

На вас смотрел он?

Горацио

Да, пристально.

Гамлет

Хотел бы я там быть.

Горацио

Он порази бы вас.

Гамлет

Да, да, возможно. Долго пробыл он?

Горацио

Не торопись, мы б до ста сосчитали.

Марцелл и Бернардо

Нет, дольше, дольше.

Горацио

Когда его я видел, то не дольше.

Гамлет

А борода седая у него?

Горацио

Нет, как при жизни у него была
Черная, но серебристая.

Гамлет

Нынче ночью

На страже буду я. Быть может, он
Опять придет.

Горацио

За это я ручаюсь.

Гамлет

и если примет благородный образ
Он моего отца — заговорю с ним,
Хотя бы ад разверзся и велел мне
Молчание хранить. Прошу вас всех —
Как до сих пор все виденное в тайне
Вы сохраняли, так и впредь молчите;
И, что бы нынче ночью ни случилось,
Пусть понимает ум, язык молчит.
За дружбу я вам отплачу. Прощайте.
Я до полуночи к вам на площадку
Приду.

Все

Милорд, имеем честь проститься.

Гамлет

Люблю вас, как и вы меня. Прощайте.

Все выходят, кроме Гамлета.

Дух моего отца в вооружении...
Нехорошо. Подозреваю я
Игру здесь гнусную. Скорей бы ночь!
Крепись, душа! Зло, все дела твои
Предстанут людям, хоть из-под земли.

(Выходит)

Комната в доме Полония. Входят Ларрт и Офелия.

Ларрт

Поклажа уж на корабле. Прощайте!
При случае и при попутном ветре,
Сестра, не спите и пришлите мне
Весть о себе.

Офелия

Вы в этом сомневались?

Ларрт

А что до Гамлета, его вниманье —
Лишь модная игра, лишь прихоть крови,
Фиалка юною весной, цветок
Хоть ранний, но зато недолговечный,
Хотя и сладкий, но зато непрочный,
Он льет минутное благоуханье
И больше ничего.

Офелия

И больше ничего?

Ларрт

Поверьте, так

Природа увеличивает в нас
Не только мускулы и рост; но с храмом
Растут одновременно ум и сердце,
Что служат в нем.

Быть может, он сейчас и любит вас;
Быть может, чистоту его желаний
Пятно лукавства не грязнит. Но бойтесь!
Его происхождение взвесьте. Он
Не сам своею волей управляет
И своего рожденья он слуга,
И, как простые люди, он не может
Сам выбирать. От выбора его
Страны благополучие зависит;
И этот выбор должен быть скреплен
Согласьем и соизволеньем тела,
Которому он служит головой.
И если о любви он говорит вам,
Благоразумны будьте и ему
Лишь верьте так, как в этом положении
Он слово делом может подтвердить, —
А здесь вся Дания должна решать.
Как пострадала б ваша честь, поймите,
Когда б доверчиво вы стали слушать
То, что он вам поет, иль сердце ваше
Ему бы отдали, иль чистый клад свой
Его безмерной дерзости открыли!
Офелия, милая сестра, странитесь
И прячьтесь в глубине своей любви,
Чтоб вас не сжег огонь его желаний.
Скупая девушка уже щедра,
Когда при месяце снимает маску,
По чистоте самой бьет клевета,
Детей весны как часто точит червь,
Пока еще не распустились почки,
И в юных утренних прозрачных росах
Поветрия заразнее всего.

Так будьте осторожны — страх спасет:
Опасна юность, даже без невзгод.

О ф е л и я

Охраной будет сердцу моему
Урок ваш добрый. Но, мой милый брат,
Не поступайте, как безбожный пастырь,
Указывая путь тернистый к небу
Другим, а сами, как пустой повеса,
Идя путем цветистым наслаждений,
Слова свои забыв.

Л а э р т

О, нет, не бойтесь.
Но медлю я. Идет сюда отец.

Входит Полоний.

На том, кого благословили дважды,
Двойная благодать. Мне выпал случай
Еще проститься с вами.

П о л о н и й

Здесь еще вы!
Скорей, скорее на корабль! Стыдитесь!
Уж дует ветер в спину парусам,
И вас там ждут. Ну, вот благословенье
И наставлений несколько на память. *(Кладет
руку на голову Лаэрта)*

Храните их.
Мысль не всегда ты языку вверяй;
Не все то делай, что надумал ты;
Будь вежлив, но ни с кем не будь развязен;
Когда друзей, их испытав, узнаешь,
Прикуй их к сердцу обручем стальным;

Но не мозоль ладони, пожимая
Всем встречным руки; бойся в ссору лезть,
Но, если уж поссорился, держись
Так, чтоб тебя боялся твой противник;
Всех слушай, не со всеми говори;
Все мненья принимай, храни свое;
Одежду шей богатую по средствам,
Но без фантазий, пышно, не пестро
*(По платью часто мы о людях судим,
А знать во Франции имеет в этом
Изысканный и благородный вкус);*
В долг не бери и займы не давай:
Давая займы, часто мы теряем
И деньги и друзей; а в долг беря,
Расчетливость в хозяйстве ты притупишь.
А главное: себе не изменяй,
И так же, как за ночью день приходит,
Так ты другим не будешь изменять.
Прощай. С тобой мое благословенье.

Л а э р т

Милорд, почтительно прощаюсь с вами

П о л о н и й

Пора, пора, там ваши слуги ждут.

Л а э р т

Офелия, прощайте, не забудьте
То, что я вам сказал.

О ф е л и я

Ваши слова
Замкнула в сердце я, а ключ у вас.

Лаэрт

Прощайте. *(Выходит)*

П о л о н и й

А что, Офелия, он вам сказал?

О ф е л и я

О лорде Гамлете он говорил.

П о л о н и й

Клянусь, неплохо выдумал.
Мне говорили, что он очень часто
Свое дарил вам время, вы ж его
Охотно принимали у себя.
А если так, как говорили мне,
Чтоб остеречь, сказать я должен вам,
Что вам неясно, как должна вести
Себя согласно чести дочь моя.
Что между вами? Говорите правду.

О ф е л и я

Милорд, он часто признавался мне
В привязанности.

П о л о н и й

В привязанности! Тьфу! Вы, как девчонка,
Неопытная в этом гиблом деле,
Толкуете. Что ж, верите в признанья?

О ф е л и я

Милорд, не знаю я, что мне и думать.

П о л о н и й

Я научу вас. Думать вы должны,
Что вы дитя, — за чистую монету
Вы приняли фальшивые признанья.
Признайте же, что вам цена дорожо,
Иль, чтоб не выкинуть из песни слова,
Придется вам признать, что я дурак.

О ф е л и я

Милорд, он о любви мне говорил
Приличным образом.

П о л о н и й

«Прилично» называется! Ну, ну!

О ф е л и я

Слова свои он подкреплял, милорд,
Святыми всеми клятвами небес.

П о л о н и й

Ах, все силки для глупых птиц. Я знаю,
Когда огонь в крови, как щедро сердце
Ссудить готово клятвами язык.
Дочь, не считайте этот блеск огнем —

Дает он больше света, чем тепла,
И гаснет так же скоро, как и вспыхнул.
Вперед немного будьте вы скупее
На девицье присутствие свое
И разговор цените свой дороже,
Чем по приказу, и не очень верьте
Вы лорду Гамлету. Он молод, может
Гулять он на веревке подлиннее,
Чем ваша. Словом, вы, Офелия, клятвам
Его не верьте. Клятвы эти — сводни,
Что рядятся в наряд им не присущий,
Посредницы греховных вожделений,
Но святостью и благочестием дышат,
Чтоб обмануть вернее. Вот и все.
Раз навсегда я говорю вам ясно:
Не смейте тратить ни одной минуты
Вы с лордом Гамлетом на болтовню.
Ну, помните приказ. Теперь ступайте.

О ф е л и я

Милорд, я повинуюсь. *(Выходит)*.

СЦЕНА 4-я

Площадка перед замком. Входят Гамлет, Гораццо
и Марцелл.

Гамлет

Как воздух резок. Очень сильный холод.

Г о р а ц и о

Большая стужа. Щиплет злой мороз.

Гамлет

Который час?

Г о р а ц и о

Должно быть, скоро полночь.

Марцелл

Нет, пробило уже.

Г о р а ц и о

Да, правда? Не слыхал я. Значит, время
Уж близится, когда здесь ходит призрак.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Милорд, что это значит?

Гамлет

Король всю ночь не спит и веселится,
И пьянствует, и пляшет. Каждый раз,
Как, кубок с рейнским осушив, он здравье
Провозгласит, гремят литавры, трубы
Об этом торжестве.

Г о р а ц и о

Таков обычай?

Гамлет

Да, есть такой.

Но хоть я здесь родился и привык
К таким повадкам, но, по мне, обычай

Тот лучше нарушать, а не блюсти.
Разгул наш грубый на восток и запад
Прославил худо нас средь всех народов, —
Нас пьяницами называют, кличку
Свиней дают. И, вправду, тот разгул
У подвигов высоких наших силу
И сердцевину часто отнимает.
Бывает так с отдельными людьми,
Когда у них, как родинка, порок
От самого рожденья — в чем они
Не виноваты — не воляна природа
Происхождение выбирать свое;
Иль свойство есть, распухшее не в меру,
Что все форты рассудка разбивает;
Или привычка, что собой пятнает
Благопристойность. Вот такие люди,
Имеющие хоть один изъян,
Отмеченные жизнью иль природой,
Хотя б их доблести бесчисленны были,
Чисты, как благодать, — все ж в общем мненьи
Все в них испорчено. Лишь драхма грязи —
Все благородство смеси под сомненьем
К ее позору.

Входит Призрак.

Горадио

Он, милорд, смотрите.

Гамлет

О, силы неба, защитите нас!
Блаженный дух, иль окаянный демон,
Небесное несешь ли ты дыханье,
Иль опаляющий геенский жар,

Твой влобен умысел, иль милосерден —
В таком таинственном пришел ты виде,
Что я заговорю. Взываю: Гамлет!
Король! Отец мой! Царственный датчанин!
Ответь мне и не дай сгореть в незнании,
Скажи, зачем твои святые кости,
Зарытые в могиле, разодрали
Свой саван? и зачем тот склеп, в котором
Мы видели тебя лежащим в мире,
Открыл свой мраморный, тяжелый зев
И выпустил тебя? Что это значит,
Что, труп, закованный в стальных доспехах;
В лучах луны ты ходишь, наполняя
Ночь ужасом? А в нас, шутах природы,
Так страшно потрясаешь душу мыслью
О том, чего душа постичь не может?
Скажи, что это? Почему? Что делать?

Призрак манит Гамлета.

Горадио

Зовет он вас последовать за ним,
Как будто хочет что-то рассказать
Вам одному.

Марцелл

Как вежливо зовет он
Вас отойти подальше с ним, но вы
С ним не идите.

Горадио

Нет, нет, ни за что.

Гамлет

Не хочет говорить он, я пойду с ним.

Горацио

Милорд, не надо!

Гамлет

Да чего бояться?

Булавка мне ценней, чем жизнь моя.
А что моей душе он сделать может?
Она — предмет бессмертный, как и он.
Меня он манит. Я за ним пойду.

Горацио

Милорд, вдруг заведет он вас к воде,
Иль на вершину страшного утеса,
Что весь навис над морем; вдруг он примет
Какой-нибудь ужасный новый образ,
Который власти разума лишит вас
И в сумасшествие повергнет вас.
Подумайте об этом. Это место
Соблазн отчаянный внушает людям
И без причин особых, — лишь взглянут
С такой громадной высоты на море
И рев его услышат.

Гамлет

Он все манит.

Иди вперед! Я за тобой иду!

Марцелл

Милорд, вы не пойдете!

Гамлет

Руки прочь!

Горацио

Одумайтесь, нельзя идти.

Гамлет

Мой рок

Зовет меня, и каждой жилке в теле
Всю силу льва Немейского дает.

Призрак манит.

Он все зовет? Пустите, господа!
Клянусь, я в духа превращу того,
Кто станет здесь удерживать меня.
Сказал я, прочь! Иди! Я за тобой!

Призрак и Гамлет выходят.

Горацио

Он от мечты своей впал в исступленье.

Марцелл

Пойдем за ним, нам слушаться не надо.

Горацио

Идем за ним. Чем кончится все это?

Марцелл

Подгнило что-то в датском государстве.

Горацио

Пусть небо этим правит.

Марцелл

Что ж, идем.

Выходят.

Другая часть площадки. Входят Призраки Гамлет

Гамлет

Куда меня ведешь ты, говори?
Я дальше не пойду.

Призрак

Так слушай.

Гамлет

Да.

Призрак

Наступит скоро час, когда я должен
Вернуться в серный и жестокий пламень.

Гамлет

О, бедный дух!

Призрак

Ты не жалеяй меня
И слушай со вниманьем то, что я
Открою.

Гамлет

Говори, я должен слушать.

Призрак

Как должен отомстить, когда услышишь.

Что ты сказал?

Призрак

Дух твоего отца я, обреченный
На некий срок ходить ночами здесь,
А днем томиться в огненном кругу,
Пока все зло, что я свершил при жизни,
Огонь не выжжет. Если б мог я тайну
Запретную моей тюрьмы открыть,
Легчайшее из слов в моем рассказе
Дух растерзало б твой, оледенило б
Кровь юную твою, твои глаза,
Как звезды, вырвало бы из орбит,
И развились б расчесанные кудри,
И каждый волос твой поднялся б дыбом,
Как дикобраза яростного иглы.
Но эта тайна вечная не может
Коснуться слуха существа из плоти
И крови. Слушай, слушай, слушай!
Когда отца ты своего любил...

Гамлет

О, боже!

Призрак

Отомсти
Ты за убийство гнусное его.

Гамлет

Убийство?

Призрак

И лучшее убийство очень гнусно,
Но это всех гнусней, странней, грязнее.

Гамлет

Дай мне узнать скорей, чтоб я на крыльях,
Как греза, как мечта любви, проворных
Летел бы к месту.

Призрак

Вижу, ты готов,
Но был бы ты недвижной жирных трав,
Что на Летейских берегах гниют,
И то б затрепегал ты. Слушай, Гамлет:
Пустили слух, что я, заснув в саду,
Ужален был змеей. И вся страна
Той наглой сказкой о моей кончине
Обманута была. Знай, честный отрок, —
Тот змей, что твоего отца ужалил,
Надел его венец.

Гамлет

О, вещая моя душа! Мой дядя!

Призрак

Да, этот похотливый, гнусный зверь.
Он колдовством ума, коварства даром —
О, мерзкий ум и дар, что власть имеют
Так обольщать! — добился ласк позорных
Моей притворно-чистой королевы.

Какое здесь паденье было, Гамлет!

Мне, чья любовь достойно шла всегда
С обетом об руку, что дан был мною
Ей при венчаньи, предпочесть ту тварь,
Убого одаренную природой
В сравнении с мной!

Но так же, как невинность не склонится,
Хотя бы срам, за нею увиваясь,
Небесный образ принял, так и похоть,
В ликующего ангела объятьях
Насытившись на райском ложе, грязной
Захочет требухи.

Но тише! Утренний я чую ветер.
Я должен кратким быть. Заснул в саду я,
Как и всегда я пополудни спал,
И в этот мирный час подполз твой дядя
Со склянкой окаянной белены
И в раковину он ушную влил
Раствор тот, вызывающий проказу,
Что с человеческой кровью во вражде:
Быстрее ртути, он по всем каналам
И переходам тела пробегает,
С мгновенной силой, будто в молоко
Попала капля уксуса, сгущает
И свертывает кровь, какой бы чистой
Та ни была. Так и с моей случилось.
И, как у Лазаря, мгновенно струнья
Проклятой мерзкой коркою налипли
На тело гладкое мое.

Так братская рука во время сна
Украла жизнь, венец и королеву.
В цветущих моих грехов и срезан был
Без покаянья, мира и причастья,

И, не сведя счетов, предстать пришлось мне
Перед Судом, и все грехи на мне!
О, ужас, ужас, величайший ужас!
И, если ты — мой сын, не потерни!
Не дай, чтоб ложе датских королей
Служило похоти кровосмешенья.
Но, как бы ни повел ты это дело,
Не запятнай души, на мать свою
Не покушайся. Небесам ее
И терниям, что грудь ей колят, жалят, —
Ее отдай. Прощай, прощай, пора, —
Светляк уж возвещает — скоро утро,
И гасит свой бессильный огонек.
Прощай, прощай и помни обо мне! *(Выходит)*

Гамлет

Войска небесные! Земля! Еще что?
Позвать и ад? Тьфу! Тише, сердце, тише!
Мгновенно не дряхлейте, мышцы; вы
Меня несите твердо! Помнить? Помнить?
Да, бедный дух, пока сидит здесь память
В безумном этом шаре. Помнить, помнить?
Да, я со списка памяти сотру
Пустые, вздорные заметки, все,
Что вычитал, увидел или отметил,
Все то, что наблюдение и юность
Туда вписали. Лишь один приказ твой.
Без всяких низких примесей, теперь
Жить будет в книге мозга, я клянусь!
О, гибельная женщина!
Подлец! Подлец с улыбкою! Проклятый!
Таблички где? Я должен записать,
Что можно улыбаться, улыбаться

И подлецом быть. Знаю твердо я,
Что в Дании наверно так бывает. *(Пишет)*
Так, дядя, здесь вы. Ну, теперь девиз мой:
Прощай, прощай, и помни обо мне!
Поклялся я.

Горадио и Марцелл *(за сценой)*

Милорд, милорд, милорд!

Марцелл *(за сценой)*

Лорд Гамлет!

Горадио *(за сценой)*

Небо сохрани его.

Гамлет

Да будет так.

Горадио *(за сценой)*

Эй, эй, милорд!

Гамлет

Эй, эй, мой сокол, здесь я!

Входят Горадио и Марцелл.

Марцелл

Ну как, милорд?

Горадио

Что нового, милорд?

Гамлет

О, чудеса!

Горацио

Милорд, скажите!

Гамлет

Вы проговоритесь.

Горацио

Я — нет, клянусь, милорд.

Марцелл

Ни я, милорд.

Гамлет

Как скажете? Чье сердце бы могло
Придумать? Тайну эту сохраните.

Горацио и Марцелл

Милорд, клянемся небом.

Гамлет

Нет, в целой Дании нет негодяя,
Который не был бы известным хамом.

Горацио

Не стоило вставать из гроба духу,
Чтоб это нам сказать.

Гамлет

Да, это правда,
Вы правы. Потому без лишних слов,
Пожав друг другу руки, разойдемся,
Вы по своим делам или заботам, —
У всех ведь есть заботы и дела

Те или иные. — Мой же бедный жребий —
Молиться. Видите, иду я.

Горацио

Милорд, слова неясны ваши, дики.

Гамлет

Мне очень жаль, что вам они обидны,
Поверьте, жаль.

Горацио

Милорд, здесь нет обиды.

Гамлет

Нет, есть, клянусь святым Патриком, есть
Великая обида. А виденье,
Могу сказать вам, — это честный дух.
А если вы хотите знать, что было там
Меж нами, то придется вам
Немного потерпеть. Теперь, друзья,
К вам, как к друзьям, студентам и солдатам,
Есть просьба у меня.

Горацио

Милорд, какая просьба? Мы готовы.

Гамлет

Прошу вас никогда не открывать
Того, что нынче ночью вы видали.

Горацио и Марцелл

Милорд, не будем.

Гамлет

Нет, вы поклянитесь.

Горадио

Клянусь, милорд.

Марцелл

И я, милорд, клянусь!

Гамлет

Нет, на моем мече.

Марцелл

Мы поклялись.

Призрак (из-под земли)

Клянитесь!

Гамлет

Ага, брат! И ты то же говоришь!
Ты здесь, мой честный малый. Ну, скорей!
Приятеля из погребца слыхали?
Клянитесь же!

Горадио

Вы подскажите клятву.

Гамлет

Не говорить о том, что здесь видали,
Клянитесь на мече.

Призрак (из-под земли)

Клянитесь!

Гамлет

Перейдем сюда,
На это место, господа. На меч мой
Вы положите руки. Никогда
О том, что слышали, не говорить
Клянитесь на моем мече.

Призрак

Клянитесь!

Гамлет

Так, старый крот! Как быстро роешь ты!
Достойный землекоп! (*К Марцеллу и Горадио*)

Еще сюда!

Переходят на третье место.

Горадио

О, день и ночь! Как все же это странно!

Гамлет

Как странника вы странность ту примите.
Ведь много скрыто в небе и в земле
Таких вещей, Горадио, что не снились
Всей вашей философии. Но к делу!
Клянитесь никогда, бог вам поможет,
Как дико, странно я б себя ни вел
И если б даже мне когда-нибудь
Пришлось чудесить, то, меня увидя
В такое время, никогда не стали б
Так руки складывать, или кивать,
Иль говорить сомнительные речи,

Как, например: «Ну ладно, ладно, знаем»,
Иль: «Мы могли бы, если б захотели»,
Иль: «Если нам захочется сказать»,
Или: «Могли б иные», иль другими
Туманными словами намекать
О том, что знаете вы обо мне, —
Клянитесь этого не делать. Бог
Своею милостью в нужде поможет.
Клянитесь!

Призрак

Клянитесь!

Гамлет

Мир, мир, дух неприкаянный! *(К друзьям)*
Я вам

С любовью доверяю, господа,
Все, чем такой бедняк, как Гамлет, может
Любовь свою и дружбу доказать,
Все будет, бог даст. Ну, пойдемте вместе.
Молчание, молчание, прошу вас.
Век вывихнут. О, злобный жребий мой!
Век вправить должен я своей рукой.
Ну, что ж, пойдемте вместе.

Все выходят.

А К Т II

СЦЕНА 1-я

Комната в доме Полония. Входят Полоний
и Рейнальдо.

Полоний

Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.

Рейнальдо

Да, слушаю, милорд.

Полоний

Вы будете весьма мудры, Рейнальдо,
Пред тем, как посетить его, разведать.
Как он себя ведет.

Рейнальдо

Так и хотел я.

Полоний

Клянусь, отлично сказано. Узнайте
Сперва, кто есть в Париже из датчан,
И как, и кто, и на какие средства
Живут, и где, с кем видятся, что тратят.
Когда при помощи таких расспросов
Узнаете, что сын мой им знаком,
Тут перейдите ближе к делу, все же
Как будто он известен вам не много,
А так: «Я знал его отца, друзей,
Его слегка...» Вы поняли, Рейнальдо?

Рейнальдо

Да, хорошо, милорд.

Полоний

«Его слегка», скажите даже: «мало, —
Но если это тот, он невоспитан,
Такой, сякой» — тут на него взвалите
Все, что придумаете. Но не то,
Что может честь марать, — здесь берегитесь.
Но то, что ветрен он, беспутен, любят
Те шалости, с которыми дружит
Вся юность вольная...

Рейнальдо

Игра, милорд?

Полоний

Да, пьянство, драки, ругань, или ссоры,
Разврат. И это можете сказать,

Рейнальдо

Милорд, но это для него бесчестие!

Полоний

Да нет, все это можете смягчить.
Его вы не срамите тем, что будто
Уж удержу не знает он в разврате.
Я этого и не хочу — грехи
Его вы опишите так изычно,
Как бы ошибки, свойственные воле,
И вспышки пламенной его души,
И буйство неприрученной крови,
Как и у всех.

Рейнальдо

Но, дорогой милорд...

Полоний

Зачем все это делать?

Рейнальдо

Да, милорд,

Хотел бы знать я.

Полоний

Вот в чем цель моя:

Я думаю, уловка здесь верна,
Когда вы замараете его
Совсем слегка, как если бы он был
Уже попорченной немного вещью.
Заметьте,
Ваш собеседник, тот, кого хотите

Вы выпытать, — уж если замечал он
За этим юношей грехи, что вы
Ему назвали, скажет вам: «мой друг»,
Иль «сэр мой добрый», или «господин»,
В зависимости от того, кто он
И из какой страны.

Рейнальдо

Милорд, я понял.

Полоний

И тогда, сэр, сделав это, он... что я хотел
сказать? Клянусь, я ведь хотел что-то сказать.
На чем же я остановился?

Рейнальдо

На «он скажет вам — мой друг, или сэр мой
дорогой, или господин»...

Полоний

На «скажет вам», да, верно — скажет вам:
«Да, с этим дворянином я знаком,
Его вчера я видел, иль на-днях,
Тогда или тогда, с тем или этим;
Там он играл, а там-то выпил он,
А там подрался за игрою в мяч»,
А может быть: «вошел в публичный дом,
То есть в бордель», иль что-нибудь еще.
Теперь вы видите,
Как на поддельную приманку клонет
И настоящий карп. Вот так мы, люди
С умом и дальновидностью, уловкой
Иль хитростью, кривым путем находим

Путь верный. Вы ж по моему совету
И указаниям все о нем узнайте.
Вы поняли, все поняли?

Рейнальдо

Все понял.

Полоний

Ну, с богом, в добрый путь!

Рейнальдо

Милорд мой добрый!

Полоний

Его привычки сами изучите.

Рейнальдо

Все сделаю, милорд.

Полоний

И пусть уж веселится.

Рейнальдо

Да, милорд.

Полоний

Прощайте!

Выходит Рейнальдо, вбегает Офелия.

Что с тобой, Офелия, что?

Офелия

Милорд, милорд, как испугалась я!

Полоний

Чего, помилуй бог?

Офелия

Милорд, я шила в комнате своей,
Лорд Гамлет вдруг вошел ко мне. Он был
В камзоле незастегнутом, без шляпы,
И в грязных, неподвязанных чулках,
Что падали до щиколоток. Он
Бледней рубашки был. Его колени
Стучали друг о друга. Взгляд его
Так жалок был, как будто он из ада
Был выпущен, чтоб ужасы открыть.

Полоний

Он от любви сошел с ума?

Офелия

Не знаю,

Но я боюсь, что да.

Полоний

Что говорил он?

Офелия

Схватил меня он за запястье, сжал,
Потом на всю длину своей руки
Он отступил, другую над глазами
Вот так он стал держать и стал глядеть
В лицо мое так пристально, как будто
Он срисовать его хотел. И долго
Он так стоял. И, наконец, он руку

Слегка мою потряс и головой
Вот так три раза он кивнул; потом
Вздохнул так жалостно и так глубоко,
Как будто разрывалась грудь его
И наступала смерть. Потом меня
Он отпустил, но, уходя, лицо
Ко мне через плечо он повернул,
Будто без глаз дорогу находил,
Он без их помощи дошел до двери,
Сверкающего не спуская взгляда
С меня.

Полоний

Пойдем со мною к королю.

Здесь явное любовное безумье,
Что яростью своей себя же губит,
К отчаянным поступкам побуждая
Людскую волю, как любая страсть,
Которая терзает нашу душу.
Мне очень жаль. За это время вы
Ему суровых слов не говорили?

Офелия

Нет, нет, милорд, но, как велели вы,
Я ни его, ни писем от него
Не принимала.

Полоний

Вот и помешался!

Мне очень жаль, что несерьезно я
О нем судил. Я думал, он шалит
И хочет погубить тебя. Сомнения
Проклятые! Клянусь, в мои года

Страдаем осторожностью чрезмерной,
Как молодежь отсутствием ее.
Идем же к королю. Все это должен
Он знать. Любовь ему открыта
Нам безопасней, чем скрывая жить.
Идем!

Выходят.

СЦЕНА 2-я

Комната в замке. Трубы. Входят Король,
Королева, Розенкранц, Гильденстерн
и придворные.

Король

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Не только потому мы вас призывали
Столь спешно, что хотели видеть вас,
Но также потому, что нам нужны
Услуги ваши. Знаете вы нечто
О превращении Гамлета? Ни внешне,
Ни внутренне уж больше не похож он
На то, чем был он прежде. Что могло,
Кроме отцовской смерти, разлучить
Его с суждением здравым о себе,
Я не пойму. Поэтому прошу вас —
Ведь с ранних лет росли вы вместе с ним

И с ним друзья по возрасту и вкусам —
Остаться при дворе у нас недолго,
Чтоб к развлечениям его привлечь,
Общаясь с ним. А также разузнать,
Когда вам подвернется случай, что —
Неведомое нам — его гнетет
И что открыв, могли бы мы излечить.

Королева

Он, господа, вас часто вспоминал.
Уверена, что нет двоих людей
Ему любезней вас на целом свете.
И, если вы хотите быть добры
И ласковы, потратив ваше время,
Чтобы помочь исполниться надеждам,
За ваше пребыванье здесь по-царски
Мы вас вознаградим.

Розенкранц

Державной властью
Ваши величества могли бы волю
Свою нам высказать не в виде просьбы
А в виде повеления.

Гильденстерн

Повинуясь,
Готовы оба мы служить во всем.
Склонивши наш свободный долг пред вами,
Идем приказанья.

Король

Благодарим
Вас, Розенкранц и милый Гильденстерн.

Королева

Благодарим
Вас, Гильденстерн и милый Розенкранц.
Пойдите сразу к сыну моему,
Который изменился так. *(К страже)* Кто там?
Господ к милорду Гамлету ведите.

Гильденстерн

Дай бог, чтоб наше общество ему
Приятно и полезно было.

Королева

Амен.

Розенкранц и Гильденстерн выходят.
Входит Полоний.

Полоний

Посольство из Норвегии, милорд,
Благополучно возвратилось.

Король

Ты был всегда отцом благих вестей.

Полоний

Не правда ли, милорд? Поверьте мне,
Долг и душа моя принадлежат
Лишь богу моему и королю.
Милорд, иль мозг мой потерял былую
Способность нападать на верный след
Хитросплетений, или я причину
Нашел безумья Гамлета.

Король

О, говори скорей! Хочу я слышать.

Полоний

Послов примите прежде. А мои
Известия будут фруктами на пире.

Король

Сам их приветствуй и веи сюда.

Полоний выходит

Он говорит, Гертруда, что нашел
Расстройства сына нашего источник.

Королева

Я думаю, источник здесь один —
Смерть короля и наш поспешный брак.

Король

Мы это проследим.

Входит Полоний, за ним Вольтиманд
и Корнелий.

Король

Добро пожаловать, друзья мои!
Что, Вольтиманд, король норвежский шлет нам?

Вольтиманд

Привет взаимный шлет и пожеланья.
Он сразу же велел пресечь вербовку,
Которую затеял Фортинбрас.
Приготовленьями против поляков

Ее считал король; но, глубже вникнув,
Он увидал, что точно против вас
Она направлена. Он рассердился,
Что старость и болезнь его, и слабость
Обманулы так низко, и велел
Тотчас же Фортинбраса привести.
Явился тот и, выслушав покорно
Упреки дяди, тут же клятву дал он
Оружье никогда не подымать
На вас, милорд. Старик, король норвежский,
Обрадовался этому и сразу
Три тысячи червошцев содержания
Ему назначил; и позволил войско,
Уже им набранное, повести
Против поляков. Здесь же просьба к вам *(по-
дает бумагу)*,

Чтоб разрешили вы свободный пропуск
Через владенья ваши тем войскам,
А на каких условиях охраны
И обеспечения прав — здесь все
Написано.

Король

Весьма довольны мы.
Письмо мы на досуге прочитаем,
Ответим и все дело разберем.
Пока благодарим вас за работу
Исправную. Теперь вы отдохните,
А вечером мы попируем вместе.
Добро пожаловать домой, друзья.

Вольфтиманд и Корнелий выходят.

Полоний

Все кончилось отлично. Государь
И госпожа, нам рассуждать о том,
Что царственность и что такое — долг,
Зачем день — день, ночь — ночь и время —
время.
То было б тратить зря день, ночь и время,
А так как краткость есть душа ума,
А многословье — лишь наружный блеск,
Я буду крапок. Сын безумен ваш.
Я говорю — безумен, ведь безумье
Не в том ли состоит, чтоб быть безумным?
Пусть будет так.

Королева

Поменьше б красноречья,
Побольше дела.

Полоний

Госпожа, клянусь,
Здесь красноречья нет. Безумен он,
Ведь — правда. Правда, это очень жаль,
И жаль, что правда. Глупый оборот.
Без красноречья буду говорить,
Но скажем, что безумен он. Осталось
Найти причину этого аффекта,
Или, вернее, этого дефекта,
И потому дефектный тот аффект —
Не без причины. И — вот что осталось
В остатке
Подумайте, ведь дочь есть у меня.
Есть до тех пор, пока она мне дочь.

Она из послушанья мне дала,
Заметьте, это. Взвесьте и судите. (*Читает письмо*)
«...Небесной, кумиру моей души, прекраснейшей
Офелии»... Это плохое выражение, пошлое
выражение: «прекраснейшей», самое пошлое; но
вы услышите дальше. Вот (*читает*): «На ее
великолепной белой груди эти»... и т. д.

Королева

Ей Гамлет это пишет?

Полоний

Сейчас вам доложу все, госпожа (*читает*):

«Не верь, что звезды — огонь,
Не верь и солнца движенью,
Не верь, что правда не лжет,
Но верь в мою любовь.

О, дорогая Офелия, я не силен в этих размерах, я не искусен в рассчитывании моих вздохов, но я люблю тебя, прекрасная, о, прекраснейшая, поверь мне. Прощай. Твой навсегда, дорогая госпожа, пока это сооруженье принадлежит ему.— Гамлет».

Вот что из послушанья показала
Мне дочь моя. Затем передала,
Где и когда, и как за нею он
Ухаживал.

Король

Как приняла она

Его любовь?

Полоний

Милорд, кем вы считаете меня?

Король

Почтеним и вернейшим человеком.

Полоний

Я б это доказать хотел. А как
Вы думали бы обо мне, когда
Я, увидав, как прилетела страсть, —
Признаться, я ее заметил раньше,
Чем дочь призналась мне, — как бы считали
Ваши величества, когда бы я,
Изобразивши записную книжку,
Зажмурился, чтоб сердце промолчало?
Кем вы считали бы меня? Нет, круто
За дело взялся я, сказав моей
Девке молодой: «Лорд Гамлет — принц,
Не суженый тебе, не быть тому!»
Я дал ей наставленье замкнуться
И у себя его не принимать,
Не допускать посланцев и подарков.
Пожала дочь плоды моих советов.
А он, отвергнутый, скажу я вкратце,
Стал все грустить, потом не стал он есть,
Потом не спал, потом он ослабел
И стал рассеян; все спускался ниже,
Он впал в безумье, что владеет им
И всех печалит нас.

Король

Вы думаете, что он прав?

Королева
Возможно.

Полоний
Бывало ли хоть раз, хотел бы знать я,
Чтоб твердо я сказал: «да, это так»,
А было б иначе?

Король
Я не припомню.

Полоний
Снимите голову вы с плеч, когда
Я ошибаюсь. Если случай будет
Меня вести, хотя бы правда в центре
Самой земли была,—ее открою.

Король
Как бы проверить нам, что это так?

Полоний
Вы знаете, иной раз он гуляет
Часа четыре здесь по галлерее.

Королева
Да, это верно.

Полоний
Когда он будет здесь, я напушу
Дочь на него. Мы встанем за ковер,
Чтоб видеть встречу их. И если он
Ее не любит и не от любви
Сошел с ума, уж мне не заседать
В совете правящем, а содержать
Извозный двор.

Король
Мы испытаем это.

Королева
Как грустно он идет, читает, бедный.

Полоний
Молю вас, оба уходите, оба.
Я подойду к нему.
Выходят Король, Королева и придворные.
Выходит Гамлет, читая книгу.

Прошу простить,
Как поживает добрый лорд мой, Гамлет?

Гамлет
Хорошо, славу богу.

Полоний
Вы меня знаете, милорд?

Гамлет
Отлично знаю: вы рыбный торговец.

Полоний
О, нет, милорд.

Гамлет
Тогда я бы хотел, чтоб вы были таким же
честным человеком, как он.

Полоний
Честным, милорд?

Гамлет

Да, сэр. По нынешним временам едва можно выловить одного честного человека среди десяти тысяч людей.

Полоний

Это совершенная истина, милорд.

Гамлет

Уж если солнце разводит червей в дохлой собаке, в такой приятной для поделуев падали... У вас есть дочь?

Полоний

Есть, милорд.

Гамлет

Не давайте ей ходить на солнце. Плодоносность есть благодать, но не тогда, когда плод чосит ваша дочь. Приятель, глядите за ней.

Полоний

Что вы хотите этим сказать? *(В сторону)* Все возвращается к моей дочери. А все же он меня не сразу узнал; он сказал, что я рыбный торговец; он далеко зашел. Правда, и я в юности много страдал от любви, — очень похоже на это. Я снова с ним заговарю. Что вы читаете, милорд?

Гамлет

Слова, слова, слова.

Полоний

А в чем там дело, милорд?

Гамлет

Между кем?

Полоний

Я спрашиваю, в чем там дело, в том, что вы читаете?

Гамлет

Дело в клевете: подлый сатирик здесь говорит, что у стариков седые бороды, сморщенные лица, из глаз у них сочится густая смола или сливовый клей; и что они лишены всякого разума, и в то же время у них очень слабые коленки. И хотя, сэр, я в это в высшей и сильнейшей степени верю, все же я считаю, что писать об этом неучтиво, потому что и вы, сэр, были бы моим ровесником, если бы могли пятиться раком.

Полоний *(в сторону)*

Хотя это и безумие, но в нем есть система. Милорд, вы не хотите уйти от сквозняка?

Гамлет

В могилу?

Полоний

Действительно, там не было бы сквозняка. *(В сторону)* Как иногда его ответы полны содержания! Безумью иногда посчастливится быть находчивее, чем здоровью и разуму. Я оставляю его и стану придумывать способ, как бы ему

встретиться с моей дочерью. Глубокоочтимый милорд, могу ли я получить разрешение почтительно оставить вас?

Гамлет

Сэр, вы не могли бы получить от меня ничего, с чем бы я легче расстался; кроме моей жизни, кроме моей жизни, кроме моей жизни,

Полоний

Прощайте, милорд.

Гамлет

Нудный старый дурак.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Полоний

Вы ищете лорда Гамлета? Он здесь.

Розенкранц

Благослови вас бог, сэр.

Полоний выходит.

Гильденстерн

Мой достойный милорд!

Розенкранц

Мой дорогой милорд!

Гамлет

Мои лучшие, мои милые друзья! Как поживаете, Гильденстерн? А ты, Розенкранц? Как вы поживаете оба, добрые мои товарищи?

Розенкранц

Как незаметные сыны земли.

Гильденстерн

Уж счастье то, что счастье не чрезмерно: Мы не перо на шляпе у Фортуны.

Гамлет

Но не подошва башмаков ее?

Розенкранц

Нет, милорд.

Гамлет

Значит, вы живете у ее пояса, или в центре ее милостей?

Гильденстерн

Мы с ней в особых отношениях.

Гамлет

И в особо-тайных уголках Фортуны. О, это совершенно верно — ведь она потаскушка. Какие новости?

Розенкранц

Никаких, милорд, кроме того, что мир стал честнее.

Гамлет

Значит, Судный день близок. Но ваша новость не верна. Дайте вам задать более частный вопрос: чем, добрые мои друзья, вы рассердили Фортуну, что она послала вас сюда, в тюрьму?

Гильденстерн

Какую тюрьму, милорд?

Гамлет

Дания—тюрьма.

Розенкранц

Тогда и весь мир—тюрьма.

Гамлет

И отличная—в ней очень много отделений, казематов и подземелий. А Дания—одна из худших.

Розенкранц

Мы так не думаем, милорд.

Гамлет

Значит, для вас она не такова, потому что ничего нет ни хорошего, ни дурного, но мысль делает его таким, или иным. Для меня она—тюрьма.

Розенкранц

Значит, ваше честолюбие ее делает такой: она слишком тесна для вашей души.

Гамлет

О, боже, я мог бы быть заключенным в ореховой скорлупке и считать себя королем бесконечного пространства, если бы у меня не было дурных снов.

Гильденстерн

Каковые и являются честолюбием, потому что самое существо честолюбия есть только тень сна.

Гамлет

А самый сон тоже только тень.

Розенкранц

Верно, а честолюбие так воздушно и так легко, что я считаю его только тенью тени.

Гамлет

Значит, наши нищие—плотные тела, а наши монархи и прославленные герои—только тени нищих. Не отправиться ли нам ко двору, потому что, право же, я не могу рассуждать.

Розенкранц и Гильденстерн

Мы ждем вашего соизволения.

Гамлет

Этого не надо. Я не хочу равнять вас с остальными моими слугами. Потому что, говоря по чести, мне прескверно служат. Ну, возвращаясь на дорожку дружбы, скажите мне, что вы делаете в Эльсиноре?

Розенкранц

Мы хотели только повидаться с вами, милорд, у нас не было другой цели.

Гамлет

Я так нищ, что даже беден благодарностью, но все же я благодарю вас, хотя, разумеется,

дорогие друзья, моя благодарность не стоит получения. За вами посылали? Это было ваше собственное желание? Это добровольное посещение? Ну, будьте со мной правдивы, ну, ну, скажите мне.

Гильденстерн

Что нам сказать, милорд?

Гамлет

Что хотите, но чтоб это относилось к делу. За вами посылали? Нечто вроде признания есть в ваших глазах, и вашей скромности не хватает лукавства, чтоб это скрыть. Я знаю: добрый король и королева посылали за вами.

Розенкранц

С какой целью, милорд?

Гамлет

Вот это-то вы и должны мне разъяснить. Но умоляю вас, во имя прав нашего товарищества, согласия нашей юности, долга нашей вечно живущей любви и всего самого дорогого, что мог бы придумать самый красноречивый человек, будьте со мной прямы и искренни: посылали за вами или нет?

Розенкранц (*тихо Гильденстерну*)

Что вы скажете?

Гамлет (*в сторону*)

Теперь мои глаза видят вас. Если вы меня любите, не скрывайте.

Гильденстерн

Милорд, за нами посылали.

Гамлет

И я скажу вам, зачем. Таким образом мое предчувствие предупредит ваше признание, и ваше обещание королю и королеве держать все это в тайне не потеряет ни одного перышка. За последнее время,—причем сам не знаю почему,—я лишился всей своей веселости, забросил все свои обычные развлечения, и, действительно, у меня такое тяжелое настроение, что милое сооружение — земля мне кажется бесплодной скалой; этот отличный полог, видите ли, это славное, великолепное небо, эта величественная крыша, разукрашенная золотыми огнями, — все это кажется мне только скоплением гнусных паров. Какое ловко сделанное существо — человек! Как благороден его разум! Как беспредельны его способности! Как его вид и движения выразительны и восхитительны! Как похож он на ангела своими поступками и своим пониманием на бога! Он — красота мира, венец творения! А для меня это только — квинтэссенция праха. Не восхищает меня человек, а также и женщина, хотя, судя по вашей улыбке, вы в этом усомнились.

Розенкранц

Милорд, такие вещи мне и в голову не приходили.

Гамлет

Почему же вы улыбнулись, когда я сказал, что человек меня не восхищает?

Розенкранц

Я подумал, милорд, о том, что если люди вас так не восхищают, то какой сухой прием вы окажете актерам? Мы их обогнали на дороге. Они направляются сюда, чтоб предложить вам свои услуги.

Гамлет

Тот, кто играет короля, будет принят радушно, его величество получит от меня дань; странствующий рыцарь найдет работу для своего меча и щита. Любовник тоже будет вздыхать не даром. Комик мирно доиграет свою роль. Шут рассмешит тех, у кого першит в горле от кашля, а играющий героиню будет свободно изливать свое чувство, хотя и спотыкаясь на белых стихах. Что это за актеры?

Розенкранц

Те самые, которые вам так нравились, — городские трагики.

Гамлет

Почему же они стали путешествовать? Оставаться на одном месте было им вдвойне выгодно: и для славы и для кошелька.

Розенкранц

Мне кажется, последние нововведения повредили им.

Гамлет

А они в таком же почете, как когда я был в городе? Их так же посещают?

Розенкранц

Нет, совсем не так.

Гамлет

Отчего же это происходит? Может быть, они начали ржаветь?

Розенкранц

Нет, они так же усердны, как и прежде. Но здесь, сэр, появился выводок детей, маленьких, ненатасканных соколят, которые кричат выше всякой меры, и им за это бешено хлопают. Они сейчас в большой моде и так ругают обыкновенные театры, как они их называют, что многие люди, носящие шлягу, боятся гусиных перьев и не решаются ходить в другие театры.

Гамлет

Что это за дети? Кто их содержит? Кто платит им жалованье? Что, они будут продолжать свое дело только до тех пор, пока они могут петь детскими голосами? А не скажут ли они потом, когда вырастут и станут обыкновенными актерами, — а это весьма вероятно, если у них не найдется других средств к существованию, — что их критики им повредили своими издевками над тем, чем им придется заниматься?

Розенкранц

По правде сказать, было достаточно шуму с обеих сторон, и народ не считает грехом натравливать противников друг на друга. Одно время не платили денег за представление, если поэт и актер не доходили до потасовки.

Гамлет

Неужели?

Гильденстерн

О, да, было много разбитых черепов.

Гамлет

И эти мальчишки побеждают?

Розенкранц

Да, милорд, побеждают. Даже Геркулеса и его ношу.

Гамлет

Это не очень удивительно. Ведь мой дядя—датский король, и те, кто строил ему гримасы при жизни моего отца, платят нынче по двадцати, сорока, пятидесяти, а иногда и по сто лукатов за его миниатюрные портреты. Да, чорт возьми, в этом есть нечто сверхъестественное, если бы только философия могла это распутать.

За сценой трубы и барабаны.

Гильденстерн

Вот и актеры прибыли.

Входят актеры.

Господа, я очень рад вас видеть в Эльсиноре. Ну, дайте ваши руки. Гостеприимство предписывает нам учтивость и любезность. Позвольте мне приветствовать вас по всем правилам, чтоб вы не сочли, что радушный прием для тех актеров, с которыми, я скажу вам, я должен быть учтив, любезнее, чем тот, который я оказываю вам. Я очень вам рад. Но мой дядя—отец и моя тетка—мать ошиблись.

Гильденстерн

В чем, дорогой милорд?

Гамлет

Я сумасшедший только при норд-норд-весте, а когда дует южный ветер, я сумею отличать сокола от сороки.

Входит Полоний.

Полоний

Приветствую вас, господа.

Гамлет

Послушайте, Гильденстерн, и вы тоже, на каждое ухо по слушателю: вот этот большой ребенок, которого вы здесь видите, еще не вышел из пеленок.

Розенкранц

Может быть, он снова к ним вернулся, ведь говорят, что старик—двойне ребенок.

Гамлет

Я подозреваю, что он явился сообщить мне об актерах, запомните это. Вы правы, мой друг, это, действительно, было в понедельник утром.

Полоний

Милорд, я должен сообщить вам новость.

Гамлет

Милорд, я должен сообщить вам новость. Когда Росций был актером в Риме...

Полоний

Актеры сюда приехали, милорд.

Гамлет

Ну, ну, толкуйте.

Полоний

Честное слово...

Гамлет

И каждый актер верхом на осле.

Полоний

Это лучшие актеры на свете как для трагедии, так и для комедии, представлений исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных, как для сцен, не подходящих под разделение, так и для начем не ограниченных поэм. Сенека им не

слишком тяжел, а Плавт не слишком легок. И нет равных им актеров, как для исполнения твердых текстов, так и для свободных.

Гамлет

О, Иеффай, судья израильский, какое у тебя было сокровище!

Полоний

Какое у него было сокровище, милорд?

Гамлет

Вот какое:

«Милая дочка одна у него,
И очень ее он любил».

Полоний (в сторону)

Все еще о моей дочери.

Гамлет

Разве я неправ, старый Иеффай?

Полоний

Если вы меня называете Иеффаем, милорд, то у меня, действительно, есть дочь, которую я очень люблю.

Гамлет

Нет, это из этого не следует.

Полоний

А что же следует, милорд?

Вот что:

«И вот случайно,
Бог весть как...»

А дальше вы знаете:

«Случилось так,
Все знают как...»

Первая строфа этой набожной песни расскажет вам дальнейшее. Вы видите, вот идет причина того, что мне надо сокращать.

Входит четверо или пятеро актеров.

Очень рад вам, господа, очень рад вам всем, очень рад, добрые друзья. А, мой старый друг, твое лицо сильно обросло с тех пор, как я видел тебя последний раз, или ты приехал в Данию, чтобы поразить меня бородой? И вы, моя молодая дама и сударка, клянусь богородицей, с тех пор, как я вас видел, сударыня моя, вы стали ближе к небу на целый каблук. Молите бога, чтоб ваш голос не треснул, как изъятая из обращения золотая монета. Господа, я очень рад вам всем. Ну, скорее к делу. Как французские сокольничьи, мы будем напускать соколов на все, что увидим. Ну, поскорее какой-нибудь монолог. Ну, покажите же свое искусство! Ну, дакой-нибудь страстный монолог.

1-й актер

Какой же монолог, милорд?

Ты как-то читал мне монолог из пьесы, которая никогда не игралась, а если и игралась, то не больше одного раза, потому что я помню, что эта пьеса не понравилась; для большинства это было вроде икры. Но, по моему мнению и по мнению других, которые понимают в этом больше меня, это была превосходная пьеса, хорошо распределенная по сценам, построенная с таким же умением, как и чувством меры. Я помню, кто-то сказал, что в стихах нехватало соли, чтоб придать им вкус, и что в фразе не было ничего, что указывало бы на высокопарность автора, — однако называли это честным приемом, более здоровым, чем нежным, и более красивым, чем тонким. Больше всего мне понравился там один монолог, рассказ Энея Дидоне, и особенно то место, где он говорит об убийстве Приама. Если он живет еще у вас в памяти, начните с этой строчки, подождите, подождите...

«Жестокий Пирр, как зверь Гирканский...»

Нет, не так, но начинается с Пирра.
«Жестокий Пирр, тот, чьи черны доспехи,
Как замыслы его, был с ночью схож,
Когда лежал он в гибельном коне,
И страшный черный цвет размалевал он
Еще страшнейшим. С головы до ног
Он стал весь алый. Как в наряде мерзком,
В крови отцов, и матерей, и дев,
Запекшейся от пламени пожаров,
Что окаленным и ужасным светом

Убийства освещали, он пылал
Огнем и гневом, весь измаран кровью,
Налипшей на него; глаза, как угли —
Приама старца ищет адский Пирр».

Теперь продолжайте вы.

Полоний

Ей-богу, милорд, хорошо прочитано, верным
тоном и с хорошим чувством меры.

1-й актер

«Вот он нашел его, но тщетно бьется
Царь с греками; и дряхлый меч его
Не повинуется руке — лежит,
Где опустился, воле непослушен.
Но ринулся боец неравный, Пирр,
И на Приама грозно замахнулся;
И лишь от свиста дикого меча
Пал слабый царь. Бессмертный Илион,
Как бы почувствовав Приама гибель,
Горящею главою пал. Треск мерзкий
Слух Пирра поражает. Меч его,
Готовый уж на голову седую
Приама древнего упасть, застыл.
И, как злодей с картины, Пирр стоял.
Бесчувственный меж волей и деяньем,
Не двигался.

Но как мы часто видим пред грозою, —
Молчанье в небесах, недвижны тучи,
Безмолвен дерзкий ветер, и земля
Визгу тиха, как смерть. Вдруг гром ужасный
Все сотрясает. Так, помедлив, Пирр
Подвигнут к делу вставшей снова местию.

И никогда, кля доспехи Марсу
Несокрушимые, Циклопов молот
Так тяжело не падал, как кровавый
Меч Пирра на Приама.
Стыд, стыд, Фортуна, ты блудница! Боги,
Всем сонмом власть ее вы отнимите,
Сломите ей колеса все и спицы
И обод выкиньте с горы небесной
В ад, к дьяволам».

Полоний

Это слишком длинно.

Гамлет

Это можно отправить к цирюльнику вместе
с вашей бородой. Прошу тебя, продолжай. Ему
нравятся только шутковские пляски, или непри-
стойные рассказы, все остальное нагоняет на
него сон. Продолжай. Дойди до Гекубы.

1-й актер

«О, кто б в лохмотьях увидел царицу»...

Гамлет

«В лохмотьях царицу?»

Полоний

Это хорошо — «в лохмотьях царицу», это
хорошо.

1-й актер

«Босая мечется она и хочет
Залить слезами пламя. Голова

Повязана не диадемой, тряпкой;
И тело, истомленное родами,
Прикрыла вместо платья простыня,
Захваченная в ужасе. О, кто бы,
Увидев это, словом ядовитым
Не проклял бы предательство Фортуны?
И даже боги, если б увидали,
Когда, над телом гнусно издеваясь,
Пирр перед ней труп мужа растерзал,
И услышали вопль ее истошный —
Иль уж ничем земным богов не тронешь? —
Горящие небесные глаза
Слезами б залились, и сами боги
Над нею сжалились».

Полоний

Взгляните, как он побледнел, и на глазах
него слезы. Прекратите, прошу вас.

Гамлет

Хорошо. Ты потом доскажешь мне остальное.
Добрейший лорд, последите за тем, чтоб актеров
хорошо устроили. И чтоб обращались с ними
порядочно, слышите? Ведь они — сокращенная
хроника нашего времени; и для вас дурная
эпитафия после вашей смерти лучше, чем их
плохой отзыв при вашей жизни.

Полоний

Я обойдусь с ними, милорд, сообразно их
заслугам.

Гамлет

Нет, чорт возьми, человек гораздо лучше.
Если с каждым человеком обращаться сообразно
его заслугам, то кто избежит порки? Обойди-
тесь с ними сообразно с вашей собственной
честью и достоинством. Чем меньшего они за-
служивают, тем больше заслуга вашей доброты.
Проводите их.

Полоний

Идемте, господа.

Гамлет

Идите за ним, друзья; завтра мы поглядим на
ваше представление.

Полоний уходит со всеми актерами, кроме 1-го.

Послушай, старый друг, можете вы сыграть
«Убийство Гонзаго»?

1-й актер

Можем, милорд.

Гамлет

Мы поглядим его завтра вечером. А если
понадобится, вы сможете выучить двенадцать
или шестнадцать строк, которые я напишу
и вставлю туда? Можете или нет?

1-й актер

Можем, милорд.

Гамлет

Очень хорошо. Ступай за тем господином,
да, смотри, не издевайтесь над ним.

1-й актер выходит.

Мои добрые друзья, я оставляю вас до вечера.
Я очень рад видеть вас в Эльсиноре.

Розенкранц

Милорд мой добрый!

Гамлет

Идите с богом.

Розенкранц и Гильденстерн выходят.

Вот и один я.

О, что за дрянь я, что за подлый раб!
И не чудовищно ли, что актер
Одной лишь выдумкой, лишь сном о страсти,
Так вымыслу свой подчиняет дух,
Что от его работы он бледнеет,
И слезы льет, и ужас на лице,
И голос разбивается, весь образ
Берет плоть вымысла. А что — причина?
Ничто! Гекуба!

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А плачет он о ней. Что б сделал он,
Когда б имел для страсти он причину,
Когда б она подсказана была,
Как мне? Слезами затопил бы сцену,
Всем растерзал бы уши страшной речью,
Виновных бы с ума свел, а невинных
Заставил трепетать, смутил невежд
И зрителям потряс бы слух и зренье!
А я?

Дурак тупой и жалкий, чахну здесь
И, к своему же делу равнодушный,
Как простофиля, даже говорить

Не смею я, и даже за него,
За короля, чья дорогая жизнь
И власть так низко отняты. Я — трус?
Кто подлецом здесь назовет меня?
Пробьет башку? Клок бороды мне вырвет?
В лицо его швырнет? Кто за нос дернет?
Загонит в глотку ложь до самых легких?
Кто хочет это сделать? Ха!
Я вынес бы, ей-богу. У меня
Ведь печень голубиная, нет желчи,
Раз мне обида не горька. А то
Всех ястребов давно бы откормил
Я этой падалью. Подлец кровавый!
Срамной и низкий, гнусный, злой подлец!
О, месть!
Какой осел я! Вот так смелость! Сын
Любимого, убитого отца,
Я, к мести небом призванный и адом,
Как потаскуха, душу отвожу
И как последняя ругаюсь шлюха,
Как судомойка!
О, тыфу, тыфу! Встань, разум! Я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали так погрязены искусством,
Что здесь же в злодеяньях признавались.
Хоть и безгласное, заговорит
Убийство самым дивным языком.
Сыграют мне актеры что-нибудь,
Вроде убийства моего отца,
Здесь перед дядей. За его глазами
Следить я буду, в глубину проникну,
И если вздрогнет он, я буду знать,
Что делать мне. Быть может, этот дух —

Сам дьявол. Ведь легко ему принять
И милый образ. И, быть может, видя
Печаль мою и слабость, — над такими
Он душами особенно силен, —
Меня он обманул, чтоб погубить.
Верней улика мне нужна, чем это.
Тем представленьем сеть закину я,
Чтоб изловить мне совесть короля.

А К Т

III

СЦЕНА 1-я

Комната в замке. Входят Король, Королева,
Полоний, Офелия, Розенкранц
и Гильденстерн.

Король

Вы не могли в течение разговора
Узнать смятения его причину,
Которое грозит его покою
Безумием и буйным и опасным?

Розенкранц

Он говорит, что чувствует расстройство,
Но о причинах говорить не хочет.

Гильденстерн

Расспросов наших избегает он;
Скрывается он с хитростью безумца,
Как только вынудить хотим признание.

О состоянии истинном его.

Королева

Любезно вас он принял?

Розенкранц

Как настоящий дворянин.

Гильденстерн

Но, будто,
Он принуждал себя любезным быть.

Розенкранц

Сам мало спрашивал, но на вопросы
Свободно отвечал.

Королева

Вы предлагали
Ему какие-нибудь развлечения?

Розенкранц

Случилось, госпожа, что на дороге
Актеров повстречали мы, и принцу
Об этом рассказали. И как будто
Обрадовался он. Они уж здесь
И, кажется, приказ уж получили
Играть сегодня перед ним.

Полоний

Да, верно;
И он просил на это представление
Ваши величества усердно звать.

Король

Всем сердцем соглашаюсь я и рад,
Что он настроен так.
Вы, господа, поддерживайте в нем
Желанье удовольствий.

Розенкранц

Да, милорд.

Розенкранц и Гильденстерн выходят.

Король

Гертруда милая, оставь нас также.
За Гамлетом послали тайно мы,
Чтоб он «случайно» встретил здесь Офелию.
Отец и я, законные шпионы,
Невидимо за ними подглядим
И по свиданью их, и по тому,
Как он себя ведет, решим мы твердо,
Любовная ль печаль — причина всех
Его страданий.

Королева

Повинуюсь вам.

Офелия, я очень бы хотела,
Чтоб ваша красота была счастливой
Причиной дикого расстройства принца, —
Тогда, надеюсь, ваша добродетель
На добрый путь его направит к чести
Для вас обоих.

Офелия

Если б так случилось!

Королева выходит

Полоний

Офелия, погуляйте здесь. *(К Королю)* Прошу вас,
Всемиловитый, спрячемся. *(К Офелии)* Читайте
Вот эту книгу, чтоб занятые это
Прикрасило уединенье ваше.
Достойны все хвалы, а ведь известно —
Благочестивый вид, лицо святое
И чорта в сахар обратят.

Король *(с стороны)*

О, правда!

Какой удар по совести моей!
Ведь щеки шлюхи, что покрыты краской,
Не так гнусны, как о моих делах
Накрашенные речи. Тяжкий груз!

Полоний

Вот он идет. Милорд, уйдемте прочь
Скворей.

Выходят Король и Полоний. Входит Гамлет.

Гамлет

Быть или не быть? — вот в чем вопрос!
Что благородней для души — терпеть
Судьбы-обидчицы удары, стрелы,
Иль, против моря бед вооружась,
Покончить с ними? Умереть, уснуть,
И все... И говорить, что сном покончил
С сердечной болью, с тысячью страданий,
Наследьем тела. Ведь конца такого
Как не желать нам? Умереть, уснуть,

Уснуть... И, может быть, увидеть сны...
Ах, в этом-то и дело все. Какие
Присниться сны нам могут в смертном сне,
Когда мы сбросим этот шум земной?
Вот здесь подумать надо... Оттого
У наших горестей так жизнь длинна.
Кто снес бы времени удары, глум?
И гнет господ? Насмешки наглецов?
Страдания отвергнутой любви?
Медлительность судов? И спесь властей?
Пинки, что терпеливый и достойный
От недостойных получает, — если
Покоя мог бы он достичь ножом
Простым? Кто стал бы этот груз тащить,
Потев и ворча под тяжелой жизнью?
Нет, ужас перед чем-то после смерти,
Та неоткрытая страна, откуда
К нам путешественник не возвращался,
Сбивает нашу волю, заставляет
Знакомые нам горести сносить
И не бежать от них к тем, что не знаем.
Так в трусов нас сознание превращает,
И так природный цвет решенья меркнет,
Чуть ляжет на него тень бледной мысли,
И так дела высокой, смелой силой,
Остановившись на пути, теряют
Название «действия». Но тише! Здесь
Прекрасная Офелия.

Входит Офелия.

Помяни

Мои грехи в своих молитвах, нимфа!

О ф е л и я

Как поживали вы, милорд, все время?

Г а м л е т

Благодарю вас: мило, мило, мило.

О ф е л и я

Милорд, есть у меня от вас подарки,
Давно уж я хочу вам их отдать.
Прошу, возьмите их.

Г а м л е т

Нет, нет, не я!

Я ничего вам не дарил.

О ф е л и я

Милорд,
Отлично знаете, что вы дарили,
И со словами нежными. От них
Ценнее сам подарок становился.
Их нежный аромат исчез. Возьмите.
Ведь для души и дар ценнейший мал,
Когда тот, кто дарил, неласков стал.
Вот здесь они, милорд!

Г а м л е т

Ха, ха, вы добродетельны?

О ф е л и я

Что, милорд?

Г а м л е т

Вы красивы?

О ф е л и я

Что подразумевает ваше высочество?

Г а м л е т

То, что если вы и добродетельны и красивы,
то не допускайте никаких разговоров между
вашей добродетелью и красотой.

О ф е л и я

Но, милорд, разве у красоты может быть
лучшая подруга, чем добродетель?

Г а м л е т

Нет, по правде говоря, красота скорее пре-
вратит добродетель в сводню, чем добродетель
придаст красоте свой образ. Некогда это было
парадоксом, но наше время его подтвердило.
Я когда-то вас любил.

О ф е л и я

Да, милорд, и вы заставили меня поверить
в это.

Г а м л е т

Вам не следовало мне верить. Сколько ни
прививай добродетель к старому пню, он все
останется пнем. Я вас не любил.

О ф е л и я

Тем более я вижу, как я была обманута.

Г а м л е т

Иди в монастырь. Зачем тебе плодить греш-
ников? Я достаточно честен, но я мог бы обви-

нить себя в таких вещах, что лучше было бы моей матери меня не рожать: я очень высокомерен, мстителен, честолюбив. В моей власти столько грехов, что у меня нехватает мыслей, чтоб их вместить, воображенья, чтобы дать им форму, и времени, чтоб их осуществить. Зачем таким парням, как я, ползать между небом и землей? Мы все отъявленные подлецы. Не верь ни одному из нас. Иди своей дорогой, в монастырь. Где ваш отец?

О ф е л и я

Дома, милорд.

Г а м л е т

Ну, пусть его там и запрут, чтоб он калял дурака только у себя дома, а не где-нибудь в другом месте. Прощайте.

О ф е л и я

О, милостивое небо, помоги ему!

Г а м л е т

Если ты выйдешь замуж, я тебе вместо приданого дам вот какую лзву. Будь ты целомудренна, как лед, и чиста, как снег, ты все равно не спасешься от клеветы. Иди в монастырь, иди! Прощай. Ну, а если тебе уж очень захочется замуж, выходи за дурака, потому что умные люди все-таки знают, каких вы из них делаете чудовищ. В монастырь иди! И поскорее! Прощай!

О ф е л и я

О, небесные силы, излечите его!

Г а м л е т

О том, как вы краситесь, я тоже достаточно слышался. Бог вам дал одно лицо, а вы сами малюете себе другое. Вы подтанцовываете, вы семените ножками, вы лепечете, вы божьим созданиям даете прозвища и свою похотливость выдаете за неведение. Уходи, мне этого больше не надо, это меня свело с ума. Я говорю, что у нас не будет больше свадеб. Те, кто женаты, будут жить все, кроме одного, а все другие останутся, как есть. Иди в монастырь!

Г а м л е т выходит.

О ф е л и я

Какой высокий ум здесь брошен за-борт!
Взгляд дворянина, и солдата меч,
Язык ученого; надежда, роза
Страны прекрасной, зеркало приличья
И образец изящества, пример
Для подражанья всем — погиб, погиб!
А я, несчастнейшая из всех дам,
Впивавшая мед сладких клятв его,
Я слышу, как высокий, чистый разум,
Как колокол разбитый, груб, настроен;
И красота бесценная, и юность
Безумьем ранены. Печаль моя!
Что видела! Что вижу нынче я!

Входят Король и Полоний.

Король

Любовь? Нет, не сюда его влечет.
И хоть в речах его нет ясной связи,
Нет, не безумен он. В душе его
Печаль будто выспривляет что-то,
И я боюсь, как бы она беды
Ни высидела. Чтоб избыть опасность,
Вот что решил я быстро предпринять:
Его я тотчас в Англию отправлю,
Чтоб требовать недоданную дань.
Быть может, новые моря и страны,
Разнообразие впечатлений смоют
То, что так крепко угнездилось в сердце
И мозг его терзает, искажая
Его природу. Ну, как ваше мнение?

Полоний

Да, хорошо. Но все ж я полагаю,
Что корень и начало этих бед —
В любви отвергнутой. Ну, что, Офелия?
Вы можете не повторять нам слов,
Которые лорд Гамлет вам сказал, —
Мы их слышали. (К Королю) Как угодно вам,
Милорд, вы действуйте, но все ж полезно,
Чтоб после представления королева
Его просила ей открыть печаль.
Пусть будет с ним тверда она. А я
Здесь стану, с вашего соизволения,
И весь их разговор услышу. Если
Он не ответит ей, вы рассудите,
Послать ли в Англию его, или здесь
Где-либо заточить.

Король

Решим на том.
Безумцов знатных держат под замком.
Выходят.

СЦЕНА 2-я

Зала в замке. Входят Гамлет и актеры.

Гамлет

Прошу вас, произносите эти слова, как я прочел их вам, легко и просто; если же вы будете их вопить, как это делают некоторые из ваших актеров, то я предпочел бы, чтоб городской глашатай прочел мои стихи. И не слишком пишите воздух руками, вот так. Но будьте во всем пристойны, потому что в потоке, в буре, я бы даже сказал: в самом вихре страсти, вы должны соблюдать и сохранять чувство меры, которое придает ей нежность. О, мое чувство оскорблено, когда я слышу, как здоровый, нечесанный парень рвет страсть в клочья, в настоящие лоскутья и дерет уши стоящим в партере, которые по большей части неспособны ничего понимать, кроме бессмысленных пантомим и шума. Я бы высек такого парня, который хочет превзойти

Термаганта и разродить Ирода. Пожалуйста, не делайте этого.

1-й актер

Я ручаюсь вашему высочеству.

Гамлет

Но не будьте также слишком безжизненны, и пусть ваше собственное чутье будет вашим учителем. Согласуйте действие со словом и слово с действием. Особенно следите за тем, чтоб не переходить границ свободной естественности, потому что все преувеличенное идет вразрез с искусством игры, а цель этого искусства прежде и теперь была и есть — держать зеркало перед природой и показывать доблести ее настоящее лицо, а наглости ее настоящий образ, а каждому веку и каждому возрасту — их вид и отражение. Если игру перетянуть, или недотянуть, то невежда будет смеяться, но это может огорчить человека понимающего, а, с вашего позволения, его суждение должно перевесить мнение целого театра, наполненного невеждами. О, я видел актеров и слышал, как их хвалили, а у них, хоть и грешно так говорить, и голос не христианский, и повадка не христианская, и не языческая, и не человеческая. Они так кривлялись и выли, что мне казалось, будто их сделал какой-нибудь поденщик природы, и неладно сделал, — так мерзко они подражали человечеству.

1-й актер

Я надеюсь, что мы многое из этого уже изменили в себе.

Гамлет

О, измените это до конца. А тем, кто играет у вас шугов, скажите, чтоб они говорили только то, что для них написано. Между ними есть такие, которые хохочут, чтоб заставить смеяться некоторую часть невежественных зрителей в такой момент, когда внимание должно быть сосредоточено на каком-нибудь значительном месте представления. Это гнусно и доказывает только жалкое тщеславие шута, который так поступает. Ну, приготовьтесь.

Актеры выходят. Входят Полоний, Розенкранд и Гильденстерн.

Ну, как, милорд? Желает ли король видеть это представление?

Полоний

Да, милорд, и королева также, и к тому же очень скоро.

Гамлет

Прикажите актерам поторопиться.

Полоний выходит.

Вы мне оба поможете их поторопить?

Розенкранц и Гильденстерн
Конечно, милорд.

Выходят Розенкранц и Гильденстерн. Входит
Горадио.

Гамлет

Эй, эй, Горадио!

Горадио

Милорд, я здесь к услугам вашим.

Гамлет

Горадио, ты самый справедливый
Из всех людей, которых я знал.

Горадио

О, дорогой милорд...

Гамлет

Нет, я не лгу,

Не думай — ради выгоды какой?
Ведь все твое богатство — добрый нрав,
Тебя и кормит он, и одевает.
Зачем лстить бедняку? Язык медовый
Пусть пышную облизывает глупость;
Пусть гибкие склоняются колени,
Где выгодно вилать хвостом. Ты слышишь?
С тех пор как волю сердце выбирает
И стало различать людей, ты стал
Его избранником. Ведь ты умеешь,
Переноса страданья, не страдать;
За все удары и дары судьбы
Ты равно благодарен. Те, чья кровь

И ум так смешаны, — благословенны.
Они не лудки в пальцах у Фортуны,
Которая на них играет то,
Что хочет. Покажи мне человека,
Который не был бы рабом страстей, —
Его носить я буду в самом сердце
И в сердце сердца, как ношу тебя.
Но говорить довольно нам об этом.
Пред королем здесь нынче представленья.
События в одной из сцен похожи
На то, что я рассказывал тебе
О смерти моего отца.
Прошу тебя, когда пойдет та сцена,
Со всею силою души за дядей
Моим следи. И если тайный грех
Его не вырвется при тех словах, —
Мы духа окаинного видали,
И воображение мое черно,
Как кузница Вулкана. Ты за ним
Следи внимательно и замечай,
А я в лицо его вкую глаза.
Потом соединим свои сужденья
И вывод сделаем.

Горадио

Милорд, отлично.

И, если утаит он что-нибудь
И бдительность мою обманет, я
За кражу заплачу.

Гамлет

Они идут на представленье. Должен
Я быть безумным. Ну, займите место.

Датский марш. Трубы. Входит Король, Королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн, другие придворные и стража, несущая факелы.

Король

Как поживает наш племянник Гамлет?

Гамлет

Клянусь, превосходно живу, на диете хамелеона, ем воздух, начиненный обещаниями. Так каплунов не откормишь.

Король

Этот ответ ко мне не относится, Гамлет, и это вовсе не мои слова.

Гамлет

А теперь уж и не мои. *(К Полонию)* Милорд, вы говорили, что вы когда-то играли, будучи в университете?

Полоний

Да, играл, милорд, и считался хорошим актером.

Гамлет

Кого же вы играли?

Полоний

Я играл Юлия Цезаря. Меня убивали в Капитолии. Брут убил меня.

Гамлет

С его стороны было очень грубо убивать такого капитального тельца. Готовы актеры?

Розенкранц

Да, милорд, они только ждут вашего приказания.

Королева

Пойди сюда, Гамлет, сядь ко мне.

Гамлет

Нет, дорогая мать, здесь есть магнит притягательней.

Полоний

Вот так так, замечаете?

Гамлет *(к Офелии)*

Госпожа, могу я прилечь к вам на колени?
(Ложится к ногам Офелии)

Офелия

Нет, милорд.

Гамлет

Я хочу сказать, могу ли я положить голову к вам на колени?

Офелия

Да, милорд.

Гамлет

Вы подумали, что у меня была грубая мысль?

Офелия

Я ничего не подумала, милорд.

Гамлет

А ведь это нежная мысль — лежать между девичьих ног.

Офелия

Что это, милорд?

Гамлет

Ничего.

Офелия

Вы веселы, милорд?

Гамлет

Кто, я?

Офелия

Да, милорд.

Гамлет

О, боже, я хочу быть вашим шутом. Что человеку остается делать, как не быть веселым? Посмотрите, как оживлена моя мать, а между тем прошло всего два часа, как умер мой отец.

Офелия

Нет, милорд, прошло дважды два месяца.

Гамлет

Так много? Ну, в таком случае, пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях. О, небо! Он умер два месяца тому назад и еще не забыт? В таком случае великий человек может надеяться на то, что память о нем переживет его на целые полгода. Но тогда, клянусь божьей матерью, ему бы следовало понастроить побольше

церквей, иначе его так же забудут, как игрушечного конька, над которым такая эпитафия:
«Увы, игрушечный конек!

Увы, забыт, забыт!»

Трубы и гобои. Начинается пантомима. Входят театральные Король и Королева, очень нежно: он ее обнимает, а она его. Королева становится перед Королем на колени и жестами показывает ему свою любовь. Он ее поднимает и наклоняется к ее затылку, потом ложится на скамью, покрытую цветами. Когда она видит, что он заснул, она его оставляет. Вдруг входит человек, снимает с короля корону, целует ее, выхватывает в ухо короля яд и выходит. Королева возвращается, видит, что король мертв, и разыгрывает отчаяние. Отравитель снова входит с двумя или тремя статистами и делает вид, что печалится вместе с ней. Труп уносят. Отравитель обольщает королеву подарками. Вначале она как бы несогласна, но потом склоняется на его любовь. Они выходят.

Офелия

Что это значит милорд?

Гамлет

Это — ползущее молэчо. Это значит — злодейство.

Офелия

Вероятно, в этом заключается содержание пьесы?

Входит Пролог.

Гамлет

Мы все узнаем от этого парня. Актеры не умеют хранить тайны. Они всегда все рассказывают.

Офелия

Он расскажет нам смысл того, что было показано?

Гамлет

Да, или расскажет то, что вы ему покажете. Вы не стыдитесь показать, а он не постыдится сказать вам, что это значит.

Офелия

Вы злой, вы злой! Я хочу смотреть на представление.

Пролог

Для нас и представления
Мы молим снисхождения
И вашего терпения.

Гамлет

Что это—пролог, или надпись на кольце?

Офелия

Да, это коротко, милорд.

Гамлет

Как женская любовь.

Входят два актера — Король и Королева.

Театральный король

Уж тридцать лет, как Фебова заря
Бросает свет на сушу и моря,
И полных лун уж триста шестьдесят
Заемным светом над землей блещут

С тех пор, как спавил святостью венца
Брак наши руки, а любовь сердца.

Театральная королева

Еще любви нашей столько ж лет
Пусть солнце и луна свой дарят свет,
Но отчего, увы мне! ты теперь
Печален, нездоров, встревожен, — верь,
Волнуюсь я. Волнением моим
Мой милый друг не должен быть томим.
Ведь женский страх и женская любовь
Иль дремлют в нас, или сжигают кровь,
И в ту же меру, как я вас люблю,
Так муки страха я за вас терплю.
Где жжет любовь, там жжет малейший страх.
Без страха страсти нет в людских сердцах.

Театральный король

Нет, милая, я расстаюсь с тобой,
Сил жизненных кончается прибор.
А ты на белом свете жить должна
В любви и почестях; как знать, нежна
К другому мужу будешь...

Театральная королева

Речь прерви.

Измена черная в такой любви.
Я не хочу проклятой в браке быть:
С другим венчаться — первого убить.

Гамлет (в сторону)

Полюнь, полюнь...

Театральная королева

Причина, чтобы выйти замуж вновь, —
Расчет и выгода, а не любовь.
Вторично мужа мертвого убью,
Второго мужа взяв в постель мою.

Театральный король

Я верю, думаете так сейчас,
Но мы крушим решения много раз.
Намерения у памяти рабы,
Сильны рождением, прочностью слабы.
На ветке держится незрелый плод,
Но, чуть созрев, без тряски упадет.
Так быть должно, всегда себе самим
Платить не любим, что платить хотим
И что в порыве страсти мы решим.
Угасла страсть — холодный прах и дым,
В неистовстве и счастье и беда
Растрачивают пыл души всегда.
В чрезмерных чувствах — быстрый переход,
Беда смеется, счастье слезы льет.
Ничто не вечно здесь, а вслед судьбе
Изменчива любовь в самой себе.
Покорен кто кому, подумай вновь —
Судьба любви или судьбе любви:
Пал сильный мира — прочь льстецы бегут.
Продвигая бедняк — враги друзьями льнут.
И тут любовь идет судьбе вослед,
В друзьях нет нужды и отбою нет.
А верить кто в беде друзьям готов,
Сам их же превращает во врагов.
Но вот, к началу слов вернусь назад —
Живут желанья так с судьбой не в лад,

Что замыслы летят вниз головой.
Пусть мысль — моя, исход ее — не мой.
О браке мысль долой ты гонишь с глаз,
Но я умру — умрет и твой отказ.

Театральная королева

Не знать мне солида блеск, земли плодов,
Не знать мне ночью отдыха часов,
Отчаяньем надежда обернись,
В тюрьму дворец просторный превратись,
И пусть туманит счастья чело
Внезапно поражающее зло,
Земля и небо, муки мне готовь,
Когда вдовой я выйду замуж вновь.

Гамлет

Что, если она нарушит клятву?

Театральный король

Ты крепко поклялась. Теперь уйди, —
Устало сердце в горестной груди,
Заснуть мне надо.

Театральная королева

Спи, мой нежный друг,
Да не узнаем горестей и мук. *(Уходит)*

Гамлет

Госпожа, как вам нравится это представление?

Королева

Мне кажется, что эта женщина слишком
много наобещала.

Гамлет

О, она сдержит слово.

Король

Вы слышали содержание пьесы? В ней нет ничего оскорбительного?

Гамлет

Нет, нет, они только шутят, и даже в шутку отравляют. Это самая безобидная пьеса.

Король

А как она называется?

Гамлет

«Мышеловка». Как это понимать? В переносном смысле. Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене. Имя короля — Гонзаго, его жены — Батиста. Вы дальше увидите — это низкое происшествие. Но что нам за дело? И ваше величество и мы чисты душой, и это нас не касается. Пусть кляча лягается, если у нее ссадина на холке, а у нас хребет здоров.

Входит Луциан.

А это некто Луциан, племянник короля.

Офелия

Вы хорошо изображаете хор, милорд.

Гамлет

Я мог бы пояснить все, что происходит между вами и вашим любезным, если б я мог увидеть этот кукольный танец.

Офелия

Вы остры, милорд, вы остры.

Гамлет

Вам бы пришлось постонать для того, чтобы пригнупить мое острие.

Офелия

Все лучше и все хуже.

Гамлет

Вот так вам приходится выбирать себе мужей. Ну, начинай, убийца! Сифилитик, перестань строить свои окаинные рожи и начинай. Ну! Зовет нас к мести каркающий ворон!

Луциан

Дух черен, крепки руки, яд готов,
Никто не видит в лучший из часов.
Из полуночных и отравных трав
Гекатой трижды проклятый состав,
Своей природной и волшебной силой
Ты сильного гони скорей в могилу.

(Вливает в ухо сплещу яд)

Гамлет

Он отравляет его в саду, чтоб овладеть его государством. Королю зовут Гонзаго. Его жена Батиста. Такая повесть существует и написана она на изысканнейшем итальянском языке. А дальше вы увидите, как убийца добивается любви его жены.

О ф е л и я

Король встает.

Г а м л е т

Как, он испугался блуждающего огня!

К о р о л е в а

Что с вами, милорд?

П о л о н и й

Прекратите представленье!

К о р о л ь

Дайте огня! Идем!

П о л о н и й

Огня, огня, огня!

Все выходят, кроме Гамлета и Горацио.

Г а м л е т

Пусть плачет раненый олень,
Здоровый веселится,
Кому здесь ночь, кому и день,
Так целый свет кружится.

Неужели, сэр, если б судьба обошлась со мной, как турок, неужели я с этим, да еще с лесом перьев на голове и с провансальскими розами на вырезных башмаках, не был бы принят в какую-нибудь актерскую труппу, сэр?

Г о р а ц и о

На половинное жалованье.

Г а м л е т

Нет, на целое.

Ты должен знать, о, Дамон мой,
Юпитер правил здесь.
Теперь царит уж надо мной
Обыденный... павлин.

Г о р а ц и о

Вы могли бы срифмовать, милорд

Г а м л е т

О, добрый Горацио, я на каждое слово призрака поставил бы тысячу червонцев. Ты заметил?

Г о р а ц и о

Очень хорошо заметил, милорд.

Г а м л е т

Ах, ах! Эй, музыки! Эй, флейтистов!
Комедии не любит наш король,
Ее не любит он не оттого ль?

Ну, музыки, музыки!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Г и л ь д е н с т е р н

Достойный милорд, разрешите мне сказать вам два слова.

Г а м л е т

Хоть делую историю, сэр.

Г и л ь д е н с т е р н

Сэр, король...

Гамлет

Да, сэр, что с ним?

Гильденстерн

Он ушел к себе в чрезвычайно тяжелом состоянии.

Гамлет

От вина, сэр?

Гильденстерн

Нет, милорд, скорее от желчи.

Гамлет

Было бы мудрее с вашей стороны сообщить об этом врачу, потому что, если я буду лечить его очистительным, боюсь, как бы желчь не разлилась в нем еще сильнее.

Гильденстерн

Дорогой милорд, вставьте ваши речи хоть в какие-нибудь рамки и не отталкивайте так дико то дело, с которым я к вам обращаюсь.

Гамлет

Я вполне усмирен, сэр, — произносите.

Гильденстерн

Королева, ваша мать, глубоко и душевно огорченная, послала меня к вам.

Гамлет

Добро пожаловать.

Гильденстерн

Нет, дорогой милорд, такая учтивость здесь не совсем на месте. Если вам будет угодно дать мне разумный ответ, я исполню приказание вашей матери. Если же нет, то ваш отказ и мой уход закончат мое дело.

Гамлет

Сэр, я не могу.

Гильденстерн

Чего, милорд?

Гамлет

Дать вам разумный ответ. Мой мозг болен. Но такой ответ, который я могу вам дать, вы можете потребовать от меня, или, вернее, моя мать может потребовать его. Но довольно, перейдем к делу. Вы говорите, что моя мать...

Розенкранц

Итак, ваша мать говорит, что ваше поведение повергло ее в изумление и ужас.

Гамлет

О, изумительный сын, который может изумить свою мать! А за этим материнским изумлением не было никакого продолжения, которое следовало бы за ним по пятам? Сообщите мне.

Розенкранц

Она желает говорить с вами у себя, прежде, чем вы ляжете спать.

Гамлет

Мы повинuemся, хотя бы она была десять раз нашей матерью.

Розенкранц

Милорд, вы когда-то меня любили.

Гамлет (*указывая на свои руки*)

Клянусь этими ворами и разбойниками, что я и до сих пор люблю вас.

Розенкранц

Мой добрый лорд, в чем же причина вашего расстройства? Вы сами запираете дверь своей свободе, отказываясь поведать ваши печали вашему другу.

Гамлет

Сэр, мне нехватает движения вперед.

Розенкранц

Как это может быть, когда сам король провозгласил вас наследником датского престола?

Гамлет

Да, сэр, но «пока трава вырастет — кобыла издохнет»... Правда, это несколько заплесневелая поговорка.

Возвращаются музыканты с флейтами.

А, флейтисты! Дайте-ка мне флейту. Что? Выйти с вами? Что вы вертитесь вокруг меня, будто хотите по-ветру загнать меня в сеть?

Гильденстерн

О, милорд, если мое усердие к вам так дерзко, значит моя любовь слишком простодушна.

Гамлет

Я не очень хорошо это понял. Может быть, вы сыграете на этой дудке?

Гильденстерн

Милорд, я не умею.

Гамлет

Я прошу вас.

Гильденстерн

Поверьте мне, милорд, я не умею играть.

Гамлет

Я умоляю вас.

Гильденстерн

Я и обращаться-то с ней не умею, милорд.

Гамлет

Это так же просто, как лгать: открывайте и закрывайте эти отверстия пальцами, вдуйте в них свое дыханье — и она будет разговаривать самой красноречивой музыкой. Посмотрите, вот здесь лады.

Гильденстерн

Но я не могу вытянуть из этой флейты никакой гармонии — у меня нет умения.

Гамлет

Ну, вот видите теперь, в какую ничтожную вещь вы меня обратили: вы хотите играть на мне; вы, кажется, думаете, что знаете мои лады: вы хотите вырвать самое сердце моей тайны; вы хотите измерить меня с самой низкой моей ноты до самого высокого моего звука. И не можете заставить заговорить этот маленький инструмент с чудесным голосом, полным восхитительной музыки. Проклятье! Вы думаете, что на мне легче играть, чем на дудке? Вы можете меня назвать каким угодно инструментом, вы можете мучить меня, но играть на мне вы не можете.

Входят Полоний.

Благослови вас бог, сэр.

Полоний

Милорд, королева желает говорить с вами немедленно.

Гамлет

Вы видите вон то облако, которое напоминает верблюда?

Полоний

Клянусь, это совершенный верблюд.

Гамлет

Мне кажется, что оно похоже на ласку.

Полоний

Да, у него спина, как у ласки.

Гамлет

Или как у кита?

Полоний

Да, оно очень похоже на кита.

Гамлет

Ну, в таком случае я пойду к моей матери. Они, пожалуй, меня совсем с ума сведут. Ну, я сейчас иду.

Полоний

Так я и передам.

Гамлет

«Сейчас» — легко сказать. Оставьте меня, друзья.

Все выходят, кроме Гамлета.

Настало колдовское время ночи,
Когда кладбище открывает зев
И самый ад дыханием своим
Мир заражает. Мог бы я сейчас
Напиться теплой крови и свершить
Такие горькие дела, что солнце б,
Увидев их, затрепетало. Тише!
Мне надо к матери моей идти. О, сердце,
Своей природы не теряй, не дай
В грудь сильную войти душе Нерона.
Я не чудовище, хоть я жесток;

Ножом ей будет слово, а не дело.
Пусть здесь слукавят сердце и язык
И, как бы я ни стал ее корить, —
Угрозу, сердце, мне не дай свершить. *(Выходит)*

СЦЕНА 3-я

Комната в замке. Входят Король, Королева,
Розенкранц и Гильденстерн.

Король

Не нравится мне это. Да, опасно
Безумцев на свободе оставлять.
Поэтому готовьтесь. Порученья
Получите вы тотчас. С вами он
Теперь же должен в Англию уехать.
Не позволяет наше положение
Терпеть так близко от себя опасность
Его безумья.

Гильденстерн

Соберемся мы.

Благочестивый и священный страх —
Не подвергать опасности столь многих
Живущих и кормящихся при вас.

Розенкранц

И частный человек обязан ум
И силу духа напрягать, чтоб жизнь
Свою хранить от зла; тем боле тот,
Чья жизнь — основа жизни очень многих.
Кончина короля не одинока,
Но, как водоворот, она уносит
Все близстоящее. Как колесо
Громадное, он на горе высокой;
К его огромным спицам десять тысяч
Приложено предметов разных мелких;
И если колесо падет, за ним
Все малые привески вовлекутся
В крушение буйное. Король вздохнет —
Ответит вздоху стоном весь народ.

Король

В дорогу спешную, прошу, готовьтесь
На чудище, что на свободе бродит,
Наденем пути мы.

Розенкранц и Гильденстерн

Мы поспешим.

Выходят Розенкранц и Гильденстерн.
Входит Полоний.

Полоний

Милорд, он к матери своей пошел.
Я спрячусь за ковром, чтоб всю беседу
Подслушать. Я ручаюсь, что его
Она прибрать к рукам сумеет строго
И, как сказали вы, — умно сказали, —

Здесь нужно, чтобы кто-нибудь — не мать —
Все по природе матери пристрастны —
Его слова услышал бы и взвесил.
Прощайте, государь, я к вам приду,
Пока еще вы не легли в постель,
И расскажу все то, что я узнал.

Король

Благодарю вас, дорогой мой лорд.

Полоний выходит.

О, грех мой гнусен, к небу он смердит,
Древнейшее лежит на нем проклятье —
Братоубийство. Не могу молиться,
Хоть дух и воля — все влечет к молитве.
Сильней вина, чем сильное желанье.
Как связанный двумя делами, медлю,
С которого начать, не знаю, оба
Я оставляю. Неужели, если б
Вот эта окающая рука
От крови братской стала вдвое толще,
Ужели в небе и тогда нехватит
Дождя, чтоб сделать руку белоснежной?
К чему ж нам милосердье, если в нем
Нет помощи глядеть в глаза греху?
В молитве разве не двойная сила:
Беречь нас от паденья; если ж пали, —
Прощенье вымолить? Грех уж свершен...
Я на небо взгляну. О, как молиться?
«Прости мне, боже, подлое убийство»?
Нельзя молиться так — ведь я владею

Всем тем, ради чего я убивал:
Короною, господством, королевой.
Возможно ли прощенье получить
И сохранить, что добыл я грехом?
Вина рукою золотой в миру
Продажном отстраняет правосудье
И часто барышом вины своей
Винновник подкупает суд. Не так
На небесах. Там нет уверток, там
В их истинной природе все дела.
И мы, сведенные лицом к лицу
С виной своей, даем там показанья.
Как быть? Что остается? Испытаем
Раскаянье. Оно все может. Нет,
С тем, кто не кается, оно бессильно.
О, положенье жалкое! О, сердце,
Как смерть, черно. Ты связана, душа,
И, вырываясь из сетей, все хуже
Ты путаешься в них. О, помогите
Мне, ангелы, попробуйте помочь!
Вы, жесткие колени, подогнитесь!
Ты, сердце с жилами стальными, стань
Так нежно, будто мускулы младенца!
Все может хорошо быть. *(Отходит и
встает на колени)*

Входит Гамлет.

Гамлет

Он молится. Вот случай все исполнить.
Исполню все... И на небо взойдет он.
И вот я отомщен... Подумать надо.
Отца убил подлец. А я за это,

Единый сын убитого, на небо
Шлю подлеца.
Да это труд наемный, а не месть!
Отца он моего убил, когда
Он был чрезмерно сыт, когда двели
Его грехи, как пышный майский цвет.
Кто, кроме неба, знает счет его?
Но по тому, о чем судить мы можем,
Тот счет не легок. Буду ль отомщен я,
Убив врага, когда его душа
Очищена и он готов в дорогу?

Нет!
Назад, мой меч, готовь удар страшной,
Когда он будет пьяный, сонный, в гневе,
Или в кровосмесительных забавах,
Иль за игрой, иль руганью, иль делом
Другим он будет занят, где спасенья
Нет для души. Тогда его ударь,
Чтоб пятками лягнул он небеса,
Чтоб окаинная его душа
Была черна, как ад, куда пойдет он.
Ждет мать меня. Тебе ж лекарства эти
Лишь твой недуг продлит на белом свете.

(Выходит)

Король *(поднимался с колен)*

Летят слова, но мысль лежит в пыли:
Слова без мысли к небу не дошли. *(Выходит)*

СЦЕНА 4-я

Комната королевы. Входят Королева
и Полоний.

Полоний

Сюда придет он. Вы ему внушите,
Что выходки его невыносимы
И вы уж стали ширмой между ним
И злобой царской. Здесь я притаюсь.
Прошу вас, будьте строги с ним.

Гамлет *(за сценой)*

Мать, мать!

Королева

Я обещаю. За меня не бойтесь.
Вы удалитесь. Он идет сюда.

Полоний прячется за ковер. Входит Гамлет.

Гамлет

Что вам угодно, мать моя?

Королева

Ты своего отца обидел, Гамлет.

Гамлет

Обидели вы моего отца.

Королева

Ну, полно, полно, ваш ответ безумен.

Гамлет

Ну, полно, полно, ваш вопрос порочен.

Королева
Что говорите, Гамлет?

Гамлет

Ну, в чем дело?

Королева
Забыли, кто я?

Гамлет

Нет, клянусь крестом,
Вы — королева, деверя жена,
И — боже, не было бы так — вы мать мне.

Королева
Пошлю к вам тех людей, что говорить
Сумеют с вами.

Гамлет
Нет, сядьте здесь, вы не сойдете с места,
Пока вам зеркала не покажу,
Где станет явным то, что тайно в вас.

Королева
Что хочешь сделать ты? Убить меня?
На помощь!

Полоний (за сцену)
Эй, на помощь!

Гамлет (вынимая шпагу)
Кто там? Крыса? (Ударяет)
Мертва она, мертва, дукат постарелю.

Полоний (падает и умирает)
Убит я!

Королева
О, увы, что сделал ты?

Гамлет
Да я не знаю. И король ли это?

Королева
Кровавое и бешеное дело!

Гамлет
Да, мать, кровавое, дурное дело.
Почти как короля убить и замуж
Потом пойти за брата короля.

Королева
Как, короля убить?

Гамлет
Да, так сказал я.

(Поднимает ковер и вытаскивает Полония)
Ты, жалкий, наглый, глупый шут, прощай!
Тебя смешал я с высшим. Вот твой рок!
Ты слишком суетился. Это вредно. (К матери)
Вы не сжимайте руки. Тихо. Сядьте.
Сожму я ваше сердце, если только
В него еще проникнуть можно. Если
Оно не стало от порока бронзой
И, будто крепость, недоступно чувству.

Королева

Что я свершила, что со мной ты смеешь
Так грубо говорить?

Гамлет

Такое дело,

Что честь и совесть нежную марают;
Добро зовет притворством; вместо розы
На лбу невинном сладостной любви
Сажает язву: брачные обеты
Преображает в клятвы шулеров;
Такое дело, что и договор
Лишает духа и обряд священный
В слова бессмысленные превращает,
Пылает гневом небо и с печалью
Глядит на плотный наш и крепкий шар,
Что делом этим удручен как будто.
Настал день судный.

Королева

Ах, какое дело,

Что так вопит, гремит уже в прологе?

Гамлет

На эти два портрета вы взгляните,
Искусное изображенье братьев.
Смотрите, как лицо прелестно это:
Лоб Зевса и Гипериона кудри;
Глаз Марса, повелительный и строгий;
Стан вестника — Меркурия, когда
Коснется он заоблачных вершин.
Собрание прекрасное, как будто
Бог каждый приложил к нему печать,

Чтоб миру дать мужнины образец.

И это был ваш муж. Сюда взгляните —

Вот муж ваш. Будто спорынья на ржи,

Сгубил он брата. Есть глаза у вас?

Как с чудных гор сошли вы, чтоб пасть

В болоте том жирея? Есть глаза?

Не можете вы это звать любовью:

Жар крови в ваши годы тих и смирен,

И ждет сужденья. Где же тут сужденье,

Чтоб этим этого сменить? У вас

Есть чувство, ведь, движение есть у вас,

Но чувство то в параличе; безумье —

И то не ошибется; в исступленьи —

И то не так порабощалось чувство,

И оставалась разума частица,

Чтоб видеть разницу. Какой же дьявол

Так заморочил вас, играя в жмурки?

Глаза — без рук, без осязанья — зренье,

Без глаз и осязанья — уши; нюх один,

Лишь немощная часть здоровых чувств —

И та б так не сдурила.

Где твой румянец, стыд? Мятажный ад,

Кровь зрелой женщины ты взбунтовал —

Пусть будет чистота для юных воском

И в собственном огне горит. Пусть будет

Не стыдно страсти грязной отдаваться,

Когда и лед так яростно горит

И разум сводней служит у желанья.

Королева

О, Гамлет, замолчи!

Ты в глубь души мне обратил глаза.

Такие черные там вижу пятна,
Что их ничем не вывести.

Гамлет

И жить

В поту прокисшем пакостной постели,
Любится, миловаться на навозе,
В хлеву бесстыжем...

Королева

О, молчи, молчи,

Слова мне входят в уши, как ножи.
Довольно, милый Гамлет!

Гамлет

С негодяем,

С рабом, с убийцей, что и сотой части
Не стоит мужа прежнего; с шутом
И с вором, что украл и власть и царство,
И с полки утащил венец, и спрятал
Его в карман.

Королева

Довольно!

Гамлет

С королем

В заплатах и лоскутках!

Входит Призрак.

О, силы неба, под свои крыла
Меня вы спрячьте! *(К Призраку)* Что угодно вам,
Прекрасный образ?

Королева

Он с ума сошел!

Гамлет

За леность сына упрекать пришли вы,
За то, что, страсть и время упуская,
Приказ ваш грозный медлит он исполнить,
О, говорите!

Призрак

Не забудь. Пришел я,

Чтоб наточить твой замысел тупой.
На мать свою взгляни — она в смятении,
В борьбе ее души с ней рядом будь.
Мечтание опасно слабым людям.
Поговори с ней, Гамлет!

Гамлет

Что с вами, госпожа?

Королева

Увы, что с вами,

Что в пустоту глаза вы устремили
И с воздухом бесплотным говорите,
И бешено из глаз глядит душа;
И, будто тихо спавшие солдаты,
Услышав зорю, волосы встают,
Как будто есть в них жизнь! О, милый сын,
На жар и пламя гнева твоего
Терпение прохладное пролей.
На что вы смотрите?

Гамлет

Ах, на него!
Как гневен он, как бледен, посмотрите!
Когда бы на свою обиду камню
Пожаловался он, все б понял камень.
О, не глядите на меня так жалко,
Ваш вид печальный отнимает силы, —
Решение мое изменит цвет,
И вместо крови вдруг прольются слезы.

Королева

Кому вы это говорите?

Гамлет

Там

Не видите вы ничего?

Королева

Нет, ничего. Нет, все, что есть, я вижу.

Гамлет

Не слышали вы ничего?

Королева

Нет, ничего. Себя и вас я слышу.

Гамлет

Глядите вон туда. Вот он уходит...
Отец мой... и одет он, как живой,
Смотрите, он уходит, он у двери!

Призрак выходит.

Королева

То измышленья вашего рассудка,
Бесплодное создание горячки,
В которых так она искусна.

Гамлет

Горячки!

Мой пульс как ваш. И мерно отбивает
Он такт, как в музыке. И не безумье
Все, что сказал я. Вы меня заставите
Все повторить, — дословно повторю.
Безумец бы не мог. О, мать, молю вас,
Себе елеем не смягчайте душу!
Во мне кричит ваш грех, а не безумье.
Вы этим лишь затянете нарыв,
И гной незримый расползется всюду
По телу вашему. Покайтесь богу,
Раскайтесь в прошлом, будущего бойтесь;
Не удобряйте плевелы навозом,
Чтобы пышней они не разрослись.
Простите чистоту мою. Но в этот
Хрипящий от одышки жирный век
Должна и чистота молить порок,
Чтоб он ей разрешил помочь ему.

Королева

Ты на-двое рассек мне сердце, Гамлет.

Гамлет

О, бросьте прочь его дурную часть
И с половиной чистою живите.
Покойной ночи. С дядей не ложитесь.
И если не чисты, то притворитесь.

Привычка — чудище, что пожирает
Все чувства в нас, — здесь ангел, а не дьявол.
Поступкам добрым придает она
Удобную одежду иль ливрею.
Вы нынче ночью только воздержитесь,
А завтра воздержаться будет легче,
А там все легче. Ведь привычка наша
Почти стереть печать природы может,
Иль дьявола согнуть, иль выгнать прочь
С чудесной силой. Ну, покойной ночи.
Когда ж благословенный захотите,
Меня благословите. (*Указывал на Полония*)

Ну, а в этом
Я каюсь. Небесам угодно было
Меня им покарать, а мной его,
Чтоб стал орудьем я и палачом.
О нем я позабочусь и отвечу
За смерть, что дал ему. Покойной ночи.
Я должен быть жесток, чтоб добрым быть.
Зло начато и зло не отвратить.
Два слова, госпожа.

Королева

Что делать мне?

Гамлет

Да ничего, что сделать я просил.
Пусть пухлый ваш король в постель вас тащит,
Распутно щиплет вас, зовет вас мышкой,
А вы за пару грязных поцелуев,
За пальцы гнусные, что вас ласкают
И шею треплют вам, во всем сознайтесь.
Скажите, что я вовсе не безумен;

Что тут приговорство. Будет так отлично.
Как королеве мудрой, нежной, чистой
От этой жабы, филина, kota
Все это скрыть? Как это сделать можно?
Нет, здравый смысл и скромность оттолкнув,
Втащите клетку с птицами на крышу,
Там выпустите птиц, как та мартышка,
Вы в виде опыта залезьте в клетку
И, падал, себе сверните шею.

Королева

Поверь мне, если все слова — дыханье,
Дыханье — жизнь, — нет жизни у меня,
Чтоб выдохнуть твои слова ко мне.

Гамлет

Я еду в Англию, известно вам?

Королева

Увы, забыла я, все решено.

Гамлет

Уж письма запечатаны. Приказ
В руках у двух товарищей моих,
Которым верю я, как двум гадюкам.
Они должны расчистить мне дорогу
И привести меня в капкан. Пусть так.
Забавно будет самого сапера
Взорвать его же миной. Неужели
Мне не удастся подвести подкоп
На фут поглубже? Тут они взлетят
К самой луне. Ах, будет очень мило,
Как с тайной силою столкнется сила. (*Указывал на Полония*)

А этот человек меня заставит
Укладываться поскорее в путь.
Пока его кишки стащу я вон.
Покойной ночи, мать. Советник этот
Как тих, как молчалив, как важен стал,
А был при жизни глупым болтуном.
Ну, сэр, пора мне с вами и покончить.
Погойной ночи, мать.

Выходят — Королева в одну дверь. Гамлет в дру-
гую таща за собой труп Полония.

— —

А К Т

IV

СЦЕНА 1-я

Там же. Входят Король, Королева, Розенкранд и Гильденстерн.

Король

Причина есть у этих тяжких вздохов.
Скажите нам ее — все знать должны мы.
Где сын ваш?

Королева (*Розенкранцу и Гильденстерну*)
Оставьте нас одних здесь ненадолго.

Розенкранд и Гильденстерн выходят.
Ах, добрый мой супруг, что я видала!

Король

Ну что, Гертруда? Гамлет что, скажете?

Королева

Безумен он, как ветер и как море,
Когда они заспорят. Он в припадке,
Услышав шорох за ковром, схватил
Рапиру с диким криком: «Крыса, крыса!»
И в умоисступлении, не видя,
Убил он старика.

Король

Ах, злое дело!

Так было б с нами, если б там мы были.
Полна опасностей его свобода:
Опасен он и вам, и нам, и всем.
Увы, кто здесь ответчик за убийство?
На нас все взвалил. Ведь должны мы были
Держать на привязи, не выпускать
Безумного. Но от любви к нему
Не поняли, что сделать было должно,
Но так же, как больной дурной болезнью,
Скрывающий ее, дает расти ей
До сердцевины жизни, — так и мы.
Куда ушел он?

Королева

Труп унес куда-то.

Как золото средь низких минералов
Сияет чистотой, — в самом безумьи
Он чист и плачет о своем поступке.

Король

Уйдем, Гертруда.
Едва вершин коснется первый луч,
На корабле отправим мы его,

А это дело мерзкое всей властью.
Со всею ловкостью мы объясним,
Смягчив его. Эй, эй, эй, Гильденстерн!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Друзья, людей возьмите вы в подмогу.
Полония убил в безумьи Гамлет
И труп из спальни матери унес.
За ним пойдите, сговоритесь с ним,
А труп в часовню поскорей снесите.
Прошу вас торопиться!

Розенкранц и Гильденстерн выходят.

Ну, Гертруда,
Друзей мудрейших созовем своих,
Мы объясним им, что свершить нам надо
И что в недобрый час здесь совершилось.
Тогда и клеветы отравный шопот,
Что пушечным ядром летит чрез мир,
Не попадет в нас, поразив лишь воздух
Неуязвимый. О, идем же прочь!
В душе моей унынье, страх и ночь.

Выходят.

СЦЕНА 2-я

Другая комната в замке. Входит Гамлет.

Гамлет

Хорошо упрятан.

Розенкранц и Гильденстерн *(за сценой)*

Гамлет! Милорд Гамлет!

Гамлет

Но тише... Что там за шум? Кто зовет Гамлета?
Ах, вот они идут.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Розенкранц

Милорд, что сделали вы с этим трупом?

Гамлет

В пыль возвратил, с которой он в родстве.

Розенкранц

Скажите нам, где он, чтоб мы могли
В часовню отвести его.

Гамлет

Вы и не думайте этого.

Розенкранц

Чего не думать?

Гамлет

Что я стану сохранять ваши тайны, а не
свои. А еще отвечать на вопросы губки. Какие
разговоры между губкой и сыном короля?

Розенкранц

Вы меня принимаете за губку, милорд?

Гамлет

Да, сэр, за губку, которая впитывает королев-
ские милости, подарки, власть. Но такие слуги
лучше всего служат королю под конец: король
их кладет за щеку, как обезьяна, сначала хо-
рошенько прожует, а потом и проглотит. А когда
ему понадобится то, что вы впитали в себя, он
вас выжмет. Вот вы и сухи, губка вы такая.

Розенкранц

Я вас не понимаю, милорд.

Гамлет

Я очень этому рад: хитрая речь спит в глу-
хом ухе.

Розенкранц

Милорд, вы должны нам сказать, где мертвое
тело, и отправиться с нами к королю.

Гамлет

Тело при короле, хотя король не при теле
Король есть нечто.

Гильденстерн

Нечто, милорд?

Гамлет

Или ничто. Ведите меня к нему. Ну, поиграем в прятки.

Все выходят.

СЦЕНА 3-я

Другая комната в замке. Входит Король со свитой.

Король

Послал я разыскать его и труп.
Опасен этот человек на воле,
Но строгости к нему не применить:
Любимец он бессмысленной толпы,
Что лишь глазами любит, не умом
И в случаях таких лишь наказание,
Не преступление на весы кладет.
Чтоб гладко, ровно все прошло, отъезду
Его внезапный должен всем казаться
Заранее решенным. А болезнь
Отчаянную можно излечить
Отчаянным лекарством, или вовсе
Уж не лечить.

Входит Розенкранц.

Ну что? Что там случилось?

Розенкранц

Милорда, никак добиться не могли мы,
Куда он спрятал труп.

Король

А где он сам?

Розенкранц

За дверью здесь, под крепким наблюденьем
И зова ждет он.

Король

Пусть его введут.

Розенкранц

Милорда Гамлета введите, сэр.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

Король

Ну, Гамлет, где Полоний?

Гамлет

На ужине.

Король

На ужине? Где?

Гамлет

Не там, где он ест, а где его едят. Вокруг него собрался съезд политических червей. А в смысле еды ведь червь наш могущественнейший государь: мы откармливаем разных животных, чтоб самим откормиться, а себя мы

откармливаем для белых червей. И жирный король и тощий нищий — только два разных угощения, два разных блюда, но подаются они к одному и тому же столу. Вот и конец.

Король

Увы, увy!

Гамлет

Человек может поймать рыбу на червяка, съевшего короля, и съесть рыбу, которая съела этого червяка.

Король

Что ты под этим подразумеваешь?

Гамлет

Ничего, только я хотел показать вам, как король может пропутешествовать по кишкам нищего.

Король

Где Полоний?

Гамлет

На небесах. Пошлите за ним туда. А если там ваш посланный его не найдет, поищите его в противоположном месте сами. Ну, а если вы его не найдете в течение этого месяца, то выньете его, когда будете подыматься из сеней по лестнице.

Король *(к придворным)*

Пойдите за ним туда.

Гамлет

Он вас там спокойно подождет.

Придворные выходят.

Король

Поступок твой нас огорчает, Гамлет, Но ради безопасности твоей, Которой дорожим мы, должен ты Отсюда скрыться. Приготовься в путь. Корабль в порту, попутный дует ветер, Товарищи твои готовы. Ждет Вас Англия.

Гамлет

Ах, Англия?

Король

Да, Гамлет.

Гамлет

Ну, хорошо.

Король

Сказал ты так, как будто Намеренья ты наши видел ясно.

Гамлет

Я вижу с херувимом, который их видит. Ну, ладно, поедem в Англию. Прощайте, дорогая мать.

Король

Твой любящий тебя отец, Гамлет.

Гамлет

Нет, моя мать. Отец и мать — муж и жена.
Муж и жена — одно тело, значит вы — моя мать.
Ну, едем в Англию. *(Выходит)*

Король

Скорей за ним. Ведите на корабль.
Не мешкайте. Он плыть сегодня должен.
Все, что для дела этого нам нужно,
Уж сделано и скреплено. Скорей.

Выходят Розенкранц и Гильдекстерн.

Моей любовью должен дорожить ты,
Король английский, — мощь мою ты знаешь,
От датского меча рубец твой свеж,
Еще ты дань свободную нам платишь:
Не холодно приказ наш королевский
Принять ты должен. Тот приказ в письме —
В нем требуем немедленной мы смерти
Для Гамлета. Король, послушен будь!
Горит в моей крови горячкой Гамлет.
Ты должен вылечить меня. Вот путь —
Мне счастье, радость прежнюю вернуть.

(Выходит)

СЦЕНА 4-я

Равнина в Дании. Входят Фортинбрас, Капитан
и войско.

Фортинбрас

Привет снесите датскому монарху.
Ему скажите, что, с его согласия,
Обещанного разрешения просит
Принц Фортинбрас пройти его владеньем.
Где встреча, вам известно. Если ж мы
Его величеству нужны чем-либо,
Мы сами явимся, чтобы свой долг
Исполнить перед ним. Ему все это
Вы передайте.

Капитан

Передам, милорд.

Фортинбрас

Идемте тише.

Фортинбрас с войском выходит. Входят Гамлет,
Розенкранц, Гильдекстерн и другие.

Гамлет

Чье это войско, сэр?

Капитан

Норвежское, сэр, войско.

Гамлет

Куда оно идет, сэр?

Капитан
Против поляков, сэр.

Гамлет
А кто его ведет, сэр?

Капитан
Принц Фортинбрас, племянник короля.

Гамлет
Идете ли вы в сердце Польши, сэр,
Иль только на границу?

Капитан
По правде говоря, без добавлений,
Идем мы завоевывать клочок,
А барыша в нем — лишь одно название.
За пять дукатов я б не взял его
В аренду; если б продавали
Его король норвежский, или польский,
То и тогда никто б дороже не дал.

Гамлет
Поляки защищать его не будут.

Капитан
Да нет, там собраны уже войска.

Гамлет
Две тысячи людей и двадцать тысяч
Дукатов о содоминке вопроса

Не могут разрешить. Вот где нарыв
Чрезмерного обилия и мира —
Прорвется внутрь он, и никто не знает
Причины смерти человека. Сэр,
Покорно вас благодарю.

Капитан
Храни, сэр,
Вас бог.

Розенкранц
Милорд, угодно ль вам идти?

Гамлет
Я догоню вас. Вы вперед идите.

Все выходят, кроме Гамлета.

Как все случайности меня корят
И шпорят месть ленивую мою!
Что — человек, когда еду и сон
Считает он ценнейшим в жизни благом?
Животное, не боле. Верно, тот,
Кто создал нас с такой широкой мыслью,
Умеющей глядеть вперед, назад,
Нам дал ее и богоравный разум
Не для того, чтоб он без дела гнил.
Что — скотская ль забывчивость во мне,
Или сомнение робкое, привычка
О том, каков конец, чрезмерно думать?
Мысль, если разделить ее на части:
Лишь часть одна — рассудок, три же — трусость.

Не знаю, почему все говорю я:
«Так надо сделать», когда есть причина,
Желание и сила, и возможность,
Чтоб сделать. На земле меня все учит;
Тяжелое, большое это войско,
Что нежный и прелестный принц ведет, —
Полна божественного честолюбья
Его душа. Смеется дерзко он
Над скрытым будущим и обрекает
Все то, что смертно и неверно, року,
Опасности и смерти — чего ради?
Ради яичной скорлупы. Велик
Не тот, кого волнует важный повод,
Но кто из-за соломинки дерется,
Когда стоит, как ставка, честь. Как я,
Чья мать запятнана, отец убит,
И кровь и ум в волнении, я стою
Как будто сонный, со стыдом гляжу
На то, как неминуемая смерть
Двадцати тысячам людей грозит?
Ради фантазии и мнимой славы
Они идут в могилу, как в постель,
Сражаться за клочок земли, который
Так тесен, что живым войскам нет места,
А мертвых негде будет хоронить.
Отныне мысль моя кровава будь
Или ничтожна — вот единственный путь.

Эльсинор. Комната в замке. Входят Королева
и Горацио.

Королева

Я не хочу с ней говорить.

Горацио

Она настаивает. Без сомненья
Помешана она и так жалка.

Королева

Чего же нужно ей?

Горацио

Она толкует об отце, о том,
Что в мире хитрости одни, вздыхает,
Бьет в сердце, сердится по пустякам
И говорит с каким-то полусмыслом.
Слова ее ничто, но тех, кто слышит,
Их безобразье побуждает к мысли.
Стараются понять их и дополнить,
И применить к себе. Пожалуй, можно
По вздрагиванью век и по кивкам,
И по движениям ее поверить,
Что есть в словах ее какой-то смысл.
Хоть и невятный, но зато ужасный.

Королева

С ней надо говорить. А то она
Опасные посеет размышленья
В сердцах недобрых. Пусть она войдет.

Горацио выходит.

В больной душе, где грех оставил след,
Бездежка кажется прологом бед.
Таков уж грех. С ним глухой страх идет.
И сам себя виновник выдает.

Входят Горадио и Офелия.

О ф е л и я

Где прекрасная королева Дании?

К о р о л е в а

Что с вами, Офелия?

О ф е л и я *(поет)*

Как любимого узнать?
Вот идет он мимо.
С посохом, в сандалях он,
В шляпе пилигрима.

К о р о л е в а

Увы, милая девочка, что это значит?

О ф е л и я

Что вы говорите? Нет, прошу вас слушайте.

(Поет)

Госпожа, он умер, умер,
Умер он и спит,
А над ним зеленый дерн,
Камень там лежит.

Ох, ох!

К о р о л е в а

Но, милая Офелия...

О ф е л и я

Прошу вас, замечайте. *(Поет)*
Саван снега был белей...

Входит К о р о л ь.

К о р о л е в а

Увы, милорд, взгляните!

О ф е л и я

Весь утыкан цветом.
Плачет милая над гробом,
Будто дождик летом.

К о р о л ь

Как вы поживаете, прелестная госпожа?

О ф е л и я

Хорошо, благослови вас боже. Говорят, что
сова была дочерью пекаря. Милорд, мы знаем,
что мы такое, но не знаем, чем мы можем
стать. Боже, благослови ваш стол.

К о р о л ь

Это мысль об отце.

О ф е л и я

Прошу вас, не будем об этом говорить. Но,
если они спросят у вас, что это значит,
ответьте им вот так *(поет)*:

Ведь завтра Валентинов день,
Я утра подожду.
Чтоб вашей Валентиной стать,
К окошку подойду.

Встал бысто и оделся он,
И в дверь к нему вошла
Та девушка, что от него
Не девушкой ушла.

Король

Миленская Офелия!

Офелия

Ну да, без всякой клятвы я кончу *(поет)*:

Ах, стыд мальчишкам, стыд и срам!

Благим клянусь Христом.

Лишь допусти, — возьмет все сам,

Клянусь я петухом.

Пока меня не повалил,

Жениться обещал.

«Что ж ты в постель ко мне пришла?» —

Вот что он мне сказал.

Король

А давно она такая?

Офелия

Я надеюсь, все будет хорошо. Мы должны быть терпеливы. Но я могу только и делать, что плакать, когда подумаю о том, что они положили его в холодную землю. Мой брат узнает об этом. Благодарю вас за добрый совет. Ну, где же моя карета? Покойной ночи, госпожи, покойной ночи, милые госпожи, покойной ночи, покойной ночи.

Король

За нею последите, я прощу вас.

Горацио выходит.

Вот яд глубокой скорби. Смерть отца —
Ее причина. О, смотри, Гертруда,
Гертруда, о, Гертруда!

Лазутчиком не одиноким входит
Бедя, а целым войском: смерть отца
И сына вашего отъезд, — он сам
Винювник справедливого изгнания, —
Брожение мутное и шопот черни
Тупой и злобной о внезапной смерти
Полония. И то, что шито-крыто
Его мы закопали, было глупо;
И бедная Офелия в разлуке
С самой собой и рассуждением здравым,
А без него картины мы иль звери.
А хуже остальных вот эта весть:
Тайком из Франции Лаэрт вернулся;
Он насыщается бедой, скрываясь,
Он слушает доносчиков отравных,
Что грязно лгут ему про смерть отца.
И раз убийцы под рукою нет,
Стоустая молва прилепит к нам
Все обвиненья. Милая Гертруда,
Все это, как смертельное орудье,
Мне много лишних шлет смертей.

Снаружи шум.

Королева

Ах, что за шум?

Король

Швейцарцы где? Пусть защищают двери!

Входит придворный.

Что там стряслось?

Придворный

Милорд, скорей спасайтесь!

И океан, что вышел из границ,
Так яростно не сотрясает берег,
Как во главе мятежников Лаэрт
Крушит всех ваших слуг. И чернь его
Зовет властителем, как будто мир
Начаться должен заново. Забыт
Уклад старинный, мертв закон обычный —
Основа, утверждение всех вещей.
Они кричат: «Теперь мы выбираем!
Лаэрт пусть будет королем!» — и руки,
И возгласы, и шляпы вверх летят —
«Лаэрт — король!» «Лаэрт король пусть будет!»

Королева

Как весело по ложному следу
Залаяли вы, датские собаки!

Шум продолжается.

Король

Все двери взломаны!
Входит вооруженный Лаэрт, за ним следуют датчане.

Лаэрт

Король где этот? Господа, уйдите!

Датчане

Нет, дайте нам войти!

Лаэрт

Нет, я прошу вас.

Датчане

Ну, ладно, ладно.

Датчане выходят за дверь.

Лаэрт

Благодарю вас. Дверь храните. Ты,
Дрянной король, отдай отца!

Королева

Спокойней,

Лаэрт!

Лаэрт

Та капля крови, что во мне
Останется спокойной, назовет
Меня ублюдком, рогаком отца
И лоб невинной матери моей
Названьем потаскухи заклеймит.

Король

Но для чего, Лаэрт, мятеж гигантов?
Оставь, Гертруда, и за нас не бойся.
Божественность — ограда королей;
Работает измена на словах,
В делах она бессильна. Но скажи,
Лаэрт, чем ты гордишь? Оставь, Гертруда!
Ну, говори же, человек.

Лаэрт

Где мой отец?

Король

Убит.

Королева
Не королем.

Король

Дай все ему сказать!

Лаэрт

Как он убит? Меня вам не надуть!
Обеты в ад! И клятвы все к чертям!
И в преисподнюю страх божий! Совесть!
Пусть пропадет душа! Я в этом тверд!
Я презираю этот мир и тот!
И будь, что будет! Только б отомстить
Мне за отца!

Король

Кто в этом вам мешает?

Лаэрт

Моя лишь воля, а не мир — праграда,
И малыми я средствами достигну
Того, что я решил.

Король

Лаэрт мой добрый,

Хотите вы узнать все достоверно
Про смерть отца любимого? А если
Узнаете, вы, как сорвавший банк
Игрок, одним движением всех сгребете,
И друга, и врага, и проигравших,
И выигравших?

Лаэрт

Нет, одних врагов!

Король

Хотите их узнать?

Лаэрт

Друзьям отца открою я объятья.
Как пеликан, птенцов кормящий кровью,
Им кровь отдам.

Король

Теперь вы говорите,
Как добрый сын и верный дворянин.
Я в смерти вашего отца невинен
И сам ее оплакиваю горько,
И скоро это в разум вам войдет,
Как входит свет в глаза.

Датчане (за сценой)

Впустить ее!

Лаэрт

Что там? Что там за шум?

Входит Офелия, убранный цветами и соломой.

Зной, иссуши мой мозг! Соль слез моих
Семь раз соленых, выжги зренья мне.
Клянусь, я оплачу твое безумье,
И перевесит мечь. О, роза мая,
Сестра, Офелия, девочка моя!
О, небо! может ли быть юный мозг
Так смертен, как и старческая жизнь?
Нежна любви природа, и она
Все лучшее, что излучает, шлет
Вслед за любимым!

О ф е л и я (поет)

С непокрытым лицом он в гробу лежал.
Эй, вертись, вертись, эй, вертись!
Ливень горьких слез его поливал. . .
Прощайте, мой голубь.

Л а э р т

Когда б, здоровая, звала ты к мести, —
Не убедила б так.

О ф е л и я

Вы все должны петь: «Вверх и вниз, поклонись,
вверх и вниз, назовись!» Ах, как это подходит
к прыжке! Это ведь вероломный управитель, кото-
рый украл дочь своего хозяина.

Л а э р т

Ничто сильнее, чем ничто.

О ф е л и я

Вот здесь розмарин, это для памяти, — прошу
вас, помните, любимый, — а здесь бархатцы, они
для мыслей.

Л а э р т

В безумьи — наставленье: память и мысли
должны быть вместе.

О ф е л и я

А вот укроп для вас и колокольчики. А вот
мать-мачеха для вас, а тут немного для меня.
Она называется также травой воскресной бла-
годати. О, вы должны носить ее как герб с ог-

личием. А вот ромашки. Я хотела дать вам не-
сколько фиалок, но они все завяли, когда умер
мой отец. Говорят, он легко умирал. (Поет)

Мой милый Робин, вся радость моя...

Л а э р т

Она красу и прелесть придает
Печали, скорби, страсти, даже аду.

О ф е л и я (поет)

Он не вернется сюда!
Он не вернется сюда!
Умер он и спит,
Он в гробу лежит,
Никогда не вернется сюда.
Как снег его голова,
Как лен его борода,
Он ушел, он ушел домой, —
Не вернуть его никогда!
Боже, смилуйся над его душой.

И над всеми христианскими душами, я молю
бога. Бог с вами! (Выходит)

Л а э р т

О боже, видишь ли ты это?

К о р о л ь

Лазерт, скорбь с вами разделить хочу я,
Не отвергайте же меня. Пойдемте.
Друзей умнейших ваших соберите,
И пусть они рассудят с вами нас.
Когда найдут, что прямо мы виновны,

Иль косвенно, согласны мы отдать
Вам жизнь, венец, все достойные наше
В награду за потерю. Если ж нет,
Своим терпением подарите нас,
И дружно с вами будем мы стараться
Месть вашу утолить.

Ляэрт

Пусть будет так.

Смерть, похороны тайные его,
Где не было герба, меча, трофеев,
Ни почестей, ни набожных обрядов,
Кричат, и небо землю укоряет
И требует суда.

Король

Суд будет скор.

И пусть виновника разит топор.
Прошу, пойдем со мной.

Выходят.

СЦЕНА 6-я

Другая комната в замке. Входят Горацио и слуга.

Горацио

Кто хочет там со мною говорить?

Слуга

Матросы, сэр. Они говорят, что у них есть
для вас письма.

Горацио

Пусть войдут.

Не знаю, из какой мне части света
И кто привет шлет? Может быть, лорд Гамлет?

Входят матросы.

1-й матрос

Бог благослови вас, сэр.

Горацио

Пусть он и тебя благословит.

1-й матрос

Так он и сделает, если ему захочется. Вот
тут письмо для вас, сэр. Оно от посланника,
который шел в Англию; если только ваше имя —
Горацио, как мне сказали.

Горацио (берет письмо и читает)

«Горацио, когда ты прочтешь это письмо,
помоги этим людям попасть к королю — у них
есть письма к нему. Не прошло еще двух дней,
что мы вышли в море, как за нами стало охо-
титься воинственно-снаряженное пиратское суд-

но. Наш парусник был тихоходнее их корабля, и нам пришлось прибегнуть к отчаянно-мужественному решению; мы взяли их на abordаж, и во время схватки я перескочил к ним на палубу. Но в эту минуту они отчалили от нашего судна, и я оказался их единственным пленником. Они обошлись со мной, как милосердные воры, но, правда, они знали, что делали, так как я могу оказаться для них выгодным делом. Доставь к королю письма, которые я посылаю, и приезжай ко мне так спешно, как если бы ты бежал от смерти. Мне надо сказать тебе на ухо такие слова, от которых ты онемеешь. И все же они слишком легки сравнительно с тяжестью вещей, которые они несут. Эти славные парии привезут тебя туда, где я нахожусь. Розенкранц и Гильденстерн продолжают свое путешествие в Англию. О них я тебе тоже многое расскажу. Прощай. Твой любящий тебя Гамлет».

Идемте, способ я доставлю вам
Те письма передать. Поторопитесь.
Должны вы спешно отвезти меня
К тому, кто вам их поручил.

Выходят.

СЦЕНА 7-я

Комната в замке. Входят Король и Лэарт.

Король

Теперь по совести должны, Лэарт,
Меня вы оправдать и стать мне другом,
С тех пор как вы узнали достоверно,
Что вашего отца убийца метил
В меня.

Лэарт

Да, кажется мне это ясным.
Но почему виновник этих дел,
Столь тяжких и преступных, не наказан,
Хоть ваша мудрость, ваша безопасность
Настойчиво подсказывали это?

Король

О, у меня две важные причины,
Хоть вам они и могут показаться
Неосновательными и пустыми.
Ведь королева, мать его, лишь им
Одним и дышит. Ну, а я, — не знаю,
Моя ли доблесть в этом, или напасть, —
Так связан с ней и жизнью и душой,
Как со своей орбитой звезда.
Я с ней всегда. Другая же причина,
Что гласный суд отверг я в этом деле, —
Любовь к нему большая низкой черни:
Она омыла бы его проступок
В своей любви, как тот родник, где камнем
И дерево становится; она

Его бы цепи в милость обратила.
Мои бы легковесны стали стрелы
При этом сильном ветре и обратно
Вернулись бы в мой лук, не долетев.

Лаэрт

И все же благородного отца
Я потерял, и загнана сестра
В предельное отчаянье. Она —
Ведь можем мы хвалить то, что погибло —
Во все века вершиною была бы
Всех совершенств. Но месть моя придет.

Король

Все же спокойно спите. Не должны вы
Предполагать, что мы тупы и дряблы.
Когда опасность за бороду схватит,
Забавой это не считаем мы.
Вы скоро все узнаете. Любя
Я вашего отца — себя мы любим.
И это вас, надеюсь, убедит. . .

Входит Вестник с письмами.

Кто там?

Вестник

От Гамлета вам письма,
Вот вам, милорд, а это королеве.

Король

От Гамлета? Кто их привез?

Вестник

Матросы, говорят, я их не видел,

Мне Клавдио их дал, ему же дал их
Тот, кто привез.

Король

Лаэрт, я вам прочту их.

Оставь нас.

Вестник выходит.

«Великий и могущественный, сообщаю вам, что
я высажен голым в вашем королевстве. Завтра
я буду просить разрешения явиться перед ваши
королевские очи. А испрошив вашего соизволе-
ния, я расскажу вам причины моего внезапно-
го и еще более странного возвращения». —
Что это значит? Те вернулись тоже?
Или обман здесь и неверно все?

Лаэрт

Рука знакома вам?

Король

Его рука!

Да, «голым» . . . и в приписке здесь «один»,
Что скажете вы мне?

Лаэрт

Милорд, растерян я. Но пусть придет он.
Больную душу согревает мне,
Что кину прямо в зубы я ему:
«Ты это сделал!»

Король

Если так, Лаэрт —
А как бы то могло иначе быть? —
Согласны ль, чтоб я вел вас?

Лаэрт

Да, милорд,
Но если вы не к миру приведете.

Король

Нет, к миру, только вашему. Теперь,
Раз он вернулся, он уж не уедет:
Ведь и тогда претил ему отъезд.
Но я ему придумал некий подвиг,
В котором должен будет он погибнуть.
И смерть его ни слухов, ни сомнений
Ни в ком не возбudit, и даже мать
Простой случайности ее припишет.

Лаэрт

Милорд, я буду вам во всем послушен,
Особенно, когда орудьем мести
Меня назначите.

Король

Пусть будет так.

После отъезда вашего о вас
При Гамлете здесь много толковали,
Особенно о качестве одном,
Которым блещете вы, говорят.
Соединенье всех достоинств ваших
Такой в нем зависти не возбудило,
Как это, хоть на мой взгляд и оно
Не так уж важно.

Лаэрт

Что ж это, милорд?

Король

На шляпе юноши оно лишь лента,
Хотя и нужная. Ведь молодежи
Идет одежда легкая, как мех
И сукна людям пожилым подходит:
Они хранят здоровье и почтенны.
Два месяца тому назад здесь был
Норманский дворянин. Я видел сам
И воевал с французами, они
Отличные наездники, но этот
Здесь просто колдовал — к седлу прикован,
Выделявал он чудеса с конем,
Как будто с благородным зверем он
Единым существом был. Все, что я
Из фокусов вообразить бы мог,
Далеко было до него.

Лаэрт

Нормандец?

Король

Нормандец.

Лаэрт

Ламонд, клянусь я жизнью.

Король

Да, он самый.

Лаэрт

Я знаю хорошо его. Он вправду
Краса и драгоценность всей страны.

Король

О вас он дал великолепный отзыв,
Признав, что в фехтовальном деле вы,
Особенно в владении рапирой,
Всех превосходите, и было б чудом,
Когда бы кто-нибудь вас победил.
Все фехтовальщики его страны,
Так клялся он, геряют глазомер,
Ни защититься, ни напасть не могут,
Когда вы — их противник. Сэр, тот отзыв
Так зависть Гамлета разбередил,
Что он лишь одного просил и ждал —
Чтоб вы сюда скорее возвратились
И дрались с ним. Вот этим-то теперь...

Лаэрт

Милорд, что значит «этим-то теперь»?

Король

Лаэрт, отец вам дорог был, иль вы —
Картина лишь печали и лицо
Без сердца?

Лаэрт

Почему такой вопрос?

Король

Не потому, чтоб сомневался я
В вашей любви к отцу. Но мне известно,
Что времени любовь подчинена.
По опыту и наблюдениям знаю,
Как время гасит жар и блеск любви.
Ведь в самой сущности любви живет

Как бы нагар, что ту любовь потушит.
Ничто не остается неподвижным;
И, дорастая до предела, благо
От своего избытка умирает.
И то, чего хотим, должны мы делать,
Пока хотим, — изменчиво хотенье;
Ведь столько в нем отсрочек и помех,
Как языков, и рук, и приключений.
И «должное» тогда лишь мота вздох;
Который вреден тем, что облегчает.
Вернемся к нашей язве: Гамлет едет.
Что совершите вы, чтоб доказать,
Что сын вы вашего отца, — на деле,
Не на словах?

Лаэрт

Его зарежу в церкви!

Король

Убийство это месть не освятит,
Но нет преград для мести. Вы, Лаэрт,
Сидите смиренно в комнате своей;
Узнает Гамлет, что и вы вернулись,
Тут станут восхвалять искусство ваше
И блеск двойной на славу наведут,
Которую о вас пустил француз.
Потом мы вас лицом к лицу поставим
И выставим за вас заклады. Он
Великодушен, нехитер и вил,
Не станет он рассматривать рапиры —
Почти без плутовства легко вам выбрать
Оружье с непритупленным концом.
И выпадом коварным отомстите
Вы за отца.

Лаэрт

Да, так я поступлю.

Для этого свою рапиру смажу.
У знахаря я снадобье купил
Такое смертоносное, что стоит
Лишь окунуть в него клинок и ранить,
Хотя б из раны вышла капля крови,
Уж не спасут от смерти и примочки
Из самых редких и целебных трав
Во всей подлунной тех, кого царапнет
Такой клинок. Отравой этой смажу
Свою рапиру. Лишь бы мне задеть —
Тут Гамлету конец.

Король

Подумать надо

И взвесить обстоятельства и время
Для дела нашего. Ведь если это
Вам не удастся и попытку нашу
Увидит сквозь плохое выполнение,
Уж лучше не пытаться. Этот план
Нам нужно подпереть другим, который
Окажется вернее, если первый
Провалится. Сообразить мне дайте...
За вас поставил важный я заклад.
Вот что!

Когда вы разгоритесь от движенья —
К концу вы яростнее нападайте —
И он попросит пить, то у меня
Готов уж будет кубок. Чуть глотнет,
Хотя б отравленного избежал он
Удара вашего, здесь совершится
Наш замысел. Но тише, что за шум?

Входит Королева.

Что, королева нежная моя?

Королева

Бежит за горем горе по пятам —
Сестра ваша, Лаэрт, там утонула.

Лаэрт

О, утонула! Где?

Королева

На берегу соседнего потока
Седая ива над водой склонилась...
Туда пришла Офелия с венком
Каким-то диким из крапивы, трав,
Ромашки, длинных пурпурных цветов,
Что пастухи так грубо называют
И пальцем мертвеца зовут девицы.
Когда она вскарабкалась на ветку,
Чтоб свой венок повесить, подломился
Тот вероломный сук. Она упала
С трофеями своими травяными
В поток ревуший. И ее одежда
Раздулась, понесла ее, как нимфу...
Плыла она и клочья песен пела,
Не замечая собственной беды...
Иль вправду нимфою она была?
Так продолжаться не могло. Одежда,
Водою напившись, утащила
Несчастную от старых нежных песен
В смерть тинистую.

Лаэрт

Утонула. Ах!

Корольева

Да, утонула, утонула.

Лаэрт

Офелия, воды тебе довольно.

Я воздержусь от слез. *(Плачет)* Увы, напрасно!

Хоть стыдно человеку, но природа

Имеет свой закон. Пусть слезы льются

И смоят слабость женскую. Милорд,

Прощайте. Огненными бы словами

Я запылал, когда б их не гасила

Вот эта глупость. *(Выходит)*

Король

Ну, пойдем, Гертруда.

Как трудно было гнев его смирить!

Боюсь, что снова разгорится он.

Идем скорей за ним.

Выходят.

А К Т
V

СЦЕНА 1-Я

Кладбище. Входят два шута с лопатами.

1-й шут

Что ж, будут ее хоронить в освященной земле? Ведь она сама устремилась к спасенью.

2-й шут

Ну да, я ж тебе говорю, что будут. Поэтому рой ей поскорее могилу. Судебный следователь посидел над ней и присудил ей христианское погребение.

1-й шут

Как же это может быть? Ведь не утопилась же она в законной самозащите?

2-й шут

Так именно и признали.

1-й шут

Да скорей, что тут было самонападение, иначе не может быть. Вот здесь-то и доказательство: если я топлюсь по собственной воле, в этом есть действие, а в каждом действии есть три раз-дела — делать, действовать и совершать, следова-тельно, она утопилась по собственной воле.

2-й шут

Ну, ладно, господин гробокопатель.

1-й шут

Нет, позвольте: вот здесь вам вода — ладно; здесь вам стоит человек — ладно; если человек идет к воде и тонится, то хочет он или не хочет, а идет к ней, заметьте это. Но, если вода сама идет к нему и тонит его, значит он не сам тонится — следовательно, он не виноват, что его собственная смерть сократила его собствен-ную жизнь.

2-й шут

Но законно ли это?

1-й шут

Следовательно, чорт возьми, для следователя дебиного законно.

2-й шут

Хотите знать об этом правду? Если б она не была дворянкой, ее бы не похоронили по-хри-стиански.

1-й шут

Так это и есть, как ты говоришь. А все же обидно, что у дворян на этом свете больше прав тониться и вешаться, чем у прочих христиан. Ну, давайте мой заступ. Нет более древних дворян, чем садовник, землекоп и могильщик. Их ремесло прямо от Адама.

2-й шут

А разве он был дворянин?

1-й шут

Он был первый, у которого было оружие.

2-й шут

Никакого оружия у него не было.

1-й шут

Что ты, язычник, что ли? Как ты понимаешь священное писание, а? В священном писании сказано: Адам рыл. Что же, он рыл без орудия, по-твоему? Я тебе сейчас загадаю другую загадку. А если ты мне не удовлетворишь, — испове-дуйся, чтоб тебя потом... повесили.

2-й шут

Ну, валяй.

1-й шут

Кто строит крепче, чем каменщик, корабле-строитель и плотник?

2-й шут

Тот, кто строит виселицу, потому что его постройка переживет тысячу жильцов.

1-й шут

Ладно сказано, честное слово. Виселица — это хорошо. Но для кого хорошо? Для тех, кто сам плох. Ну, а ты-то и плох, когда говоришь, что виселица крепче построена, чем церковь: следовательно, виселица хороша для тебя. Ну-ка, валяй снова.

2-й шут

Кто строит крепче, чем каменщик, кораблестроитель и плотник?

1-й шут

Ну, скажи мне это и можешь отправляться.

2-й шут

Ей-богу, не могу сказать.

1-й шут

Ну!

2-й шут

К чертям, не могу.

1-й шут

Не расколачивай себе больше башку — сколько глупого осла ни колоти, он от колотушек скорей не побежит; а когда тебя в другой раз спросят это, отвечай: гробокопатель. Потому что его

домовина простоят до Судного дня. Ну, сбегай теперь к Иогену и принеси мне штофик водки.

2-й шут выходит.

1-й шут (поет)

Когда я в юности любил,
Казалось мне сладко, сладко
Проводить — ох! — время — ах! — не жалея сил —
Ох! — с той, что встречал украдкой.

Входят Гамлет и Горацио.

Гамлет

Этот парень не соображает, чем он занимается, — что он поет, копая могилу?

Горацио

Привычка научила его относиться попросту к этому делу.

Гамлет

Да, это верно: рука, которая меньше всего работает, — чувствительнее всего.

1-й шут (поет)

Но старость шагом воровским
Подкралась, схватила меня.
На корабле свезла в тот край.
Словно я не был таким. (Выкидывает из земли череп)

Гамлет

Внутри этого черепа был язык, и когда-то он мог петь, — а этот хам швыряет его, будто это

челюсть Каина, первого убийцы. Это, может быть, башка какого-нибудь государственного мудреца, которого этот осел сейчас перемудрил, мудреца, который мог надуть самого бога. Могло так быть?

Горацио

Могло, милорд.

Гамлет

А может быть, этот череп принадлежал какому-нибудь придворному, который говорил: «Здравствуйте, прелестнейший милорд!», «Как ваше здоровье, прелестнейший милорд?». Может быть, это череп милорда такого-то, который восхвалял коня милорда такого-то, собираясь выклянчить его. Могло так быть?

Горацио

Конечно, милорд.

Гамлет

Ну, конечно. А теперь он принадлежит милэди Червоточине. На этих челюстях нет мяса, и по ним колотит своим заступом могильщик. Здесь замечательный переворот, если б только мы ухитрились за ним уследить. Неужели было так легко вырастить эти кости, что сейчас они годны только для игры в кегли? Мои кости болят, когда думают об этом.

1-й шут (поет)

Кирка, кирка и заступ мой!
Готов и саван в срок.

Вот только яму в глине рою,
Чтоб гостя встретить мог. (Выкидывает второй череп)

Гамлет

А вот и другой. Почему бы ему не быть черепом какого-нибудь законоведа? Где теперь его кляузы, его уловки, его доказательства, его заключения, его ухищрения? Как он терпит, что этот грубый скот стучает его по башке своей грязной лопатой, и как он не привлекает его к суду за тяжелое увечье? Гм! Этот парень мог в свое время быть крупным скупщиком земель при помощи разных закладных, исполнительных листов, купчих крепостей, двойных поручительств и пеней. Что же, это поручительство за поручительство, или пеня на пеню, что сейчас его грязная башка набита грязной землей? Неужели все его земельные приобретения и обеспечения не обеспечили ему, даже под двойным поручительством, хоть вдвое больше земли, чем две купчие крепости, положенные в длину и ширину? Все его земельные бумаги отлично поместились бы в этом ящике, а его только и унаследовал их владелец, не правда ли?

Горацио

Да, ни на йоту больше, милорд.

Гамлет

Ведь пергамент делается из бараньей кожи, правда?

Горацио

Да, милорд, но также из телячьей.

Гамлет

Ну, значит, бараны и телята обеспечивают законность того, что пишется на пергаменте. Я поговорю с этим парнем. Чья это могила, малый?

1-й шут

Моя, сэр. *(Поет)*

Вот только яму в глине рой,
Чтоб гостя встретить мог.

Гамлет

Я думаю, что она твоя, раз ты в нее
ложись.

1-й шут

А вы в нее не ложитесь, сэр, потому она не
ваша; а что до меня, то хотя она и не мое ложе,
но все же она моя.

Гамлет

Вот ты и лжешь, говоря, что она твоя, — ведь
это ложе для мертвых, а не для живых, потому
то, что ты говоришь, — ложь.

1-й шут

Это живая ложь, сэр, она живо перейдет
с меня на вас.

Гамлет

Для кого ты ее роешь? Для мужчин?

1-й шут

Не для мужчины, сэр.

Гамлет

Тогда для женщины?

1-й шут

Не для женщины.

Гамлет

Кого же в ней похоронят?

1-й шут

Ту, что была женщиной, но, — упокой, боже, ее
душу, — нынче стала покойницей.

Гамлет

До чего дотошный малый! С ним надо разго-
варивать осторожно, а то он нас загубит двойным
смыслом. Клянусь богом, Горацио, за эти послед-
ние три года я убедился в том, что все на свете
обострилось и мужик так наступает на пятки
дворянину, что сдирает ему мозоли. А давно ты
могильщиком?

1-й шут

Из всех дней в году я помню, что начал этим
заниматься, когда наш покойный король Гамлет
победил Фортинбраса.

Гамлет

А сколько времени с тех пор прошло?

1-й шут

Вы не можете этого сказать? Да каждый дурак это вам скажет: в этот день родился младший Гамлет, тот, что спятил с ума и отправлен в Англию.

Гамлет

Ах, чорт возьми, почему его отправили в Англию?

1-й шут

Ну, почему? Потому что он сошел с ума. После он снова наберется ума, а если и не наберется, так там это и не важно.

Гамлет

Почему?

1-й шут

Там это на нем будет незаметно, там все такие же сумасшедшие, как он.

Гамлет

А как он сошел с ума?

1-й шут

Говорят, очень странно.

Гамлет

Как «странно»?

1-й шут

Да вот так, что потерял разум.

Гамлет

На какой почве?

1-й шут

Да здесь же, на датской. Я уж здесь тридцать лет могильщиком, сначала мальчишкой, а потом и взрослым.

Гамлет

Сколько лет должен пролежать человек в земле, чтоб сгнить?

1-й шут

По правде сказать, если он не сгнил еще до смерти, — у нас за последнее время много таких гнилых трупов, которые и до похорон-то едва дотянут, — ну, такой пролежит вам восемь или девять лет. Дубильщик — тот вам пролежит девять лет.

Гамлет

А почему дубильщик — дольше других?

1-й шут

Да потому, сэр, что шкура у него от его ремесла так выдублена, что долго не пропустит воду, а вода чувствительнее всего гноит этих шлюхиных детей — мертвецов. Вот вам еще череп. Этот пролежал в земле двадцать три года.

Гамлет

А чей он?

1-й шут

Сумасшедшего одного шляхина сына. Как вы думаете, чей он?

Гамлет

Не знаю, право.

1-й шут

Чтоб ему очуметь, помешанной бестии! Он мне однажды вылил штоф рейнского на голову. Этот череп, сэр, — череп Иорика, королевского шута.

Гамлет

Этот?

1-й шут

Этот самый.

Гамлет

Дай мне посмотреть. *(Берет череп в руки)* Увы, бедный Иорик! Я знал его, Горадио. Он был неистощим в шутках и чудесных выдумках. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь какое отвращение он возбуждает! И тошнота подступает у меня к горлу. Здесь висели губы, которые я не знаю сколько раз целовал. Где ваши шутки теперь? Ваши игры? Ваши песни? Огонь вашего веселья, от которого, бывало, хохотали за столом все королевские гости? Уж нет ни одной шутки, чтоб посмеяться над собственным оскалом? Совсем отвалилась челюсть? Ну, отправляйся в спальню к какой-нибудь даме и скажи ей, что если даже она наложит себе на лицо

румяна в палец толщины, все равно она придет к такому же виду, как у тебя. Рассмеши ее этим. Скажи мне одну вещь, Горадио.

Горадио

Что, милорд?

Гамлет

Ты думаешь, что у Александра Македонского был такой же вид в земле?

Горадио

Разумеется, такой.

Гамлет

И он так же вонял? Фу! *(Бросает череп)*

Горадио

Точно так же, милорд.

Гамлет

Какое низкое употребление можно из нас сделать, Горадио! Ведь мы можем проследить воображением путь благородного праха Александра до того момента, как им затыкают дырку в бочке.

Горадио

Так выслеживая, мы проявили бы слишком большое любопытство.

Гамлет

Да нет, ничуть. Мы могли бы с достаточной скромностью и большой долей вероятия просле-

дять за ним таким образом: Александр умер,
Александр обратился в прах; прах есть земля;
из земли мы добываем глину; почему бы из той
глины, в которую он обратился, не могли бы
сделать втулку для пивной бочки?
Великий Цезарь умер, глиной стал.
Той глиной стену кто-то заплтал.
И тот, кого боялся целый мир,
От зимних ветров стал затычкой дыр.
Но тише, тише, вот идет король.

Входит процессия со священниками во главе; за гробом
Офелии — Лаэрт и плачущие: Король, Коро-
лева и свита.

И королева, свита. Но кого же
Они хоронят без обрядов пышных?
Должно быть, он отчаянной рукой
Себя сгубил? И, видно, кто-то знатный.
Ну, спрячемся и будем наблюдать.

Удаляется в глубину вместе с Горацио.

Лаэрт

Какой еще обряд здесь совершится?

Гамлет

Лаэрт здесь благородный, посмотри.

Лаэрт

Какой еще обряд?

1-й священник

В дозволенных пределах мы свершили
Обряд. Сомненье смерть ее внаушает

И, если б не расширен был канон
Приказом свыше, — до трубы последней
Лежать бы ей в земле неосвященной,
И вместо набожных молитв ей камни
И черепки, и кремни вслед летели б.
А ей венок невесты разрешили
И девичьи цветы; и звон ее
В последнее жилище провожает.

Лаэрт

И больше ничего?

1-й священник

Нет, ничего.

Обряд мы поминальный осквернили б,
Когда бы спели реквием над ней
И прочие молитвы, как над теми,
Кто с миром отошел.

Лаэрт

Кладите ж в землю!

И пусть из этой нежной, чистой плоти
Фиалки вырастут. Жестокий пастырь,
Как ангел будет бога славословить
Моя сестра, когда ты будешь выть
В аду!

Гамлет

Как? Это нежная Офелия?

Королева

Цветы цветку! Прощай! Мечтала я,
Что Гамлету женою будешь ты;

Что я цветами уберу постель
Твою, дитя, не гроб!

Лаэрт

О, трижды тридцать
Треклятых бед проклятием троекратным
Пусть упадут на голову того,
Чье злое дело ум высокий твой
Затмило. Землю не бросайте, прежде
Я обниму ее в последний раз. *(Прячет в могилу)*
Теперь на мертвую и на живого
Вы землю сыпьте, чтобы этот холм
Горою стал бы выше Пелиона
И выше, чем небесная вершина
Олимпа синего.

Гамлет *(выходит вперед)*

Кто тот, чья скорбь
Высокомерна? И чья боль так громко
Блуждающие звезды закликает
Остановиться и покорно ей
Внимать? Датчанин Гамлет — здесь я! *(Прячет
тоже в могилу)*

Лаэрт

Пусть дьявол душу заберет твою! *(Бросается на
Гамлета)*

Гамлет

Нехорошо ты молишься.
Прошу тебя, мне горло отпусти!
Хоть не гневлив я и не безрассуден,

Но есть во мне опасное. Разумней
Меня бояться. Руку убери!

Король

Разнять их!

Королева

Гамлет, Гамлет!

Все

Господа!

Придворные разнимают их, и они выходят из могилы.

Гамлет

Нет, я за это буду с ним сражаться,
Пока ресницы будут трепетать.

Королева

За что, о, сын мой?

Гамлет

Я любил Офелию.

И сорок тысяч братьев, всю любовь
Собрав, любви моей не пересылят.
Что сделаешь ты для нее?

Король

Лаэрт, он сумасшедший!

Королева

О, будьте терпеливы, ради бога!

Гамлет

Ну, чорт возьми, что сделать ты готов?
Рыдать, или драться? Голодать? Или грудь

Терзать? Пить уксус? Крокодила съесть?
Я тоже. Ты пришел сюда, чтоб нить?
Чтоб нагло к ней в могилу соскочить?
Живым тебя зароят?— И меня.
Болтал ты о горах?— Пускай наваят
На нас миллионы акров, чтоб могила
Верхушкой пояс знойный бы задела
И показалась Осса рядом с нею
Прыщом. Нет, если будешь горло драть, —
Я зареву не хуже!

Королева

О, безумье!

Но скоро все пройдет, и будет он,
Как нежная голубка, терпеливо
Над золотистым выводком своим
Сидеть в молчаньи.

Гамлет

Сэр, прошу, скажите,

Вы почему так недобры ко мне?
Я вас всегда любил. Да все равно.
И, что бы Гераклес ни сделал, кот
Мяукает и срок свой пес живет. *(Выходит)*

Король

Следи за ним, Горадио мой добрый.

Горадио выходит.

(Лазрту) Вы будьте терпеливы, — разговор
Наш помните. Мы скоро все закончим.

(Королеве) За сыном вашим пусть следят,
Гертруда,

Здесь памятник живой воздвигнем мы.
Покоя час для нас уж недалек,
Ну, будем терпеливы этот срок.

Выходят.

СЦЕНА 2-я

Зала в замке. Входят Гамлет и Горадио.

Гамлет

Довольно, сэр, об этом, вы скажите,
Все обстоятельства известны вам?

Горадио

Ну да, милорд.

Гамлет

Сэр, в сердце у меня сражение было.
Не мог я спать. Мятужнику в колодах
Лежать удобнее. Я быстро встал.
Благословляю эту быстроту:
Неосторожность часто нам полезней
Обдуманных, расчетливых решений.
И это учит нас, что божество
Какое-то приводит все к концу,
Наперекор решениям нашим.

Горацио
Верно.

Гамлет

Я вышел из каюты, лишь накинув
Дорожный плащ, и ощупью впотьмах
Стал их искать. И, из кармана выкрав
Письмо, к себе вернул. Осмелев
(От страха я приличья позабыл),
Письмо я распечатал. Там, Горацио...
О, царственная гнусность! Я нашел
Приказ, набитый пышными словами
О благоденствии двух государств:
И Дании и Англии грозят
Все чудища и злые духи, если
Останусь я в живых, и потому
Тотчас же по прочтении письма,
Не давши даже наточить топор, —
Приказ мне голову срубить.

Горацио
Возможно ль?

Гамлет

Вот здесь письмо. Прочтите на досуге.
Но хочешь знать, как действовал я дальше?

Горацио

Я вас прошу.

Гамлет

Со всех сторон их подлостью опутан,
Не стал в душе я сочинять пролог,

А прямо к пьесе перешел. Я сел
И новый сочинил приказ. Красиво
Его переписал. Считаю я прежде
Хороший почерк низостью, старался
Умение это позабыть. Но нынче
Оно мне послужило. Хочешь знать
То, что я написал?

Горацио
Да, лорд мой добрый.

Гамлет

«От короля настойчивая просьба:
В виду того, что данницею верной
Была нам Англия; в виду того,
Чтоб пальмою цвела любовь меж нами;
В виду того, чтоб мир в венке пшеничном
Соединял нас в дружбе; и еще
В виду весьма серьезных обстоятельств, —
Прочесть посланье и не рассуждая
И без суда подателей казнить
Внезапно и не дав им даже время
Для исповеди».

Горацио
Чем приказ скреплен?

Гамлет

Вот даже в этом помогло мне небо:
Печать отца была со мной, она
Служила образцом печати датской.
Письмо свое сложил я точно так,
Как то, и подписал, и запечатал.

Потом тихонько положил на место
Подкинутым, неведомым ребенком.
На следующий день случился бой,
А все последствия его ты знаешь.

Горацио

А Гильденстерн и Розенкранц в пути?

Гамлет

Что ж, по-сердцу им было это дело.
Меня за них не укоряет совесть,
Их смерть — лишь плод их лишнего усердия.
Опасно низменному человеку
Попастись между двух клинков горячих
Могучих двух врагов.

Горацио

Каков король!

Гамлет

Ты видишь, что мой долг — убить того,
Кто моего отца убил, кто мать
Мою распутной сделал и кто влез
Между моей надеждой на избранье
И волею народа; кто коварно
Закинул удочку на жизнь мою.
Ведь, правда, дело совести — вот этой
Рукою отомстить? Я буду проклят,
Неправда ли, когда я дам нарыву
Въедаться в нас все глубже?

Горацио

Он скоро весть из Англии получит
О происшествиях, что там случатся.

Гамлет

Да, скоро. Но есть время у меня.
Ведь часто не успеешь «раз» сказать,
Как жизни человеческой конец.
Но я жалею, добрый мой Горацио,
Что я с Лаэртом дерзок был. Я знаю,
Моя беда — портрет и отраженье
Его беды. Я извинюсь пред ним.
А разозлился я на выраженье
Хвастливое его печали.

Горацио

Кто там?

Входит Осрик.

Осрик

Примите поздравление, ваше величество, с возвращением в Данию.

Гамлет

Покорно благодарю вас, сэр. (К Горацио) Ты знаешь это насекомое?

Горацио

Нет, милорд.

Гамлет

Да будет тебе благо за это, потому что знать его — порок. У него много земель, и очень плодородных. Если над скотами будет поставлен королем скот, то он свою кормушку пристроит к королевскому столу. Хоть он и галка, но, как я сказал, по части грязи он очень богат.

О с р и к

Прелестнейший милорд, если у вашего высочества есть досуг, я бы хотел сообщить вам нечто от его величества.

Г а м л е т

Я приму это, сэр, со всей быстротой моего ума. Но предоставьте вашей шляпе подобающее ей место — она для головы.

О с р и к

Я благодарю ваше высочество, здесь очень жарко.

Г а м л е т

Нет, поверьте мне, здесь очень холодно. Ветер с севера.

О с р и к

Действительно, милорд, здесь как будто холодно.

Г а м л е т

Но мне кажется, что душно и жарко, или же мое сложенье.

О с р и к

В высшей степени душно, милорд, как будто... Я даже не могу сказать — как! Но, милорд, его величество поручило мне довести до вашего сведения, что его величество поставило за вас крупный заклад. Дело в том, сэр...

Г а м л е т

Умоляю вас, вспомните... *(Заставляет его надеть шляпу)*

Нет, милорд, клянусь вам, мне так удобнее, милорд. Сэр, вы знаете, что недавно прибыл ко двору Лаэрт. Поверьте мне, он дворянин с ног до головы, преисполненный всяческих достоинств; он — обладатель безукоризненного светского воспитания и прекрасной внешности. Право, если говорить о нем чувствительно, то надо назвать его картой и календарем благородства, ибо вы найдете в нем собрание всех свойств, которые желал бы видеть дворянин.

Г а м л е т

Сэр, его определение ничего не теряет от вас. Я знаю, что, разделяя его инвентарно, арифметика памяти запутается, тем более, что пришлось бы гоняться за ним в отношении его быстроты. Но в истинности восхищения я почитаю его за душу высоких качеств, и, говоря о нем в истинном смысле, его подобие — лишь зеркало, а если б кто захотел подражать ему, то был бы лишь его тенью и ничем больше.

О с р и к

Ваше высочество говорит безукоризненно о нем.

Г а м л е т

Но отношение, сэр? Зачем нам темнить своим грубым дыханием этого дворянина?

О с р и к

Как, сэр?

Горацио

Что, вы не понимаете, когда другой говорит таким языком? Придется понять, сэр, право.

Гамлет

По какому поводу вы назвали этого дворянина?

Осрик

Лаэрта?

Горацио

Его кошелек уж совершенно пуст. Все золотые слова истрачены.

Гамлет

Да, его, сэр.

Осрик

Я знаю, что вам не известно...

Гамлет

Я хотел бы, сэр, не быть невеждой в вашем мнении. Но, право, если вы это думаете, это еще мне не делает большой чести. Продолжайте, сэр.

Осрик

Вам не известно высокое искусство Лаэрта...

Гамлет

Этого бы я не посмел признать, боясь сравнения с ним в высоком искусстве. Чтобы знать человека хорошо, надо знать самого себя.

Осрик

Я говорю, сэр, о высоком искусстве Лаэрта во владении оружием. Судя по общему о нем мнению, он не знает в этом равных.

Гамлет

Какое его любимое оружие?

Осрик

Рапира и шпага.

Гамлет

Тут уж два оружия. Ну, хорошо.

Осрик

Сэр, король поставил шесть барберийских коней, против которых, я слышал, поставлено шесть французских рапир и шпаг со всеми принадлежностями, как перевязи, пояса и прочее. Три из этих повозок, право, очень изысканного вкуса, вполне достойные рукояток, весьма прелестные повозки и очень искусного вдохновения.

Гамлет

Что вы называете повозками?

Осрик

Повозки, сэр, это перевязи.

Горацио

Я знал, что вам придется еще справиться в примечаниях, пока вы дойдете до конца.

Гамлет

Это выражение было бы уместно, если бы мы носили на боку пушку. Пока же оставим название «перевязь». Но далее: шесть берберийских коней против шести французских рапир с принадлежностями и повозками очень искусного вдохновения—это французский заклад против датского. Но на что он «поставлен», как вы говорите?

Осрик

Сэр, король побился об заклад, что из двенадцати схваток между вами и Лаэртом Лаэрт не нанесет вам больше трех ударов. А Лаэрт бьется об заклад, что из двенадцати схваток он нанесет вам не меньше девяти ударов. Можно тотчас же разрешить этот спор, если ваше высочество удостоит дать ответ.

Гамлет

А если я отвечу «нет»?

Осрик

Я хочу сказать, что ваше высочество удостоит противопоставить свою особу в этом споре.

Гамлет

Сэр, я буду гулять по этой зале. Так я ежедневно отдыхаю в это время. Если королю угодно и если этот дворянин желает этого, пусть прикажут принести рапиры. Если король продолжает стоять на своем, я постараюсь выиграть для него заклад. Если же я не выиграю, то мне достанется только стыд и разнообразные удары.

Осрик

Должен ли я точно передать ваш ответ?

Гамлет

Точно так, но после того, как вы его расцветите по-своему.

Осрик

Поручаю мою верность вашему высочеству.

Гамлет

Я ваш, ваш.

Осрик выходит.

Он хорошо делает, что себя поручает, а то здесь нет языков, которые взяли бы это поручение на себя.

Горацио

Побежала пигаица с яичной скорлупой на головке.

Гамлет

Он так же раскланивался перед сосками своей матери, перед тем как присосаться. Так же, как многие птицы из этой же стаи, которых боготворит наш суетный век, он схватил только современный тон и внешнюю учтивость. При помощи этой взбитой пены они всюду высказывают самые дурацкие и неестественные мнения. А если на них подуть, чтоб испытать их, вот пузыри и лопнули.

Входит Придворный.

Придворный

Милорд, король приветствовал вас через молодого Осрика, который передал ему, что вы его ждете в этой зале. Его величество послало меня узнать у вас, расположены ли вы теперь сразиться с Лаэртом, или вы это хотите отложить на другое время.

Гамлет

Я постоянен в своих желаниях. И они совпадают с желанием короля. Если его решение твердо, то мое решение готово. Теперь, или когда угодно, лишь бы я был так же способен к этому, как сейчас.

Придворный

Король, королева и свита сейчас спустятся.

Гамлет

В добрый час.

Придворный

Королева желает, чтобы вы, прежде чем начать состязание, сказали что-нибудь любезное Лаэрту.

Гамлет

Она дает мне хорошее указание.

Придворный выходит.

Горацио

Вы проиграете этот заклад, милорд.

Гамлет

Я не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я все время упражнялся. Я одержу верх в этой игре. Но ты не можешь себе представить, как болит у меня сердце, вот здесь. Но это неважно.

Горацио

Нет, дорогой милорд...

Гамлет

Да нет, это просто глупость. Женщину, может быть, и смутило бы такое предчувствие.

Горацио

Если ваша душа не лежит к чему-то, прислушайтесь к ней. Я предупрежу их и скажу, что вы не расположены драться.

Гамлет

Ничего не надо. Я не верю в приметы. Есть особое провидение, которое управляет... даже гибелью воробья. Если это случится не сейчас, значит позже; если не позже, значит сейчас, а если это не случится и сейчас, все же это должно когда-нибудь случиться. Все дело в готовности. Раз человек не имеет понятия о том, что он покидает, — не все ли равно, рано или поздно покинуть! Будь, что будет.

Входят Король, Королева, Лаэрт, Осрик, свита и слуги с рапирами, перчатками, вносят стол и графины с вином и кубики.

Король

Пойди сюда, мой Гамлет. Эту руку
Ты от меня прими. *(Вкладывает руку Лаэрта
в руку Гамлета)*

Гамлет *(Лаэрту)*

Простите, сэр,
Я вас обидел. Но меня простите
Как дворянин. Всем, кто здесь есть, известно,
И вы, конечно, это уж слышали,
Что угнетен я тяжкою болезнью.
И если оскорбил я вашу честь,
Чувствительность, или чувство, утверждаю —
Безумие мое виновно. Гамлет
Лаэрта оскорбил? Нет, никогда!
И если Гамлет сам с собой в разлуке
И если не в себе он оскорбил,
То Гамлет оскорбление отрицает.
Кто ж оскорбил? Безумие его,
И Гамлет сам среди тех, кто оскорблен.
Безумье — враг. Обижен бедный Гамлет.
В собрании этом, сэр,
Злой умысел я в деле отвергаю.
Пусть видит же великодушье ваше
Во мне того, кто выпустил стрелу
Над домом и, не видя, ранил брата.

Лаэрт

Вы удовлетворили кровь мою,
А ведь она сильнее всех причин
Зовёт к возмездию. Но в деле честь —
Статья особая. Не примирюсь я,
Пока испытанные старики

И мастера в таких делах не скажут,
Что я могу мириться без ущерба
Для чести имени. А до тех пор
Любовь вашу приму лишь как любовь,
Ее не посрамлю.

Гамлет

Я рад всем сердцем!
И в братском состязании честно бьюсь.
Подать рапиры! Ну скорей!

Лаэрт

И мне!

Гамлет

Мое вам неумение будет фольгой,
Звездой на черном небе заблестит
Искусство ваше.

Лаэрт

Вы смеетесь, сэр!

Гамлет

О, нет, ручаюсь вам.

Король

Раздайте им рапиры, Осрик. Гамлет,
Известен вам заклад?

Гамлет

Милорд, известен.
На слабого вы ставите любезно.

Король

Я не боюсь. Обоих вас я видел.
Есть преимущества у вас, хоть он
И стал искусней.

Лаэрт

Эта тяжела.
Другую мне рапиру покажите.

Гамлет

Подходит эта. Все равны в длину?

Осрик

Да, добрый лорд.

Король

Сюда на стол поставьте эти кубки,
И, если Гамлет нанесет удар,
И снова нанесет, и в третий раз
Ударом он ответит на удар,—
Пусть из всех бойниц палят все пушки:
Король за здоровье Гамлета здесь выпьет
И бросит в кубок жемчуг, что дороже
Того, который украшал корону
Трех датских королей. Подайте кубки.
И пусть литавры возвестят трубе,
И возвестит труба всем пушкарям,
И пушки небу, небо же земле:
«За Гамлета король пьет!» Начинайте.
А вы глядите зорким глазом, судьи.

Гамлет

Начнемте, сэр.

Лаэрт
Начнем, милорд.
Начинается бой.

Гамлет
Раз!

Лаэрт
Нет!

Гамлет

Пусть суд решит.

Осрик
Удар, удар заметный.

Лаэрт
Ну, хорошо, еще раз.

Король
Нет, дайте кубок. Жемчуг твой, мой Гамлет.
Пью за тебя!

Трубы и пальба.
Ему подайте кубок!

Гамлет
Еще я выпад сделаю. Потом.
Ну! Вот еще удар! Скажите, верно?

Лаэрт
Удар, удар, я это признаю.

Король
Да, сын наш победит.

Королева

Он тяжело дышит
От полноты. Возьми платок, мой Гамлет,
Лоб оботри. За счастье твое
Пьет королева.

Гамлет

Госпожа, добры вы.

Король

Не пей, Гертруда!

Королева

Милорд, я выпью, вы меня простите. *(Пьет)*

Король *(в сторону)*

Отравлен этот кубок! Слишком поздно.

Гамлет

Еще я пить не буду. Позже, позже.

Королева

Пойди, дай обтереть твое лицо.

Лаэрт

Милорд, теперь коснусь.

Король

Я сомневаюсь.

Лаэрт *(в сторону)*

Хоть это против совести моей...

Гамлет

Ну, в третий раз, Лаэрт. Вы не играйте

И бейтесь с полной яростью. Боюсь я —
Вы баловнем считаете меня.

Лаэрт

Так думаете вы? Ну, защищайтесь!

Снова дерутся.

Осрик

И здесь и там напрасно!

Лаэрт

Теперь готово!

Лаэрт ранит Гамлета. В схватке они меняются
рапирами и Гамлет ранит Лаэрта.

Король

Разнимите их!

Они ожесточились.

Гамлет

Нет еще!

Королева падает.

Осрик

На королеву вы взгляните. О!

Горацио

Кровь с двух сторон. Милорд, милорд, что с вами?

Осрик

Лаэрт, что с вами?

Лаэрт

То же, что случилось

С тем куликом, что в свой синок попался,
И собственным коварством и убит.

Гамлет

Что с королевой?

Король

При виде крови в обморок упала.

Королева

Нет, нет, вино, вино! О, милый Гамлет!
Вино, вино! Я выпила отраву! (*Умирает*)

Гамлет

О, гнусность! Эй, скорей закройте двери!
Измена! Где виновник?

Лаэрт

Он здесь, о, Гамлет. Гамлет, ты убит,
И для тебя уж нет лекарства в мире.
И получаса жизни нет в тебе.
В твоих руках орудие измены
Отточено, отравлено... Коварство
Мое против меня же обратилось.
Вот здесь лежу я... Уж не встать мне больше...
Здесь мать твоя отравлена... А я
Уж не могу... Король, король — виновник.

Гамлет

Клинок отравлен!
За дело, яд! (*Ударяет Короля рапирой*)

Все

Измена! О, измена!

Король

О, помогите мне, я только ранен!

Гамлет

Проклятый датский блудник и убийца,
Допей свое вино! Здесь жемчуг твой!
За матерью ступай!

Король умирает.

Лаэрт

Так, по заслугам!
Ведь этот яд был изготовлен им.
О, Гамлет благородный мой, прощеньем
Мы обменяемся. Пусть не падет
Смерть на тебя моя и смерть отца,
Как на меня твоя пусть не падет! (*Умирает*)

Гамлет

Пусть бог тебе ее отпустит. Вслед
Я за тобой иду! Я мертв, Горацио.
О, королева жалкая, прощайте!
А вы, что, содрогаясь и бледнея,
Глядите с ужасом на это дело,
Как зрители безмолвные трагедий...
О, было б время — я бы рассказал вам...
Но смерть — жестокий, торопливый сторож...
Пусть будет так. Горацио, я мертв.
А ты живешь — так расскажи правдиво
Все обо мне и о моих делах
Всем, кто захочет знать.

Горацио

Нет, не надейтесь!

Я древний римлянин, а не датчанин.
Осталось здесь вино.

Гамлет

Мужчина ты?

Так дай мне кубок! Ну пусти! Схвачу!
Какое раненое нмя, милый,
Меня переживет, когда все это
Останется безвестным? Если ты
Меня любил, на время отдал
Свое блаженство и дыши с трудом
В жестоком мире, чтобы рассказать
Историю мою.

Марш и выстрелы за сценой.

Что там за шум военный?

Осрик

Там юный Фортинбрас пришел с победой
Сюда из Польши и послам английским
Он салютует.

Гамлет

О, я умираю...

Могучий яд мой побеждает дух.
Уж не слышать английских мне вестей.
Но вижу я, что Фортинбрас — избранник.
Ему предсмертный голос отдаю.
Так и скажи. И объясни подробно
Причины этих дел. Потом — молчанье. *(Умирает)*

Горацио

Здесь сердце благородное разбилось...
Покойной ночи, милый принц, спи сладко

Пусть ангелы баюкают твой сон.
А шум все ближе.

Входят Фортинбрас и английские послы
с барабанным боем, знаменами и свитой.

Фортинбрас

Где это зрелище?

Горацио

Что вы хотите?

И если горестные чудеса
Вы ищете, — остановитесь здесь.

Фортинбрас

Смерть наглая! Какую ты добычу —
Кровавую и царственную — разом
Сгубила, чтоб в своем жилище вечном
Поминки справить!

1-й посол

Зрелище ужасно.

Из Англии весть наша опоздала,
И уж не слышит тот, кто слышать должен,
Что мы исполнили его приказ —
И Розенкранц и Гильденстерн мертвы.
Кто наградит нас?

Горацио

Нет уже дыханья
В его устах, чтоб вас благодарить.
Да он и не приказывал убить их.
Но вы, из Англии и вы, из Польши
Пришедшие к кровавому суду,
Велите на помост поднять тела,

Чтоб все могли их видеть. И позвольте
Мне все, вам неизвестное, открыть.
Услышите вы то, что здесь случилось:
О противоестественных, кровавых
Делах ужасных, об убийствах тайных,
О жертвах хитрости, или возмездья,
И в заключение о коварстве, павшем
На головы его творцов. Все это
Правдиво расскажу.

Фортинбрас

Ждем с нетерпением.

Пусть позовут сюда людей знатнейших,
А я свое приму с печалью счастье:
На датский трон имею я права —
Судьба велит их ныне предъявить.

Горацио

Об этом тоже должен я сказать
От имени того, чей голос много
Погинет за собою голосов.
Но надо нам с избраньем поспешить,
Пока еще поражены все люди,
Чтоб не возникли заговор, ошибки
И горести.

Фортинбрас

Четыре капитана

Пусть Гамлета подымут на помост,
Как воина. Когда б он жил, — я верю, —
Достоин б царствовал. Пусть перед ним
Воинственная музыка гремит,
Пусть почести военные ему

Войска окажут.

Убрать тела!.. В бою привык наш глаз
Глядеть на то, что здесь печалит нас.
Приказ войскам — стрелять!

Траурный марш. Уносят трупы. Раздается пальба.

НОВЫЙ ПЕРЕВОД „ГАМЛЕТА“

Проф. М. М. МОРОЗОВ

Среди сохранившихся тридцати семи пьес Шекспира «Трагедия о Гамлете, принце датском» занимает особое место. Нет другой пьесы Шекспира, которая за триста лет своего существования будила бы такой громкий и, вместе с тем, разноречивый отклик у зрителей. Уже в 1710 году лорд Шафтсбери назвал «Гамлета» излюбленной пьесой английского репертуара. Принц датский не раз бывал «коронной ролью» знаменитых актеров: из множества имен назову хотя бы англичанина Гаррика (1717—1779), игра которого в роли Гамлета живо описана Фильдингом в романе «Том Джоунз-Найденый», или русского трагика Мочалова, восхитившего Белинского своим гениальным исполнением Гамлета.

Но не одной сценой ограничилась жизнь этой трагедии. О характере ее героя написана целая библиотека критических статей и исследований. Не меньше страниц написано комментаторами-текстологами, размышлявшими над каждой строкой, над каждым словом текста. Ограничусь одним примером: к строкам 36—38 (обычно принятого английского текста) 4-й сцены I действия («the dram of sale» и пр.), повидимому, искалеченным старинным переписчиком или наборщиком,

имеется около пятидесяти гипотетических толкований. Наконец, вместе с постепенным признанием Шекспира как величайшего драматурга и поэта росло количество переводов «Гамлета» на разные языки.

«Гамлет» был написан Шекспиром, вероятно, в конце 1600 или начале 1601 года и был впервые напечатан в 1603 году. Текст этого издания значительно короче последующих и во многом от них отличается. В истории составления принятого теперь текста он имеет сравнительно мало значения. Вторично «Гамлет» был издан в 1604 году. По тексту этого издания, а также издания 1623 года (первого напечатанного собрания пьес Шекспира), главным образом и был составлен многими поколениями шекспирологов — в результате сличений, комбинирований, исправления опечаток и пр. — принятый теперь английский текст «Гамлета».

Знаменателен самый факт существования различий в старинных, современных или почти современных Шекспиру, изданиях «Гамлета». Тут причина не в одной небрежности переписчиков или наборщиков. Мы имеем тут дело с появлением первых театральных редакций не дошедшей до нас авторской рукописи Шекспира. Новейшие исследования установили, что текст 1623 года, потому, главным образом, отличается от текста 1604 года, что в тексте 1623 года оригинал Шекспира был в значительной степени «приспособлен» театром той эпохи. Согласно этим исследованиям, текст 1623 года во многих местах скорее «Гамлет» театра «Глобус», чем «Гамлет» Шекспира. Итак, еще в дни первого появления «Гамлета» между драматургом и театром намечалось расхождение. С течением времени это расхождение разрослось в целую пропасть.

Драматург той эпохи, писавший для «театров для широкой публики» («public theatres»), занимал очень скромное положение. Труд его денгиса очень дешево. Первый театральный антрепренер на капиталистических началах, на ряду с театрами владевший также публичными домами в Лондоне, — Хэнслю платил в среднем 7 фунтов за пьесу. А между тем «заведующий придворными празднествами» («Master of the Revels») платил «поэту» за *маску*, т. е. короткую алле-

горическую пьесу пасторального жанра в стихах, до 40 фунтов. Драматургам часто приходилось писать «как на курьерских, подгоняемых нуждой» (post-haste want of argenti, как говорил Томас Нэш). Хотя, в среднем, приблизительно каждые 20 дней ставилась новая пьеса, не все драматурги имели постоянный заработок. Многим, если они не были, как был Шекспир, пайщиками театра, приходилось голодать. «Нищее и голодное племя, — так описывает Бен Джонсон литераторов своей эпохи, — которое носит грязное белье и не может похвастаться ничем иным, кроме исхудалого лица, торчащего из разорванной по швам одежды, — сущее воплощение нищеты» (Ben Jonson, «The Poetaster» — «Стихоплет»). «Актеры, — пишет другой современник, — многим обязаны ученым людям, не имеющим средств к существованию, потому что они дешевле других продают им свой товар» (Donald Lupton, «London etc.», 1632 г.). Драматург продавал свою пьесу театру; последний волен был поступать с нею по своему усмотрению: ставить ее целиком по авторской рукописи или отдавать ее «штопальщику пьес» («play-patcher») для сокращения или добавлений.

Шекспир был драматургом «театров для широкой публики», спектакли которых шли почти под открытым небом, при дневном свете, перед восседавшими в ложах знатью и богатой буржуазией, перед зажиточной публикой галлерей и пестрой толпой дешевых зрителей («groundlings»), плативших за вход один пенни и стоявших вокруг сценических подмостков в «партере» («yard») театра. Для того чтобы верно оценить творчество Шекспира, необходимо помнить, что он писал для «public theatres», а не для «private theatres» («частных театров»), где собиралась в закрытом помещении только «благородная публика» («good gentle audience») и репертуар которых состоял из более «изысканных», «ученых» или декоративных пьес.

Сам Шекспир был актером (кажется, плохим: по сохранившемуся рассказу, его «коронной» ролью был Призрак отца Гамлета) и пайщиком «театра для широкой публики». Но между Шекспиром и актерами, впервые исполнявшими его пьесы, не было настоящего

согласия. Устами Гамлета Шекспир осуждает игру современных ему актеров. «...О, мое чувство оскорблено, когда я слышу, как здоровый, нечесанный парень рвет страсть в ключья»¹ («tear a passion to tatters» — акт III, сц. 2-я). «...Я бы высек такого парня... Я видел актеров... они так кривлялись и выли, что мне казалось, будто их сделал какой-нибудь поденщик природы, и неладно сделал, — так мерзко они подражали человечеству». Обращаясь к актерам, устами Гамлета говорит сам великий художник-реалист: «цель этого искусства прежде и теперь была и есть — держать зеркало перед природой»...

Но эти замечательные слова, повидимому, не дошли до театра той эпохи. В 1604 году Anthony Scoloker писал о «сумасшедшем Гамлете, рвущем страсть в ключья» («mad Hamlet thus his passion tears»). Актеры, видимо, продолжали делать как-раз то, чего не хотел Шекспир.

Но если современный Шекспиру театр уже отошел от автора в сторону ходульного нафоса (этот отход, как мы уже заметили, явился одной из основных причин разночтений в старинных изданиях «Гамлета»), то первое появление «Гамлета» за пределами Англии ознаменовалось полным обезображением подлинника.

В Германии, — возможно, еще в самом начале XVII века, — появилась переделка шекспировской трагедии под заглавием «Наказанное братоубийство». Мы здесь не будем воссоздавать черты этого уродливого произведения. Достаточно сказать, что Офелия в нем ругается, как юнкер: «Potztausend!...» Горацио сообщает Гамлету, что «аккуратно каждые четверть часа появляется какой-то призрак». Этот призрак, как настоящий капрал, дает по уху подвернувшемуся ему часовому... Таков был пролог к разнообразным злоключениям «Гамлета».

По-своему воспринял трагедию о принце датском классицизм XVIII века. Английские текстологи (в XVIII веке в Англии вышло 19 изданий «Гамлета»),

начиная со знаменитого поэта английского классицизма Александра Поупа (1688—1744), постарались как можно нарядней причесать шекспировский текст. С другой стороны, театр ввел датского принца в павильон классического дворца. Даже такой восторженный поклонник Шекспира, как Гаррикс, не мог удержаться от соблазна подстричь Шекспира под гребенку классицизма. При этом с текстом он обошелся до крайности бесцеремонно. Так, например, он обычно выпускал сцену двух шутов, копающих могилу Офелии. Он превратил Ларта в сладко-сентиментального юншу, сочинил сошедшую с ума от угрызений совести Гертруду и в конце пьесы, для вящего эффекта, устроил целых две дуэли: первую — Гамлета с Лартом, как и у Шекспира, вторую — Гамлета с королем. Для представителей классицизма «Гамлет», в лучшем случае, был занимательной пьесой придворной интриги. Недаром на английской сцене XVIII века датский принц выступал в бархатном камзоле и пудреном парике, при шпаге, а иной раз с орденом на груди и лентой через плечо!.. Историческая почва, на которой выросла «Трагедия о Гамлете, принце датском», скрылась за горизонтом и исчезла из виду.

Французский классицизм отнесся враждебно к Шекспиру. Вольтер назвал Шекспира «пыльным дикарем», а произведения его — «чудовищными фарсами», «огромной кучей навоза», из которой ему, Вольтеру, удалось извлечь несколько жемчужин. «Гамлет», по словам Вольтера, был «вульгарным и варварским произведением». Именно то, что представители классицизма называли «вульгарным и варварским», и выбросил из «Гамлета», щегольски нарядив его и напудрив, Делавлас, первый переводчик Шекспира на французский язык (1743 г.). Но и этого было мало. В 1769 году Дюси переделал на свой лад «Гамлета», неузнаваемо исказив подлинник, — тот самый Дюси, который в 1810 году нашел в России достойного преемника в лице Висковатова (невольно вспоминаются слова актера Щенкина, сказанные им Мочалову: «Да я бы его, поддеца, Дюсиса... осмелиться переделать Шекспира!..»)

¹ Здесь и в дальнейшем я цитирую «Гамлета» по переводу А. Радловой.

В Германии XVIII века, наряду с первым прозаическим переводом «Гамлета», принадлежавшим Виланду (1766 г.), появляется множество переделок и «вольных подражаний» шекспировской трагедии. Именно здесь намечаются черты ее дальнейших превращений. Знаменитый перевод «Гамлета», сделанный Шлегелем и Тиком (1798 г.) и повлиявший на большинство русских переводов XIX века, канонизировал «идеализацию» Шекспира. Читая этот перевод, выносишь впечатление, что текст «Гамлета» перестает быть словами живых действующих лиц: он как бы отделяется от действующих лиц и повисает вне времени и пространства, как собрание мудрых изречений и «вечных истин». Так широко распахнулись двери для дальнейшего «ороматизирования» трагедии о принце датском.

Наперекор этим тенденциям прозвучал голос Гете. Если не ошибаюсь, Гете был первым, узнавшим в Шекспире реалиста. «Я не помню, — писал он, — чтобы какая-нибудь книга или какое-нибудь событие моей жизни произвели на меня такое неотразимое впечатление, как драмы Шекспира... Это не поэтические произведения. Читая их, с ужасом видишь перед собой книгу человеческих судеб и слышишь, как бурный вихрь жизни с шумом переворачивает ее листы... Произведения его похожи на часы из чистого кристалла, так что в одно время видишь и ход времени и весь механизм их движений. Это прозрение во внутренний мир человека побудило и меня подойти поближе к миру действительности и самому черпать из этого неисчерпаемого источника («Вильгельм Мейстер»).

Но узнать в Шекспире поэта-драматурга, зовущего зрителей и читателей *подойти поближе к реальной действительности*, могли в ту эпоху только отдельные великие умы. В дальнейших своих превращениях «Гамлет» становится чем угодно, но только не произведением, зовущим «подойти поближе к миру действительности». Изменяется облик и всей трагедии в целом и ее действующих лиц. Сам Гамлет, — у Шекспира полный жизни, физически сильный и ловкий (в фехтовании он во всяком случае не уступает прославленному физической ловкостью Лэрту), смелый (он один во время

схватки перескочил на палубу пиратского судна), как сын своей среды и эпохи — коварный (ему удается перехитрить таких пройдох, как Розенкранц и Гильденстерн), но мучимый неразрешенным для него вопросом — «быть или не быть», «действовать или не действовать», — стал превращаться в «принца» с черными локонами, бледным лицом и задумчивыми глазами. Король, этот «подлец с улыбочкой», типичный «маккиавеллист», как говорили тогда в Англии, не брезгающий никакими средствами для достижения своих личных целей, стал каким-то олицетворением отвращенного «зла». Офелия, не имеющая сил, чтобы выбиться из круга своей среды, и объективно становящаяся оружием в руках врагов Гамлета (сцена, где ее разговор с Гамлетом подслушивают король и Полоний), оказалась бестелесным призраком, холочей абстракцией. С другой стороны, «Гамлет» на «широкой» сцене обрастал «штатными», превращался в холушную, несколько затасканную мелодраму в духе Сарду.

В России «Гамлет» впервые появился в 1748 году в переделке Сумарокова. «Шекспир — английский трагик и комик, — писал Сумароков, — в котором и очень художника и чрезвычайно хорошева очень много». В «Винстоде с стихотворстве» Сумароков звал читателей взойти на Геликон: «...увидишь тамо || Творцов, которые достойны славы прямо». На Геликоне оказался «Шекспир, хотя непросвещенный». Сумароков и постарался «просветить» Шекспира по всем правилам классицизма. Он написал свою собственную типично сумароковскую трагедию на мотив «Гамлета» (он, между прочим, привел события к счастливой развязке, поживив Гамлета и Офелию). Еще дальше отошел от Шекспира Висковатов (1810 г.), подражатель упомянутого Дюси. От Шекспира здесь не осталось и следа.

Гамлет и Клавдио поменялись ролями. Благородный Гамлет, «преследуемый мечтою», — монарх на троне, а злодей Клавдио (по Висковатову, отец Офелии) — враг монарха. В конце трагедии Гамлет поражает Клавдио мечом со словами: «Небесной суд свершился!» Торжеством монарха Гамлета увенчано это бездарное про-

изведение, исчерпывающую характеристику которого дал актер Щепкин: «Отвратительная пьеса... Дюсаксовская дрянь».

В 1828 году появился первый перевод «Гамлета» на русский язык. Автор этого перевода Вронченко сделал все, что зависело от него, чтобы подойти поближе к Шекспиру. Он поставил себе целью «в местах неясных и сомнительных советоваться со всеми комментаторами и следовать толкованию вернейшему». Но, во-первых, комментаторы, на которых опирался Вронченко, были представителями классицизма XVIII века, а именно: Роу и Поуп («Рове» и «Поуп», как писал Вронченко), а также Варбуртон и Джонсон; во-вторых, — и это главное, — Вронченко во многом не принял Шекспира.

Невольно повторяя Сумарокова, он находил у Шекспира ряд «погрешностей». По словам Вронченко, одна из этих погрешностей заключалась в том, что «Шекспир должен был сообразоваться со вкусом черни». Сопоставьте это мнение со словами Пушкина: «Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не светский обычай трагедии Расина». Вронченко был чужд «народным законам драмы Шекспировой», и потому художественный облик великого драматурга остался для него затемненным. Внутренняя неясность в отношении к Шекспиру отразилась на колебаниях стиля. Вронченко то влезает на ходули ложного пафоса (напирая на такие слова, как «бренность», «волчды и тернии»), то наводит лирику на Шекспира (например, полные тревоги слова солдата Франдиско «I am sick at heart»¹ он переводит: «Мне сгрустнулось»), то неожиданно срывается в бытовизм («Крокодилы жрать || Я тож хочу» — говорит у Вронченко Гамлет). С художественной стороны перевод Вронченко представляет собою бледное произведение.

Гораздо талантливей перевод Полевого (1873 г.). Благодаря Мочалову этот перевод «Гамлета» навсегда вошел в историю русского театра. Он читается очень легко. «Гамлет» Полевого захватывает фабулой. Но

как-раз на переводе Полевого сказалась глубокая пропасть, разделявшая театр того времени от Шекспира. Театр того времени (я не говорю об отдельных гениальных исполнителях) не мог принять многих сторон творчества Шекспира. Театр поэтому требовал изысканного Шекспира. К этому требованию театра и приспособлялся Полевой. «Вообще г. Полевой более перевел «Гамлета» для сцены, нежели передал его» — писал Белинский. Полевой выбросил не только отдельные строки и образы, но целые монологи и многое пересказал на свой лад. В результате облик шекспировской трагедии оказался в корне измененным. «Полевой понял Шекспира, как понимают его, например, Дюма и другие поборники подновленного романтизма, именно — как романтическую мелодраму» (Белинский).

Кетчер (1842 г.) и Каншин (1849 г.) перевели «Гамлета» прозой. Они ставили себе, очевидно, целью как можно точнее передать подлинник. Но, переводя (т. е. делая фразы почти дословно, и Кетчер и Каншин на каждом шагу пересказывали Шекспира своими словами. Обе эти работы ничего общего с художественным переводом не имеют. Вместе с тем они также не являются научно продуманными, передающими и толкующими все детали подлинника подстрочниками, которые могли бы помочь недостаточно знающему английский язык читателю при детальном изучении Шекспира.

Точный на первый взгляд перевод Кронберга (1844 г.), при ближайшем рассмотрении, оказывается особенно типичным примером «романтизирования» Шекспира. Превращая фразу Шекспира, подчас тяжеловесную и вместе с тем мощную, в закругленную сентенцию, сглаживая образы Шекспира или заменяя их плодами собственного творчества, Кронберг создал текст, который напоминает картину, принадлежащую великому мастеру, но густо «записанную» чужой кистью. С этими «записями» мы познакомимся на нескольких типичных примерах. По этому же пути шли и Загуляев (1861 г.) и Соколовский (1883 г.), не говоря уже о Гнедиче (1891 г.).

Отмечу характерный факт. В начале «Гамлета» —

¹ Акт. I, карт. 1, явл. 9. В переводе А. Радловой: «Сердце не на месте».

ночь. Часовые стоят на страже. Король пирует в замке. Действие происходит на площадке перед замком («A Platform before the Castle»). Эта площадка (засланида) является одним из средств обороны замка: для того, чтобы добраться до него, нужно пересечь ровное пространство площадки, становясь открытой мишенью обстрела из замка. Из текста «Гамлета» мы знаем, что в Дании неспокойно: король потому боится Гамлета, что тот, по словам короля, любил «бессмысленной толпой»: когда Лартт возвращается из Франции, толпа врывается в замок и готова свергнуть Клавдио с престола. И потому у стоящего ночью на страже часового Франциско «сердце не на месте». Отсюда — драматизм тревожного оклика: «Кто здесь?» и смысл ободряющего ответа: «Да здравствует король». А между тем, Загуляев ввел от себя следующую ремарку до начала текста: «Терраса (?) перед королевским замком. На переднем плане стена замка с бойницами... за стеной видна верхняя часть дворца, с башнями и освещенными окнами. Часовые ходят по стене взад и вперед. Облачная, но лунная ночь, ветер» (Загуляев тут же оговаривается, что эта «обстановка» — «результат собственных соображений переводчика и собранных им сведений насчет постановки «Гамлета» на лучших английских и германских сценах»). Перед нами — типичный «романтический» «станищенский» пейзаж, ничего общего с суровой «прозой» шекспировского «Гамлета» не имеющий. И этот пейзаж, как общий фон трагедии о Гамлете, как нельзя лучше характеризует стиль перевода не только Загуляева, но и Кронберга и Соколовского, и Гнедича, хотя они, не в пример Загуляеву, и не дают конкретного описания этого пейзажа. Лично на Загуляева этот фон действовал, повидимому, крайне успокоительно. Недаром он передал уже знакомые нам полные тревоги слова Франциско «... 'tis bitter cold || And I am sick at heart» («Замерз я, || И сердце не на месте» — Радлова) следующим образом: «холодина || И скука страшная». Мало нового дает перевод К. Р. (1899). Если Шекспир Полевого напоминает Александра Дюма, то у К. Р. явно звучит Надсон. Отметим, между прочим, что из русских переводчиков К. Р. первый

задался целью перевести «Гамлета» стих в стих. Получительно, что этот чисто-внешний формальный путь несколько не помог переводчику воссоздать насыщенный содержанием и вышуклой матерьяльной образностью стиль Шекспира (у Шекспира, если можно так выразиться, мысли и образы буквально втиснуты в стихотворные строки). Не говоря уже о том, что пятистопный ямб сплошь и рядом расплывается у К. Р. в бесформенный шестистопник без четкой дефурры, общий колорит перевода К. Р. явл. и бесцветен. А между тем, воссоздание насыщенности шекспировского стиля является одним из существеннейших достоинств нового перевода «Гамлета» Радловой, хотя переводчица и не идет по пути обязательного «калькирования» стихотворных строк.

Беза прежних переводчиков заключалась в том, что они пересказывали Шекспира. Лишь в Советском Союзе перед переводчиком со всей четкостью была поставлена задача воссоздания подлинника во всех его деталях. Эта задача была поставлена советским зрителем и читателем, потребовавшими подлинного Шекспира. Исчезла вековая пропасть, разделявшая театр от Шекспира. Требованием театра стал подлинный Шекспир.

На плечи оригинального переводчика, работающего над английским текстом Шекспира, а не компилирующего свой текст по старым переводам, на плечи переводчика, стремящегося воссоздать подлинник во всех его деталях, ложится труднейшая задача. Он должен быть не только переводчиком, но и толкователем Шекспира. Во-первых, самый язык Шекспира очень труден. Знания, даже отличного знания современного английского языка тут далеко не достаточно. Но не в одной устарелости языка Шекспира причина трудности (например, Марло, предшественник Шекспира, в языковом отношении очень прост). И не в лексическом богатстве тут дело. Словарных единиц у Шекспира около 20 тысяч, во всяком случае гораздо меньше, чем в произведениях многих современных реалистов, например, Голсуорси или Киплинга.

Главным трудность языка Шекспира в семантическом богатстве. Так, например, «простое» слово free

употребляется у Шекспира в значениях: *свободный, независимый, добровольный, готовый что-либо сделать, открытый, нескрываемый, щедрый, здоровый, счастливый, беззаботный, невинный, безвредный, благородный, изысканный* и пр.

Шекспир широко использовал для своей семантической палитры не только литературный, но и разговорный идиом своего времени. Вот уже более двухсот лет существует шекспирология, а комментаторы продолжают спорить о значении того или иного слова или словосочетания. Шекспировские глоссарии и словари, — в том числе знаменитый «Лексикон» Шмидта, в котором даны все встречающиеся у Шекспира слова и указано, где, в какой пьесе и в какой строке слово встречается, — часто расходятся друг с другом в толковании отдельных мест. Перед лицом новых предъявленных ему требований советский переводчик обязан быть шекспирологом.

Еще сложнее задача воссоздания конкретности стиля Шекспира, материальности его образов. Отелло не говорит, что «Дездемона жадно внимала его рассказам», но что «она пожирала его рассказы жадным ухом» (*She'd come again and with a greedy ear* || *Devour up my discourse*; «*Othello*», I, 3, 149—150). Шекспир, вместо того чтобы сказать: «Это такое дело, о котором и сумасшедшие не говорят и не думают», пишет: «... such stuff as madmen || Tongue and brain not» («*Cymbeline*», V, 5, 146—147, где вместо слова *дело* — *stuff* (вещество), вместо *говорить* и *думать* — конкретные существительные *tongue* (язык) и *brain* (мозг), исполняющие функцию глаголов).

Язык Шекспира проникнут метафоричностью. «Каждое его слово — картина» — сказал о Шекспире знаменитый английский поэт XVIII века Томас Грей. Когда, например, о Беатрисе в «Много шума из ничего» говорят: «*Disdain and scorn ride sparkling in her eyes*» («*Much Ado about Nothing*», III, 1, 51) — дословно: «Надменность и презрение скачут, сверкая, в ее глазах», — то перед нами сразу встает картина из жизни той эпохи: сверкающая золотым шитьем и драгоценными камнями кавалькада знатных кавалеров и дам, надменных и презрительных. В своих метафорах, словами Гамлета, Шекспир «держал зеркало перед природой».

Переводчик должен связать язык Шекспира с его эпохой. Для слуха, привыкшего к современному языку, иные слова Шекспира звучат как-то особенно торжественно и важно. Повидимому, мы тут часто поддаемся обманчивому впечатлению, невольно поддаемся все тому же «оромантизированию» Шекспира. Известно, что многие слова, покрывавшиеся «пылью веков», преобретают облик торжественный и важный, некогда им вовсе несвойственный. Правда, Шекспир любил украшать свой стиль «эвфуизмами» (в особенности в ранний, догамлетовский период). Но «эвфуизм» Шекспира основывается, главным образом, на игре, на значении слова, а не на коллекционировании раритетов. Наконец, как мы уже говорили, Шекспир широко использовал разговорный язык своего времени. Архаизмов (разумею, конечно, архаизмы для *его* эпохи) у Шекспира очень мало. Гораздо больше у него неологизмов. Так, например, в ту эпоху через изучение римских авторов, через переводы их произведений в английский литературный язык обильно проникали латинские слова. Но на почве английского языка эти слова были *новыми*. Они были взяты потому, что для названия новых открытий, новых понятий не хватало старых слов. Анна Радлова правильно поступила, что не пошла в «обителе» архаизмов, а перевела трагедию Шекспира ясным, *живым* русским языком.

В этом, между прочим, заключается одна из черт, отличающих перевод «Гамлета» Радловой от недавно вышедшего у нас перевода Лозинского. Перевод Лозинского, являющийся в общем очень серьезной работой, пестрит архаизмами. Такое обидное слово, как *story* (рассказ), Лозинский переводит *бывь*. *Soldier* у него *воин*, *scholar* — *книжник* (у Радловой — *ученый*), *armour* — *доспех*, *post-haste* — *торопь* (у Радловой — *спешка*), *moral* — *бременный* (у Радловой — *земной*), *to bear* — *нести*, *compost* — *тук* (у Радловой — *навоз*), *frame* — *храмина* (у Радловой — *сооружение*). Это, конечно, не мелочи. От «колорита» слов зависит многое.

От переводчика, прежде всего, требуется точность. Например, могилу Офелии, по Шекспиру, роют два *clowns*, т. е. два *шута* (*fools*, ср., например, «Отелло»,

где шут также назван *clown*, а также по английскому тексту «Гамлета», II, 2, 336 и III, 2, 43, где слово *clown-fool* — шут). Шут в дни Шекспира был неизменным персонажем спектаклей театров для широкой публики. Вместе с тем он являлся носителем плебейского элемента, он был «простодлинным». У Радловой, как и у Лозинского, *clown* переведено шут (см. 1-ю картину V действия). А между тем, прежние переводчики произвольно переводили *motilichik* (например, Полевой, Кронберг, Кетчер, Каншин, К. Р.), или, в мрачных тонах, *гробокопатель* (Вронченко). Франциско на вопрос Бернардо, все ли было тихо ночью, отвечает: «Not a mouse stirring» (*mouse* — мышь, *to stir* — шевелиться) — «Даже мышь не шевельнулась» (Радлова). Эта деталь точно передана большинством прежних переводчиков (Соколовский почему-то превратил мышь в крысу: «не скреблась и крыса»). Но Кронберг перевел: «как в гробу». Этот привнесенный образ «гроба», «гробовой тишины» с самого начала трагедии намекает на какое-то «жуткое», мистическое настроение... Марцелл спрашивает у Бернардо: «What, has the thing appear'd again to-night» (*the thing* — эта вещь, *to appear* — появляться). Либо Марцелл еще не знает, что это такое, либо он как суеверный человек боится произнести само слово. И поэтому неточно переведли Кронберг («Ну что, являлось нынче привиденье?»), Гнедич («видение»), Каншин («то существо»), К. Р. («Что, снова он являлся в эту ночь?») и пр. Точно у Лозинского: «Ну что, опять сегодня появлялось?» Очень точно и выразительно передает английское *athe things* Радлова: «Что, это снова появлялось?»

Гамлет говорит, что приказ Призрака будет жить «Within the book and volume of my brain» (I, 3, 103). На русском языке это значит: «в книге мозга». А между тем Вронченко переводил: «в книге души моей», Кронберг: «в книге сердца». Это очень типичные отступления. И Вронченко, и Кронберг, конечно, отлично знали, что *brain* значит *мозг*, но «сердце» или «душа» казались поэтичней, ближе к Гамлету, «преследуемому мечтой». Полевой, по обычаю своему, вообще отбросил образ и перевел: «память». Ученый Гораццо называет вооб-

ражение «*the mind's eye*» — «глаз разума», как точно переводит Радлова. Слишком узко передает здесь значение *mind* Лозинский: «глаз рассудка». У Вронченко, конечно: «душевный взор». У Кронберга: «очи души». У Шлегеля: «des Geistes Aug» — «око духа» (Гораццо сразу же становится философом-идеалистом). К. Р. здесь расплывчато копирует Шлегеля на свой лад: «духовный взор». Что касается Полевого, то он выбросил и этот образ.

«Frailty, thy name is woman» — говорит Гамлет. *Frailty* значит «хрупкость, слабость как в физическом, так и в нравственном смысле, *name* — имя, *woman* — женщина. «О бренности! || Твое название женщины!» — перевел Вронченко (почему «бренность»?); Неточно, но хлестко «перевел» Полевой: «О женщины! Ничтожество вам имя!» Эта «сентенция» о женщинах «вообще», повидимому, понравилась. Находим, например, ее вариацию у Соколовского: «Суетность — вот имя || Вам, женщины!» У Гнедича: «О, непостоянство — Вот имя женщин!» У Шекспира нет этого. Нам думается, что здесь вообще нет «сентенции»: Гамлет говорит не *женщины*, но *женщина*, он мысленно обращается к матери. Он, конечно, никогда не называл бы ее «ничтожеством». А между тем, это слово почему-то сохранил Лозинский: «Ничтожность — имя || Тебе, о женщина!» Точней у К. Р.: «Измечтчивость — твое || Название, женщина!» У Радловой: «Слабость — имя || Твое, о женщина!» Этим словом *слабость*, как и английским *frailty*, Гамлет сам перед собою хочет оправдать свою мать. При переводе такого писателя, как Шекспир, каждая «мелочь» приобретает значение.

Очень ценен перевод Радловой в смысле *полноты* воссоздания подлинника. Так, например, знаменитые строки «But look, the morn, in russet mantle clad || Walks o'er the dew of yon high eastward hills» (I, 1, 166—167) переданы во всех деталях: «Вот в алой мантии ступает утро || Там по росе восточных гор высокие».

Заметим, что деталь «высокие горы» («*high hills*») — не только существенная черта художественного образа, но и как бы скрытая в самом тексте ремарка: утро еще не наступило, чуть брезжит рассвет (завели лишь вер-

инны гор). У Лозинского выпала эта деталь: «По вот и утро в мантии багряной || Ступает по росе восточных гор». У Вронченко почти сгладились сами горы: «Но вот и утро в пурпурной одежде || Идет с востока по росе нагорной». Полевой по-своему «пересказал» эти строки: «Но вот уж веет утренней прохладой, || И небо задало на востоке». Гнедич до чрезвычайности «просто» разрешил задачу: «Однако, вот и день». Кронберг постарался «украсить» Шекспира: «Но вот и Феб в пурпуровой одежде || Идет на холм по жемчугу росы». Ни «Феба», ни «жемчуга» у Шекспира нет.

Полнота воссоздания отнюдь не означает буквальности. Так, например, строка «The wind sits in the shoulder of your sail» (I, 3, 56), дословно: «Ветер сидит на плече вашего паруса», передана у Радловой («Уж дует ветер в спину парусам»), на наш взгляд, полнее, чем, например, у Вронченко («Ветер дует в плечи парусам»), — полнее, потому что конкретнее. У Лозинского здесь утерян образ *широкого плеча*, с которым сравнивается парус: «У паруса сидит на *шее* ветер». Остальные переводчики «пересказывали», например, Кетчер: «Ветер надул уж паруса», Каншин: «Ветер уж вздувает паруса», Загуляев: «Попутный ветер дует», Полевой: «Способный ветер дует», Соколовский: «Корабль давно готов».

Новый перевод дает очень много именно в смысле восстановления конкретной образности Шекспира. Офицер Бернардо говорит, обращаясь к Горацио: «Sit down a while, || And let us once again assail your ears, || That are so fortified against our story». Кетчер перевел почти дословно: «Присядем пока; позволь еще раз напасть на твой слух, так укрепленный против нашего рассказа». Заметим свойственную многим переводчикам замену типичного для Шекспира конкретного существительного (*ears* — уши) абстрактным (*слух*). Каншин «пересказывал»: «Позволь мне еще раз утрудить твой слух, хотя он сильно защищен против веры в наши слова». Полевой излагал «вольное»: «Опять я расскажу, || Чтобы ты понял хорошенько». Близко подошел Лозинский, но заставил Бернардо говорить необычайно торжественно: «На штурм твоих ушей, |

Столь укрепленных против нашей были». У Радловой: «Присядем здесь, || И снова мы пойдем на приступ || Столь укрепленных против нас ушей».

Восстановление подлинника, «возвращение» к Шекспиру может, пожалуй, иной раз под первым впечатлением смутить читателя, привыкшего с юных лет ассоциировать «Гамлета» с рядом закругленных сентенций. «The time is out of joint; O cursed spite, || That ever I was born to set it right» (I, 5, 189—190) — говорит Гамлет. Вронченко: «наш век расстроен; о, несчастный жребий! || По что же я рожден его исправить?» Соколовский: «...и ведь надо ж || Веде случиться было, что меня || Назначил рок бороться с злобой дня!» Лозинский: «Век распался; волей злых судьбин || Его восставить призван я один!» Исаки, но не находили убедительной точности и Кетчер: «Время вышло из пазов», и Каншин: «из колен». До сих пор всех «побивал» перевод Кронберга: распалась связь времен? || Зачем же я связать ее рожден». Эти строки получили широкую известность как своего рода «сентенция». Но они очень далеки от Шекспира. Радловой удалось восстановить подлинник. Заметьте: *the time* — не вообще «времени» (абстрактно), но с определенным артиклем *the* — «данное время» (как, например, во фразе «люди того времени»); *to be out of joint* — быть вывихнутым; *to set right* — выправить. Радлова переводит: «Век вывихнут. О, злобный жребий мой! || Век выправить должен я своей рукой». Мы, конечно, предпочитаем Шекспира абстрактному «опортизированию» его. Здесь нет ни отвлеченных «времен», ни отвлеченной «связи». Век вывихнут, — как бывает вывихнута коленная чашка, — типичная для Шекспира материальность образа. Гамлет не решается сам выправить вывих — ценная для характеристики Гамлета деталь.

Переводчики, к сожалению, слишком часто подходят к образным идиомам Шекспира с точки зрения современного английского языка и ограничиваются поэтому изложением на русском языке общего значения идиома. Было бы чудовищным, конечно, дословно переводить все встречающиеся у Шекспира идиомы. Но многие образные идиомы, теперь «вымершие» и растворен-

выпесня в отвлеченной фигуральности, все еще сохраняли в эпоху Шекспира живое вещественное содержание. Когда мы, например, говорим на современном английском языке, что гордость *spurred on* кого-нибудь, то это только значит, что гордость *подстрекала*. Но можно было бы показать на многих примерах, что в эпоху Шекспира глагол *to spur* часто сохранял в фигуральном употреблении свое живое конкретное значение (*spur* — шпора, *to spur* — прищипоривать). Now all occasions do inform against me || And spur my dull revenge» (IV, 4, 32—33) — говорит Гамлет. «Как все случайности меня корят || И шпорят месть ленивую мою» (Радлова). Ср. Кронберг: «Как все винит меня! Малейший случай || Мне говорит: проснись, ленивый мститель!» Лозинский: «Как все кругом меня изобличает || И будит месть мою» То же самое и в переводе слов Горацио: «Thereof prick'd on by a most emulate pride» (I, 1, 83) — «Принужденного гордостью ревнивой» (Радлова), «Подстрекаемого гордостью» (Каншин). «Из зависти» (Кронберг). «Подвигнутым ревнивою гордыней» (Лозинский). Горацио рассказывает, что молодой Форинбрас набрал шайку «не знающих закона смельчаков», готовых ради корма идти за ним на любое предприятие — «That hath a stomach in it» (I, 1, 99—100). Большинство комментаторов толкует здесь *stomach* как смелость: «на любое смелое предприятие», ссылаясь, между прочим, и на испанское *estomago* в значении «смелость», «решимость». Но Радлова ищет конкретности. Во-первых, *stomach* — значит и значило желудок; во-вторых, *to have (a) stomach* употреблялось в ту эпоху в значении чувствовать голод (например, «Много шуму из ничего»: «d... eat when d have stomach» — «Я ем, когда голоден», «Much Ado about Nothing», I, 3, 16); и, наконец, тут идет речь об отчаянных головорезах той эпохи, готовых идти на убийства, насилия, грабежи, лишь бы набить брюхо; вроде тех, что шли за Френсисом Дрейком и другими пиратами. Радлова переводит: «на любые || Дела. Была б для живота пожива». Ср. Кетчер: «На всякое хоть сколько-нибудь прибыльное предприятие». У Каншина вперые, — судя по остальному его переводу, довольно-таки случайно, — здесь был найден правильный ход:

«...Лишь бы от него была пожива для желудка». У К. Р.: «Завистливой гордынейю извигным». У Лозинского: «Для некоего дела, где нужен зуб». У Шлегеля, вместо желудок, находим *Here — сердце!* Шекспир, как указали мы, в своих метафорах «держал зеркало перед природой». Полоний говорит королю и королеве, что его известия: «shall be the fruit to that great feast» (II, 2, 52). *Fruit* — *фрукты*, *feast* — *пир*. Радлова переводит: «Известия будут фруктами на пире». У Кронберга более обще: «будут за столом десертом». То же у Шлегеля. У Вронченко и у Полевого: «Закуска». У К. Р.: «лакомый кусочек». Вычурно перевел Лозинский, передавая фрукты в какой-то единый абстрактный *плод*, а *пир* — в *трапезу*: «Как плод, к концу трапезы». А между тем этот штрих — *фрукты* — не только конкретней и художественно красочней, но отражает, как зеркало, реальную деталь жизни той эпохи: в конце пиршества в королевском и аристократических дворцах подавали фрукты. Из таких штрихов создается целое.

Марцелл спрашивает: «Why such impress of shipwrights?» (I, 1, 75). Существительное *impress* родственно глаголу *to press*, который употреблялся в значении *сербовать насильно* (главным образом, во флот): людей буквально хватали и волокли силой; *shipwright* — судостроитель. У Радловой: «Зачем столько толпы || Судостроителей?». Ср. Кронберг: «Берут людей для корабельных верфей». Лозинский: «Вербовка плотников».

В монолог «Быть или не быть» Гамлет говорит: «The undiscovered country from whose bourn || No traveller returns». До сих пор этот образ казался мистическим (и совокупность таких деталей меняла самое существо произведения). *Undiscovered* переводили как *бездвестный*, *неведомый* и пр. *Traveller* — *путник*, *странник*, *скиталец*. Например, уже у Висковатова: «путь безвестный». Полевой: «В той безызвестной стороне, откуда нет пришельцев». Соколовский: «... непонятной, неведомой страной, откуда нет || И не было возврата». К. Р.: «В неведомой стране, откуда ни единый || Не возвращался путник». Лозинский: «Бездвестный край, откуда нет возврата || Земным скитальцам». Радлова ясно видит реализм Шекспира. Образ Шекспира отражает

живую действительность. Здесь идет речь о путешественниках — мореплавателях той эпохи. И Радлова переводит: «Та неоткрытая страна, откуда || К нам путешественник не возвращался».

Последний пример особенно наглядно иллюстрирует подход Радловой к Шекспиру. Поняв реализм Шекспира, она стремится найти связь слова Шекспира с его эпохой. Именно поэтому ей удалось и в самом *тоне* речи передать пафос шекспировской трагедии, — не слащаво-сентиментальный или напыщенно-витиеватый, но тот мужественный и энергичный пафос, который читатель сразу же почувствует в новом переводе «Гамлета».

Изучая перевод Радловой, невольно вспоминаешь «чистку» картины в мастерской реставратора. Со старой картины сходит «сумрак», и вновь воскресают яркие и живые краски. И если иному наблюдателю станет жаль «задумчивого сумрака», то пусть вспомнит он, что этот «сумрак» — не что иное, как потемневший от времени грязный лак. В своем переводе «Гамлета» Анна Радлова сумела восстановить на русском языке существеннейшие черты замечательного произведения, принадлежащего перу полнокровного и бурного писателя, великого реалиста, подлинного Шекспира.

Проф. М. Морозов.

Отв. редактор П. Я. Канн.
Техн. редактор Э. Ю. Блейх.

Слано в набор 17 октября 1936 г. Подписано к печати 7 марта 1937 г. Бумага 72×104^{1/2}, 99072 п. ан. в 1 л. 6 листов. Объем 8^{1/2}, печ. листов. Т-3. Искусство № 287. Тираж 10.000 экз. Ленинград № 1297. Заказ № 4272. Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.